

ISSN 2312-7899 (print)
ISSN 2408-9176 (online)

ПРАΞΗΜΑ

проблемы визуальной семиотики

2 0 2 4

№ 2 (40)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАΞΗΜΑ

ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Научный журнал

2024

№ 2 (40)

ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 2 (40) [18+]

Главный редактор

В. В. Обухов (Томский государственный педагогический университет)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

И. В. Мелик-Гайказян (Томский государственный педагогический университет)

Ответственный секретарь

М. С. Горбулёва (Томский государственный педагогический университет)

Редакционная коллегия

Е. В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

М. Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

И. Н. Инишев (Высшая школа экономики, Москва)

С. Б. Куликов (Томский государственный педагогический университет)

А. М. Лидов (Научный центр восточнохристианской культуры, Москва)

М. Моравчикова (Трнавский университет, Словакия)

К. Е. Осетрин (Томский государственный педагогический университет)

О. В. Рыбчинский (Национальный университет «Львовская Политехника», Украина)

В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет)

Н. И. Сазонова (Томский государственный педагогический университет)

В. А. Суровцев (Томский государственный университет)

В. А. Суханов (Томский государственный университет)

П. Я. Ференски (Вроцлавский университет, Польша)

А. И. Щербинин (Томский государственный университет)

Редакционный совет

Т. Андина (Туринский университет, Италия)

О. А. Донских (Новосибирский гос. университет экономики и управления)

И. Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва)

Л. Карали (Национальный университет, Афины, Греция)

Е. Н. Князева (Высшая школа экономики, Москва)

В. В. Лепахин (Университет г. Сегед, Венгрия)

Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)

Н. В. Ссорин-Чайков (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург)

И. Топп-Вуйтович (Вроцлавский университет, Польша)

Е. Р. Ярская-Смирнова (Высшая школа экономики, Москва)

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции и издателя: пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: praxema@tspu.edu.ru

Электронная версия журнала: <http://praxema.tspu.edu.ru>

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П.И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия 394052.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 – 57493

Подписано в печать: 25.03.2024. Дата выхода в свет: 18.04.2024. Формат: 70×100/16. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 17. Тираж: 500 экз. Цена свободная. Заказ: 1277/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева

© Томский государственный педагогический университет, 2024. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

ПРАΞΗΜΑ

JOURNAL OF VISUAL SEMIOTICS

Научный журнал

2024

№ 2 (40)

ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2024. № 2 (40) [18+]

Chief Editor

Valery Obukhov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Deputy Chief Editor

Sergey Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Irina Melik-Gaykazyan (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Executive Secretary

Maria Gorbuleva (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Editorial Board

Eugene Afonasin (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Ilya Inishev (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Sergey Kulikov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Lidov (Scientific Center of Eastern Christian Culture, Moscow, Russia)

Michaela Moravchikova (University of Trnava, Slovakia)

Konstantin Osetrin (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Oleh Rybchynskiy (Lviv Polytechnic National University, Ukraine)

Valery Savchuk (Saint-Petersburg State University, Russia)

Natalia Sazonova (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Scherbinin (Tomsk State University, Russia)

Vyacheslav Sukhanov (Tomsk State University, Russia)

Valery Surovtsev (Tomsk State University, Russia)

Marina Volf (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Editorial Council

Tiziana Andina (University of Turin, Italy)

Oleg Donskih (Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia)

Elena Iarskaia-Smirnova (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Lilian Karali (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Helena Knyazeva (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Valerij Lepahin (University of Szeged, Hungary)

Tigran Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Izolda Topp-Wójtowicz (University of Wrocław, Poland)

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address: pr. Komsomolsky, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634061.

Tel.: +7 (3822) 31-13-25; +7 (3822) 31-14-64. E-mail: praxema@tspu.edu.ru

Online version: <http://praxema.tspu.edu.ru>

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P.I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: 89507656959. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate PI № FS 77 – 57493

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Approved for printing on: 25.03.2024. Date of issue: 18.04.2024. Format: 70×100/16. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 500. Price: not settled. Order: 1277/H.

Production editor: Yu . Yu . Afanasyeva. Text designer: A. I. Alisheva.

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Битюцкая Е. В.</i> (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия) Репрезентации жизненного пути в советском кинематографе «Большого стиля»	9
<i>Боброва А. С.</i> (Российский государственный гуманитарный университет; Национально-исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия) Ментальные модели и экзистенциальные графы: как определить правило.....	32
<i>Володенков С. В.</i> (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия); <i>Федорченко С. Н.</i> (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия); <i>Белов С. И.</i> (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия); <i>Карлявина Е. В.</i> (Российский университет транспорта, Москва, Россия) Особенности конструирования образа российской политической элиты и власти в современных видеоиграх (на примере Metro Exodus).....	57
<i>Думнова Э. М.</i> (Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия) Знаково-символическое пространство японского сада: мировоззренческие основания	79
<i>Спешилова Е. И.</i> (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия) Постижение города: от восприятия к воображению.....	103

ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ

<i>Горбулёва М. С.</i> (Томский государственный педагогический университет, Россия); <i>Мелик-Гайказян И. В.</i> (Томский государственный педагогический университет, Россия); <i>Первушина Н. А.</i> (Томский государственный педагогический университет, Россия) Конструирование семиотического оптимума в студенческом конспекте (на примере открытой лекции «Этика» в курсе «Философия»)	120
--	-----

ЭССЕ

Донских О. А. (Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия; Новосибирский государственный технический университет, Россия)

Очищение языка как условие трансформации отечественной системы образования 145

Лисанюк Е. Н. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия);

Шеваренкова А. В. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Визуализация аргументации, глубокое разногласие и решение спора (на примере дискуссии о домогательствах)..... 167

Сведения об авторах..... 188

CONTENTS

ARTICLES

- E. Bityutskaya* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Representations of the lifeway in Soviet cinematography
of the 1930s – early 1950s 9
- A. Bobrova* (Russian State University for the Humanities Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia)
Mental models and existential graphs: How to define a rule..... 32
- S. Volodenkov* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
S. Fedorchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
S. Belov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
E. Karlyavina (Russian University of Transport MIIT, Moscow, Russia)
The Russian political elite and power image
constructing peculiarities in contemporary video games
(on the Metro Exodus materials) 57
- E. Dumnova* (Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia)
The symbolic space of the Japanese garden:
Ideological foundations..... 79
- E. Speshilova* (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia)
Comprehending the City: From Perception to Imagination..... 103

OPEN LECTURE

- M. Gorbuleva* (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia);
I. Melik-Gaykazyan (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia);
N. Pervushina (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia)
Construction of the semiotic optimum in students' notes
(on the example of an open lecture on ethics
in a philosophy course) 120

ESSAY

<i>O. Donskikh</i> (Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia) Language purification as a condition of transformation of the domestic education system.....	145
<i>E. Lisanyuk</i> (St Petersburg State University, Russia, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); <i>A. Shevarenkova</i> (St Petersburg State University, Russia) Visual Argument Mapping, Deep Disagreement and Dispute Resolution (a Case-study of the Harassment Discussion).....	167
Authors	191

СТАТЬИ / ARTICLES

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ «БОЛЬШОГО СТИЛЯ»

Е. В. Битюцкая

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
bityutskaya_ew@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 23-28-01255

Статья посвящена анализу репрезентаций жизненного пути в советских кинофильмах, снятых в период с 1930-х по начало 1950-х годов (сталинский период, или «большой стиль» советского кинематографа). На основе обзора литературы выделяются две тенденции: героизация и типизация биографии в искусстве соцреализма, что было необходимо, в частности, для создания образцов-моделей поведения советских людей. Для эмпирического анализа фильмов используется методика, которая основывается на идеях структурно-семиотического подхода. Основные единицы анализа – жизненные события и временная перспектива (отношение к прошлому, настоящему, будущему) – выделены на основе психологических подходов к пониманию жизненного пути. Кинофильмы отобраны по критерию соответствия центральной темы описанию жизненных событий советских людей, представленных в рамках кинокартины на протяжении определенного периода времени. Вначале выполнен общий разбор фильмов о «жизненном пути», а затем – с помощью анализа кейса – более подробно рассмотрен кинофильм «Сельская учительница» (1947). На основе анализа содержания событий проанализированы репрезентации жизненного пути. Выделены следующие жизненные темы: трудовое становление героя, любовные отношения, коллектив как значимый контекст и др. Временная перспектива, показанная в кинофильмах «большого стиля», характеризуется направленностью в будущее, идеалистическими сюжетами и отсутствием сведений о прошлом героя. Анализ кейса позволил описать циклическую динамику «жизненного пути» как способ «контроля коллективного будущего» и оптимистичной уверенности в нем. Результаты обсуждаются в контексте устойчивости и воспроизводимости в моделях поведения современных людей некоторых ценностей, представленных в советских фильмах.

Ключевые слова: семиотика кино, герой, жизненное событие, временная перспектива

REPRESENTATIONS OF THE LIFEWAY IN SOVIET CINEMATOGRAPHY OF THE 1930s – EARLY 1950s

Ekaterina V. Bityutskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
bityutskaya_ew@mail.ru

The article analyzes representations of the lifeway in Soviet films made in the period from the 1930s to the early 1950s (the Stalinist period of Soviet cinema). The idea of the certainty of the lifeway of Soviet people and the predetermined nature of their future is described. This trend is based on the sustainability and reproducibility of behavior patterns that can be transmitted through the arts. Soviet cinema can be considered as a source of behavioral models. The article analyzes what examples of living life were created in Soviet films of the Stalinist period and how this relates to the values of modern people. The research question is posed: What meanings and significance describe the representations of the “lifeway” presented in Stalinist cinema? Based on the review of literature, two tendencies stand out: biography glorification and biography typification. This, in the context of the tasks of the art of socialist realism, was necessary to create Soviet people’s behavioral models. For an empirical analysis, a technique is used that is based on the ideas of the structural-semiotic approach. Based on psychological approaches to understanding of the lifeway, the main units of film analysis are identified: life events and time perspective (attitude to the past, present, future). The films were selected according to the criterion of correspondence of the central theme to the description of the Soviet people’s life events presented within the framework of the film over a certain period. Initially, a general analysis of films about Soviet people’s “lifeway” was carried out, and then, with the help of a case study, the film *The Village Teacher* (year 1947) was considered in more details. The representations of the lifeway are analyzed on the basis of the events’ content and distribution by life spheres. The following life themes are highlighted: (1) the character’s labor formation is shown as the focus of the most significant meanings of his life; (2) the theme of love is closely related to work activities; love is the “reward” of characters who are successful at work; (3) the collective is shown as a significant context of human life. The character’s internal qualities include willpower, persistence, and unity of purpose. Choosing a difficult path is also associated with heroism. Orientation towards the future, idealistic plots, and lack of information about the character’s past characterize the time perspective of Soviet films. Based on the case study, the cyclical dynamics of the “lifeway” is described as a way of “controlling the collective future” and as an optimistic confidence in it. The results are discussed in the context of the stability and reproducibility of certain values presented in Soviet films in modern people’s behavioral patterns. It is concluded that the attractiveness of perceiving life as stable is determined by a sense of comprehensibility of the structure of the world, certainty of the future, and confidence in the tomorrow.

Keywords: semiotics of cinema, hero, life event, time perspective

Введение

Очевидный, общепринятый план жизни и, как следствие, определенность будущего описаны в научной литературе как важная составляющая жизни советского человека. Так, А. Ю. Согомонов определяет автобиографию советского периода как «способ низывания фактов индивидуального жизненного пути в той метарамке, которая была <...> идеологически предопределена» [Согомонов 2012, 37–38]. В противоположность этому в психологических работах для современного периода констатируются «тенденции к дестандартизации жизненного сценария, снижению роли нормативных компонентов, усилению индивидуализации жизненного сценария» [Гришина 2011].

Тем не менее результаты социологических исследований свидетельствуют, что, несмотря на смену «внешних» механизмов общественной жизни, основополагающие ценности и представления советского человека обладают высокой устойчивостью [Гудков 2005, 8]. В соответствии с современными представлениями усвоение культурного жизненного сценария рассматривается как «социальная практика воспроизводства культурного менталитета» [Нуркова 2018, 14]. Это подтверждает опрос ВЦИОМ от 30 декабря 2022 года, приуроченный к 100-летию создания СССР¹. Устойчивость и воспроизводимость ценностей, их влияние на модели поведения и жизнь современных людей определяют актуальность темы и исследовательский интерес к тому, как эти ценности формировались и транслировались.

Как отмечает Б. Дубин, символически репрезентируя тот или иной образец мышления, чувства, поведения в их единичности, искусство делает их повторяемыми, воспроизводимыми, т. е. соотносимыми не только с автором и действующим в произведении героем, а с индивидом, воспринимающим текст. Усвоение подобных образцов происходит посредством их осмысления, переживания, встраивания в личный опыт [Дубин 2001]. Кинофильмы можно рассматривать как источник эмпирических научных данных о конструировании значений² [Дружинин 2022]. В этом контексте

¹ Подробное описание результатов опроса см. на сайте Всероссийского центра изучения общественного мнения www.wciom.ru (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>).

² Уместно привести здесь тезис М. Ю. Лотмана: «Цель искусства – не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения» [Лотман 1973, 21].

представляется важным проанализировать, какие образцы, модели «проживания жизни»³ содержат советские фильмы. Это позволит не только описать мотивационные и ценностные координаты советского общества, но и глубже понять некоторые модели поведения современных людей.

В данной работе представлены результаты анализа советских кинофильмов о биографии, снятых в период с 1930-х по начало 1950-х годов (сталинский период, или «большой стиль» советского кинематографа) в опоре на идеи структурно-семиотического подхода Ю. М. Лотмана. При этом единицы анализа фильмов (жизненные события и временная перспектива) выделены на основе психологических представлений. Согласно взглядам С.Л. Рубинштейна, «жизненный путь» трактуется как время жизни человека, наполненное событиями, предполагающее определенную их последовательность и динамику. Развитие субъекта связывается с событиями, происходящими в процессе его становления [Рубинштейн 2003]. Автор определяет события как «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека» [Рубинштейн 2015, 643]. Кроме того, мы основываемся на представлении, что динамическая сущность жизненного пути, его процессуальность предполагает анализ отношения ко времени жизни – прошлому, настоящему, будущему, или временной перспективы [Левин 2001].

Исследовательский вопрос, на который отвечает настоящая работа, формулируется следующим образом: какие значения и смыслы описывают репрезентации «жизненного пути», представленные в кинематографе «большого стиля»?

Репрезентации биографии в искусстве соцреализма

Одной из важных особенностей искусства соцреализма, определяющей в том числе конструирование биографии, является *героизм*. Это предполагает осуществление подвига, сверхусилие, растворение в задаче, самопожертвование [Гюнтер 2000а; Добренко 2000; Кларк 2002; Лидерман 2004]. Ю. Г. Лидерман отмечает, что судьба «нового» человека соотносится с таким же «новым» и находящим-

³ «Проживание жизни» – оборот С. А. Хазовой, утверждавшей, что в культуре содержатся представления о «должных» и важных способах, позволяющих наиболее продуктивно прожить жизнь [Хазова, 2014, 49].

ся в процессе становления, «небывалым, неповторимым» социальным целым – страной. Только пройдя через испытания и проверку вместе со всеми, индивид обретает полноту и смысл существования⁴ [Лидерман 2004]. Герои в советских кинофильмах 1930-х годов – это «простые люди, отличающиеся дисциплинированностью, энтузиазмом в труде, <...> ненавистью к врагам социализма, верой в мудрость власти». Им свойственны коллективизм и жертвенность [Сенникова, Савельева 2017, 252]. Функциями героического образа являются трансляция социокультурных ценностей [Петрова 2021], создание образцов [Добренко 2000]. «Герои – это те, кем в ближайшем будущем станет их аудитория» [Марголит 1988, 39].

Вторая связанная с этим значимая черта – *унификация биографии*, что особенно ярко показано на примере литературы. Так, отмечается, что типизация строилась таким образом, чтобы жизнь каждого героя соответствовала определенным «мифологизированным» образцам [Кларк 2002]. При этом происходит смещение в сторону приоритета «внеличных ценностей» и доминирование «внешнего реального хронотопа» [Балина 2000].

Мы предполагаем, что обе тенденции (героизация и унификация) можно выделить и для советского кино рассматриваемого периода. Это анализируется далее на материале исследования кинофильмов о «жизненном пути».

Временная перспектива в советском кинематографе 1930–1950-х годов

Е. Добренко описывает отношение к времени в сталинский период как «футуринаправленную перспективу», когда все делается для «светлого завтра» и для «будущих поколений». «Овладение будущим», областью неизвестного имело целью власть над сферой «политического бессознательного», наполненного страхом перед неопределенностью [Добренко 2008, 17–18].

Е. Я. Марголит связывает «модель грядущего светлого будущего» с эстетикой массового праздника. Важно, что сюжетом праздника была демонстрация достигнутых свершений, а не сам процесс достижения. Анализируя механизмы восприятия этих фильмов зрителем как «реалистического кино», автор отмечает отсутствие

⁴ При этом следует отметить, что испытания не являются уникальной характеристикой репрезентаций советского человека, а признаны важным атрибутом темы героя в сценариях кино вообще, в том числе и для американских кинофильмов [Волгер, Маккена 2018].

в нем жизнеподобия и приходит к выводу, что зритель соотносил эти фильмы не с собственным опытом, а с внушенными ему средствами пропаганды нормами восприятия. Посредством такого механизма «настоящее сдвигалось в прошлое, а будущее превращалось в настоящее, в результате чего само настоящее проходило через полную дереализацию» [Марголит 1988, 68–69].

«Работа с прошлым» в кинематографе сталинского периода также связана со своеобразными временными переходами и воплощается созданием историко-биографических фильмов о военачальниках, царях и деятелях русской культуры XIX века («Пётр Первый», 1937–1938, реж. В. Петров; «Александр Невский», 1938, реж. С. Эйзенштейн; «Суворов», 1940, реж. Вс. Пудовкин, М. Доллер). Однако в рамках данного исследования нас интересует конструирование средствами кино биографии «советского простого человека» (оборот – по названию книги [Левада 1993]).

Методика

Теоретическим основанием настоящего исследования является общий принцип структуралистского подхода: «изучаемый объект понимается, прежде всего, как специфический язык или текст, “написанный” на этом языке. Этот язык или текст рассматривается как некая система, обладающая внутренней структурой» [Зайнетдинова 2010, 214]. Мы опираемся также на структурно-семиотический подход М. Ю. Лотмана [Лотман 1973; Лотман 1998] и его представления о киноэстетике: «Мир кино предельно близок зримому облику жизни. Иллюзия реальности, как мы видели, – его неотъемлемое свойство. Однако этот мир наделен одним довольно странным признаком: это всегда не вся действительность, а лишь один ее кусок, вырезанный в размере экрана. <...> То, что мир экрана – всегда часть какого-то другого мира, определяет основные свойства кинематографа как искусства» [Лотман 1973, 32]. Кроме того, для анализа фильмов применяется исследовательская схема, разработанная Т. Дашковой. Эта схема предполагает анализ репрезентаций «жизненного мира», данных в кино, на трех уровнях: *сюжет, персонажи и киноязык* [Дашкова 2004; Дашкова 2008].

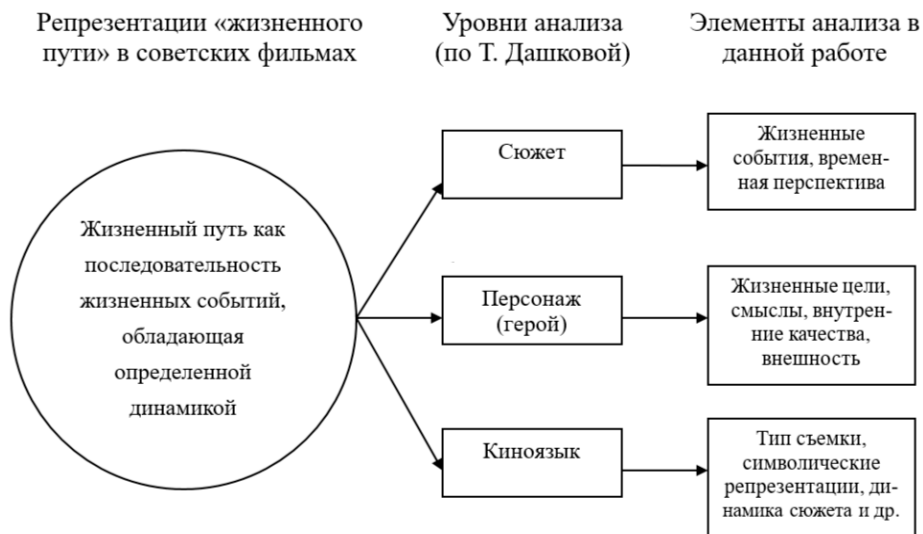
Для анализа репрезентаций «жизненного пути» в кинофильмах разработан и реализован следующий *исследовательский план* (в схематичном виде представлен на ил. 1):

1. Единицами анализа являются жизненные события героя, которые группируются по *жизненным сферам*: трудовое становление,

любовные отношения, взаимодействие с людьми, макрособытия, связанные с историей страны. «Внутренний мир» героя мы рассматриваем в основном в процессе анализа кейса.

2. Элементом структурного анализа является также *среда жизни* (пространство, в котором происходит действие).

3. Кроме того, нас интересует, как конструируется в фильмах *временная перспектива*: прошлое, настоящее, будущее; какое отношение к времени жизни в них репрезентируется.

Ил. 1. Предмет, уровни и элементы анализа кинофильмов (разработано автором на основе исследовательской схемы Т. Дашковой)

Для эмпирического анализа мы отобрали фильмы по критерию соответствия центральной темы описанию жизненных событий советских людей, представленных в рамках кинокартины на протяжении определенного периода времени. На основе предложенной схемы выполнен вначале общий разбор фильмов о «жизненном пути», а затем – с помощью анализа кейса – более подробно рассмотрен кинофильм «Сельская учительница» (режиссер М. Донской) [Сельская учительница 1947].

Кейс анализировался по следующему плану:

1. Выделение жизненных событий героини, репрезентированных в фильме; анализ содержания событий, их распределение по сферам: трудовое становление, любовные отношения, взаимодействие с людьми, макрособытия, связанные с историей страны, вну-

триличностная сфера (или внутренний мир) – внутренние качества героини (сила воли, упорство), целеполагание, смыслы жизни. Также анализировались отношение к времени и среда жизни.

2. Анализ динамики: какие жизненные сферы изменяются, а какие стабильны.

3. Анализ временной перспективы: как показано прошлое, настоящее, будущее.

4. Обобщение смыслов (множественные ответы на вопросы: Что это значит? Для чего это нужно?).

Анализ репрезентаций жизненного пути в советских кинофильмах «большого стиля»

Рассмотрим жизненные темы (или сферы), представленные в кинофильмах.

Трудовое становление является сюжетообразующим в ряде фильмов («Член правительства», 1939, реж. А. Зархи, И. Хейфиц; «Светлый путь», 1940, реж. Г. Александров; «Сельская учительница», 1947). Данные кинокартины показывают труд как средоточие наиболее значимых смыслов человеческой жизни. При этом кульминационным событием «жизненного пути» является получение высокой государственной награды, т. е. трудовой подвиг замечен и отмечен правительством («Большая жизнь», 1939, реж. Л. Луков; «Светлый путь», 1940; «Сельская учительница», 1947).

Отметим, что фильмы, в которых *любовные отношения*, построение семьи находятся в центре сюжета, являются редкостью. Но даже в этих кинокартинах действие происходит на заводах, фабриках, в поле – т. е. в рабочих *пространствах*, при поддержке и участии трудового коллектива («Случайная встреча», 1936, реж. И. Савченко; «Трактористы», 1939, реж. И. Пырьев; «Любимая девушка», 1940, реж. И. Пырьев). Таким образом, смысловой акцент делается на рабочей среде, а приватная сфера скрыта от зрителя. Т. Дашкова пишет, что в советских кинофильмах этого периода частная жизнь показана минимально. Это проявляется в редком показе частных пространств, способов общения влюбленных, «прилюдном» развитии отношений, при котором коллектив и старшие наставники стимулируют главных героев к объяснениям и действиям в направлении друг к другу [Дашкова 2008]. Как отмечает Е. Я. Марголит, существование сферы частной жизни на рубеже 1940-х годов возможно лишь в музыкальной комедии на бытовом материале [Марголит 1988, 43].

Важно, что счастливые отношения, любовь являются своеобразной привилегией героев, которые успешно прошли путь трудового становления либо на момент начала киноповествования являются ударниками производства, стахановцами, образцовыми работниками. Анализируя кинокомедии И. Пырьева и фильмы Г. Александрова, Х. Гюнтер показывает, что «обязательная свадьба в конце сказки происходит не столько “по любви”, но на основе отбора по социальным качествам. <...> Свадьба и счастье утверждают-ся как награды, вручаемые передовым <...> работникам» [Гюнтер 2000б, 776].

В качестве исключения для такого утверждения можно обозначить фильм «Член правительства» (1939), в котором показана жизненная траектория «битой мужем» крестьянки, от которой уходит муж, когда она принимает назначение председателем колхоза. Развод – редкое событие для показа в кино «большого стиля», но в данном случае такой разлад усиливает демонстрируемые фильмом тяготы жизни. Впрочем, жизнь героини в итоге устраивается: этот сложный конфликт ей удастся преодолеть. В финале она смогла наладить и жизнь колхоза, и свою, а также состоялась как член правительства.

Другим редким явлением в сталинском кинематографе о биографии советского человека является показ *детей*. Они либо есть, но не влияют на развитие сюжета, т. е. им не придается особого значения («Член правительства» 1939; «Великая сила», 1950, реж. Ф. Эрмлер), либо картина завершается свадьбой, и дети не успевают появиться. Т. Дашкова показывает, что дети «выполняют функцию проверки отношений влюбленных на прочность», часто речь идет об усыновленных детях [Дашкова 2008]. В данном случае интересным исключением является картина «Случайная встреча» (1936), в которой представлен жизненный выбор героини, сделанный в пользу рождения ребенка и, на первый взгляд, в ущерб спортивному рекорду и любовным отношениям. Однако в результате такого решения она в финале фильма имеет ребенка, любящего мужа и становится чемпионкой СССР. В этом фильме тема детей и детства играет центральную роль. Показаны: коллектив фабрики игрушек, при этом сами игрушки являются предметом показа; дети, выступающие в качестве главных экспертов производства; директор как заботливый многодетный отец (который даже звук для погремушки заказал у композитора); яркий финал фильма, в котором трехлетний ребенок, показанный крупным планом, дает совет взрослой девушке.

Наконец, тема *коллектива* выполняет функции системообразующего фактора в сюжете и того значимого контекста, в котором реализуется «жизненный путь». Коллектив активно поддерживает и помогает состояться героям, принимает участие в значимых событиях (свадьба, рождение ребенка), указывает на верные или неправильные решения («Богатая невеста», 1937, реж. И. Пырьев; «Трактористы», 1939).

Огромная роль другого человека в становлении героя показана также введением в сюжет темы знакомства. В большинстве рассматриваемых фильмов в самом начале представлено знакомство с человеком, который повлияет затем на весь «жизненный путь», репрезентируемый кинокартиной (инженер Алексей Лебедев и секретарь парткома Мария Сергеевна в фильме «Светлый путь»; секретарь райкома в фильме «Член правительства»; инструктор физкультбазы Григорий Рыбин в фильме «Случайная встреча»; знакомство главных героев в фильме «Трактористы»). Также особое значение придается партийным работникам и наставникам, бригадирам, руководителям предприятий, председателям колхозов, что было отмечено ранее [Дашкова 2008; Лидерман 2004]. Это персонажи, которые обладают «правдой жизни», могут давать мудрые советы, наставлять на «истинный путь», принимать верные решения. Так, в фильме «Член правительства» (1939) секретарь райкома разглядел в героине хорошую работницу и «проложил» ей дорогу по жизни вплоть до депутата.

Важно, что именно партийные работники устанавливают жизненную и производственную справедливость. Особенно ярко это показано в фильме «Великая сила» (1950). Приехавший с инспекцией работник ЦК КПСС Александр Остроумов не только поддерживает перспективного ученого и его научные достижения, но и разоблачает «поборников буржуазной генетики». Этим разрешается затянувшийся спор и расставляются «истинные приоритеты» в деятельности исследовательского института. Примечательно, что выступление Остроумова происходит на фоне бюста Сталина, тем самым подчеркивается, что совершается угодное вождю правое дело.

В контексте анализа *временной перспективы* интересно отметить, что в рассмотренных фильмах (даже в тех, которые посвящены жизненному становлению и показывают период 10 и более лет), как правило, не дается сведений о прошлом героя: его происхождении, рождении, детстве; не представлены автобиографические воспоминания и анализ прошлого; зачастую ничего не известно о родителях (за исключением тех картин, в которых родители или

один из них являются персонажами). Иногда сообщаются отдельные подробности прошлого (например, в фильме «Светлый путь» Таня родом из деревни), но не дается целостного представления о предыдущих периодах жизни. Зачастую в начале фильма представляется уже ставший передовиком персонаж, не только имеющий достижения в производственной сфере, но и пользующийся всеобщей любовью и уважением член коллектива (Иринка в фильме «Случайная встреча», 1936; Марьяна Бажан в фильме «Трактористы», 1939; профессор Лавров в фильме «Великая сила», 1950). Мы полагаем, что отсутствие подробностей о прошлом позволяет «типизировать» героя, т. е. представлять его как типичного советского человека, тем самым расширяя возможности для идентификации с ним зрителя.

Герои фильмов действуют в настоящем (без оглядки в прошлое) с ориентацией в будущее. образу светлого будущего в фильмах этого периода придается особое значение. Он (образ) либо конструируется через возможность заглянуть в будущее (в финале фильма «Светлый путь» героиня, как бы фантазируя, летит в автомобиле над страной), либо дан как свершенное (например, изобилие продуктов на выставке в фильме «Кубанские казаки», 1949, реж. И. Пырьев). Уверенность в завтрашнем дне создается также через подтверждение ожиданий (подробно об этом см. далее, анализ кейса). Большое значение для формирования веры в позитивное будущее имеет и оптимистичный финал фильмов (happy end), демонстрирующий осуществление мечты, высокое достижение – предмет стремлений героя, свадьбу или воссоединение персонажей. Это оставляет зрителя в состоянии воодушевления и дает основание строить позитивные прогнозы.

Анализ фильма «Сельская учительница» (1947)

Фильм показывает путь героини, сельской учительницы Варвары Васильевны Мартыновой (В. Марецкая), с юношеского возраста, момента окончания женской гимназии в Петербурге, ее жизнь в сибирском селе, до зрелого возраста и становления в качестве директора школы. Е. Добренко отмечает, что в фильме «Сельская учительница» представлены события длиною в жизнь: становление героя, его созревание, служение идеалу, вера, подвиг и, наконец, «посмертные чудеса» (Добренко 2008, 211). Хронологически фильм охватывает период, который начинается до Первой мировой войны и завершается окончанием Второй мировой войны. Показанные в фильме жизненные события представлены в табл. 1.

Таблица 1

**«Жизненные сферы» героини фильма «Сельская учительница»
Варвары Васильевны Мартыновой**

Жизненные сферы	Репрезентации жизненного пути
Динамичные сферы жизни	
Трудовое становление героини	Героиня как выпускница гимназии – сельская учительница – директор городской школы – кавалер ордена Ленина
Любовные отношения	Знакомство – свидания – арест жениха перед свадьбой – объяснение в любви – свадьба – верность мужу – его смерть – память о нем
Взаимодействие с людьми	Односельчане приняли Варвару, стали ее уважать; показаны уважение и любовь учеников. Ученики: их взросление – их достижения – их награды
Среда жизни ¹	Пространство поселка: маленькое село – большое село – город. Пространство школы: изба с одним столом и лавкой – просторное монументальное здание, оборудованное всем необходимым для обучения и развития учеников
Макросфера	Первая мировая война, Февральская революция, съезд большевиков, Октябрьская революция, Вторая мировая война
Статичные сферы жизни	
Внутриличностная сфера	Сила духа, упорство, благородство
Целеполагание (жизненные цели и выборы)	Весь фильм демонстрирует реализацию цели, которую героиня проговаривает в начале киноповествования: учить детей в сибирской деревне
Смыслы жизни	Служить Родине, быть верной мужу и верной разделяемым с ним идеалам
Среда жизни ¹	Поселок, пространство школы
Отношение к времени жизни	Вера героини в светлое будущее
Стабильность времени начала занятий	Повторяющаяся на протяжении фильма демонстрация циферблата, стрелки которого показывают 9.00 часов

Примечание. ¹ – «среда жизни» в фильме «Сельская учительница» может рассматриваться одновременно и как динамичный, и как стабильный фактор: даны одни и те же пространства (села и школы), которые изменяются.

В репрезентации героини важны как ее внешние отличия от сельских жителей (она одета всегда подчеркнуто интеллигентно, как петербургская барышня), так и внутренние качества, выбор трудного пути. Это раскрывается, в частности, через характеристики, данные ей другими персонажами. Так, революционер, будущий муж героини Сергей Мартынов (Д. Сагал) говорит: «Как Вы решаетесь от такой благодати в Сибирь? <...> Туда ссылают нашего

брата за преступления, а Вы – добровольно. Значит, Вы сильная» [Сельская учительница 1947].

Встраивание биографии героини в историю страны. Обратим внимание на тесные переплетения общественно-политических событий (макросферы, исторического времени) и жизни героини (биографического времени) и рассмотрим способы встраивания личной биографии в «большую» историю. Это репрезентируется посредством как деятельности Варвары, ее включенности в события, участия в них, так и формирования личностных смыслов героини вокруг события. Например, Варвара выстраивает следующую логическую цепочку рассуждений, осмысляя революционные события: «Ведь тогда дети крестьян смогут учиться в средних и высших учебных заведениях. <...> Значит, Пров Воронов будет учиться» [Сельская учительница 1947]. То есть мы видим здесь переход от объективной ситуации к субъективным жизненным смыслам.

Кроме того, внешнесобытийный план и связанные с ним идеалы, убеждения скрепляются с личной (и даже интимной) сферой через тему любви. Так, верность в любви связывается с верностью идеям. Предсмертные слова мужа Варвары звучат следующим образом: «Я не жалел сил для счастья людей. Я был коммунистом, Варенька. Верность нашему делу завещаю тебе» [Сельская учительница 1947]. Объяснение Сергея в любви к Варваре стремительно перерастает в рассказ о его личном знакомстве с Лениным. То есть в данном случае происходит своеобразный перенос любви и ее проявлений (горящий страстный взгляд, пылкие речи) с возлюбленной на тему вдохновенной борьбы. Характерен и ответ Сергея на вопрос Варвары о том, как к ней отнесется Ленин: «Конечно, он Вас полюбит!» [Сельская учительница 1947]. Тем самым в фильме показана двусторонняя связь героини и вождя. Не только Варвара Васильевна верна идеям Ленина, но и он ее «полюбит». Неслучайной также является награда – орден Ленина: трудовые достижения героини замечены и отмечены высоким руководством.

Макросфера прочно встроена во внутриличностную сферу героини через механизмы целеполагания и выборов. Собственно, все жизненные цели героини, показанные в фильме, можно свести к двум основным смысловым темам: учить детей и добровольно выбирать наиболее трудный и экстремальный путь (быть учителем в глухом сибирском селе, терпеть лишения, бороться за идеалы).

Динамика жизненного становления героини. В табл. 1 показано, какие жизненные темы героини даны в динамике, а какие представлены в статичном виде. Отметим, что специфичное сочетание

развития сюжета и стабильных, повторяемых элементов создает в этом фильме особый вид движения – *циклическую динамику*. Так, многократно показанные часы со стрелками «ровно 9» перед началом занятий указывают на размеренность, дисциплинированность, уверенность, что занятия начнутся в 9 часов, несмотря ни на что. Это создает ощущение стабильности жизни. На такую стабильность «работают» и многочисленные рефрены – большинство репрезентируемых фильмом жизненных событий повторяется:

- фильм начинается и завершается балом, при этом используются схожие ракурсы и эпизоды: оценка ситуации директором (в первом случае – директор гимназии, во втором – сама героиня), взаимодействие директора и участников бала, кружение пар, обсуждение молодыми людьми своих жизненных планов;

- поездка в Петербург с целью поступления талантливого ученика Прова Воронова (В. Лепешинский) в гимназию, затем на рабфак;

- дважды по одному сценарию показано начало войны (Первой мировой и Второй мировой);

- бывшая ученица, ставшая учительницей, внешне идентичная своей наставнице, Евдокия Острогова (А. Лисянская; ил. 2), начинает урок теми же словами, что и Варвара Васильевна; на балу (слет Победы) одна из учениц делится своими планами в будущем стать учителем, «как Варвара Васильевна» [Сельская учительница 1947].

Ил. 2. Кадр из кинофильма «Сельская учительница».
Учительница Варвара Васильевна (слева)
и ее ученица Евдокия [Сельская учительница 1947]

В фильме также используются многократные показы пространств – школы и ландшафта села с елями, подрастающими в течение фильма: вся жизнь героини проходит в едином пространстве (села и сельской школы), с которым она когда-то связала свою жизнь.

Важным приемом киноязыка, демонстрирующим в фильме динамику жизни, выступает круговорот. Главным атрибутом учительницы является глобус. Она едет с ним в деревню, приносит его в школу; Пров, подражая учительнице, соорудил глобус и рассказывает деревенским детям о вращении Земли. Вращаются земной шар (как символ макросферы), глобус (как фигура-дублер персонажа), кружатся сельские танцоры в свадебной пляске и пары в вальсе на балах в начале и конце фильма. Все это демонстрирует динамику жизни, которая в сочетании с динамикой села, страны в целом создает ощущение включенности героини в жизнь страны. Закольцованный сюжет, заикливание эпизодов, многократные повторы указывают на структурированность жизни, ее повторяемость, предсказуемость, постижимость, протоптанность дороги. В целом это говорит о стабильности, традиционности, связано с уверенностью, что так будет всегда, т. е. уверенностью в завтрашнем дне, и в конечном счете – с овладением будущим.

Такая подконтрольность будущего и актуальной ситуации, эмоции удовлетворенности героини (заключительная фраза фильма: «Это прекрасно, дети мои» [Сельская учительница 1947]), награда как подтверждение ее состоятельности и справедливости мира в целом, настроение победы и праздника в конце фильма – все это создает впечатление, что миссия жизни учительницы выполнена. Важной особенностью сюжета является подтверждение ожиданий: все, во что верит, что прогнозирует учительница, сбывается в рамках киноповествования. К «посмертным чудесам» (оборот Е. Добренко) можно отнести достижения учеников, которые приехали на слет Победы из Берлина, Вены, Праги, Будапешта: все воодушевленные и с наградами; понимание, что эти циклы будут и далее воспроизводиться, что учительница продолжится в своих учениках.

Обсуждение

Проведенное исследование позволило реконструировать значения и смыслы репрезентаций жизненного пути, показанных в фильмах «большого стиля». Мы исходили из утверждения о том, что искусство репрезентирует образцы или модели поведения, которые усваивают-

ся человеком [Дубин 2001] и могут быть устойчивыми, т. е. воспроизводиться в иных общественных условиях [Гудков 2005]. Это позволяет предположить, что образцы, которые демонстрировало советское кино, можно обнаружить в моделях поведения современных людей, например относящихся к сохранению стабильности ситуации. Приведем здесь некоторые иллюстрации из психологических работ.

В исследовании восприятия жизненной ситуации, проведенном в первые месяцы пандемии COVID-19, показано, что люди, не принимавшие изменения, сообщали о целях возвращения к той жизни, которая была до пандемии, «возвращении мира на круги своя». Такая задача может быть признана не вполне реалистичной, поскольку уже в тот период средства массовой информации активно указывали, что мир не будет прежним. Необходимость пересмотра прежних устоев была и в обыденном коллективном сознании [Битюцкая и др. 2020]. Сохранение стабильности, ожидание предсказуемых и воспроизводимых событий, предполагающих реализацию известных и одобряемых окружением алгоритмов действий, характерны для культурных моделей современных обществ, поддерживающих традиционные устои [Битюцкая, Ханалиева 2022]. Таким образом, ценности, связанные с сохранением стабильности мира и его циклическим (в том числе спиральным) развитием, отражены в моделях поведения современных людей.

Методологический потенциал визуальной семиотики, используемой в данной работе, дает возможность расширить психологические интерпретации, в частности связанные с пониманием ориентации на стабильность мира. Проведенный анализ позволяет предложить следующее объяснение. Несмотря на возможные когнитивные ошибки и иногда иллюзорность, *привлекательность восприятия жизни как стабильной* определяется чувствами:

- понимания (постижимости) устройства мира;
- предсказуемости и определенности будущего;
- подконтрольности грядущих событий;
- уверенности в завтрашнем дне.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют описать следующие репрезентации «жизненного пути» человека в советских кинофильмах «большого стиля».

Трудовое становление имеет самооценность и позволяет человеку реализовать заданные в обществе идеалы служения Родине через

полную самоотдачу делу, принятие альтруистических ценностей, выбор наиболее трудного и опасного пути, что в итоге окупится уважением окружающих людей, одобрением авторитетов. Репрезентация «трудового подвига» и героизма в сталинском кинематографе связана с награждением, что показывает значимость вклада героя в государственное дело.

Межличностная сфера, воплощенная в советских фильмах как отношения в коллективе, выполняет функции значимого контекста, в котором проходит жизнь человека. Коллектив активно поддерживает и помогает героям достичь их целей, создает среду общения, дает оценку «правильности» выборов. При этом самой «правдой жизни» обладают партийные работники, которые разрешают проблемы и устанавливают справедливость. Это репрезентирует государство как гаранта справедливой жизни в стране.

Тема любви в кинофильмах сталинского периода тесно связана с трудовым становлением, «вплетена» в рабочие пространства и жизнь коллектива. Это проявляется также и в том, что счастливые отношения являются своеобразной привилегией и наградой героев, которые успешно прошли путь трудового становления. Через сферу любви транслируются идеалы. Другими словами, функция этой темы состоит в мотивировании зрителя на энтузиазм в труде и в обозначении ценностей общества. Важность мотивации трудовой деятельности в эпоху индустриализации становится очевидной, если учесть, что работа на фабриках и заводах связана с монотонными процессами, которые усиливают утомление и быстро наскучивают субъекту.

Советские кинокартины рассматриваемого периода четко указывают на те *внутренние качества*, которые позволяют реализовать «героическую биографию»: единство целей, выбор «правильного пути» (указания на него содержатся в кинотексте, как правило, в виде оценок авторитетных фигур), следование нормам, твердая воля, упорство при достижении цели. При этом кино «большого стиля» репрезентирует совершенство героев, их трудовые достижения и всеобщую любовь к ним.

Важной тенденцией показа «жизненного пути» в кинофильмах «большого стиля» является демонстрация направленных в будущее идеалистических сюжетов. Особенностью *временной перспективы* таких фильмов является непридание значения личному прошлому (автобиографическим воспоминаниям, развитию героя) в сочетании с преувеличенным стремлением в светлое будущее. Эти две тенденции (на первый взгляд, противоположные) выполняют

единую задачу унификации / типизации биографии и создания общего для граждан всей страны непротиворечивого образа коллективного будущего.

Анализ кейса (кинофильм «Сельская учительница», 1947) позволил описать следующие особенности репрезентации «жизненного пути» героини:

1) синхронизированность в рамках киноповествования биографического и исторического времени («поворотные» пункты личной биографии задаются объективными событиями жизни страны);

2) служение Родине и верность коммунистическим идеалам как ключевые темы отношений с миром, которые реализует жизнь героини;

3) циклическую динамику жизни как способ «контроля коллективного будущего» и оптимистичной уверенности в нем, создания атмосферы «протоптанности» пути и постижимости жизни.

При этом важно, что структурированность жизни, ее предсказуемость, оправдание ожиданий и надежд являются залогом уверенности в будущем.

Благодарность. Выражаю глубокую признательность доценту Высшей школы европейских культур РГГУ Татьяне Юрьевне Дашковой за продвигающие тему обсуждения, возможности доступа к инструменту анализа и культурологическому содержанию фильмов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Балина 2000 – Балина М. Дискурс времени в соцреализме // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 585–595.
- Битюцкая и др. 2020 – Битюцкая Е. В., Херувимова А. А., Мирзамедова Т. И., Скворцова А. К., Спицына А. А. Особенности воспринимаемой жизненной ситуации в период пандемии // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 1043–1050.
- Битюцкая, Ханалиева 2022 – Битюцкая Е. В., Ханалиева Н. Н. Особенности совладания с ситуациями изменений у представителей азербайджанской культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2022. № 4. С. 487–506.

- Волгер, Маккена 2018 – Волгер К., Маккена Д. Мемо: Секреты создания структуры и персонажей в сценарии: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Гришина 2011 – Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 3 (17). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/846/457> (дата обращения: 31.12.2022).
- Гудков 2005 – Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
- Гюнтер 2000а – Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 7–15.
- Гюнтер 2000б – Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743–784.
- Дашкова 2004 – Дашкова Т. Любовь и быт в советском кинематографе 30–50-х годов // История страны. История кино / под ред. С. С. Секиринского. М.: Знак, 2004. С. 218–234.
- Дашкова 2008 – Дашкова Т. Границы приватного в советских кинофильмах до и после 1956 года: проблематизация переходного периода // СССР: территория любви: сб. ст. М.: Новое изд-во, 2008. С. 146–169.
- Добренко 2000 – Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 31–40.
- Добренко 2008 – Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008
- Дружинин 2022 – Дружинин А. С. Кино как метод наблюдения в лингвистике и не только: на пути к эмпирической науке // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 2 (32). С. 9–29. DOI: 10.23951/2312-7899-2022-2-9-29
- Дубин 2001 – Дубин Б. В. Слово–письмо–литература: очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001.
- Зайнетдинова 2010 – Зайнетдинова Р. А. Предпосылки формирования структурно-семиотической концепции Ю. Лотмана // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 213–218.
- Кларк 2002 – Кларк К. Советский роман: история как ритуал: пер. с англ. / под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

- Левада 1993 – Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993.
- Левин 2001 – *Левин К.* Динамическая психология: избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001.
- Лидерман 2004 – *Лидерман Ю. Г.* Мотивы «проверки» и «испытания» в постсоветской культуре: на материале кинематографа 1990-х годов: дис. ... канд. культурологии. М., 2004.
- Лотман 1973 – *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
- Лотман 1998 – *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
- Марголит 1988 – *Марголит Е. Я.* Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития: учеб. пособие. М.: ВЗНУИ, 1988.
- Нуркова 2018 – *Нуркова В. В.* От хаоса повседневного опыта к истории жизни: социокультурное форматирование автобиографического самосознания // Исследователь / Researcher. 2018. № 3-4. С. 10–24.
- Петрова 2021 – *Петрова А. П.* Культурный герой и экранный герой: сущностные характеристики образа // Художественная культура. 2021. № 1 (36). С. 244–264.
- Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубинштейн 2015 – *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015.
- Сельская учительница 1947 – *Сельская учительница* / автор сценария М. Смирнова; режиссер М. Донской; оператор С. Урусовский. Союздетфильм, 1947. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oI3DfdDfUAs> (дата обращения: 04.02.2023).
- Сенникова, Савельева 2017 – *Сенникова В. В., Савельева Е. Н.* Образ героя в отечественном кинематографе: от образцовой модели соцреализма к неопределенности постсоветского времени // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 251–262.
- Согомонов 2012 – *Согомонов А. Ю.* Социология неочевидного: культурный выбор и апории «высокой» современности. М.: Вариант, 2012.
- Хазова 2014 – *Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. № 20 (4). С. 47–53.

REFERENCES

- Balina, M. (2000). Diskurs vremeni v sotsrealizme [Discourse of time in socialist realism]. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei* [Socialist realist canon. Collection of articles] (pp. 585–595). Akademicheskii proekt.
- Bityutskaya, E. V., & Khanaliyeva, N. N. (2022). Features of coping with situations of change among representatives of Azerbaijani culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 12(4), 487–506. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.407>
- Bityutskaya, E. V., Kheruvimova, A. A., Mirzamedova, T. I., Skvortsova, A. K., & Spitsyna, A. A. (2020). Osobennosti vosprinimaemoy zhiznennoy situatsii v period pandemii [Peculiarities of the perceived life situation during the pandemic]. In A. L. Zhuravlev, M. A. Kholodnaya, & P. A. Sabadosh (Eds.), *Abilities and mental resources of a person in the world of global changes* (pp. 1043–1050). Institute of Psychology, RAS.
- Clark, K. (2002). *The Soviet Novel: History as ritual*. Ural State University. (In Russian).
- Dashkova, T. (2004). Lyubov' i byt v sovetskom kinematographe 30–50-kh godov [Love and life in Soviet cinema 30-50-ies]. In S. S. Sekirinskogo (Ed.), *Istoriya strany. Istoriya kino* [History of the country. History of cinema] (pp. 218–234). Znack.
- Dashkova, T. (2008). Granitsy privatnogo v sovetskikh kinofil'makh do i posle 1956 goda: problematizatsiya perekhodnogo perioda [The boundaries of the private in Soviet films before and after 1956: problematization of the transition period]. In N. Borisova, K. Bogdanov, & Yu. Murashov (Eds.), *SSSR: Territoriya lyubvi. Sbornik statei* [USSR: Territory of love. Collection of articles] (pp. 146–169). Novoe izdatel'stvo.
- Dobrenko, E. (2000). Sotsrealizm i mir detstva [Social realism and the world of childhood]. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei – Socialist realist canon. Collection of articles* (pp. 31–40). Akademicheskii proekt.
- Dobrenko, E. (2008). *Muzei revolyutsii: sovetskoe kino i stalinskiy istoricheskiy narrativ* [Museum of the Revolution: Soviet Cinema and Stalin's Historical Narrative]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Druzhinin, A. S. (2022). Cinematic observation in linguistics and beyond: towards an empirical science. *ППАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 2 (32), 9–29. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-2-9-29>

- Dubin, B. V. (2001). *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury* [Word – letter – literature: Essays on the sociology of modern culture]. NLO.
- Grishina, N. V. (2011). Life scripts: normativity and individualization. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal – Psychological research: electronic scientific journal*, 3(17). (In Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846>
- Gudkov, L. (2005). Ideologema vraga. "Vragi" kak massovyi sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoi integratsii [The ideologeme of the enemy. "Enemies" as a mass syndrome and the mechanism of socio-cultural integration]. In N. Konradova (Ed.), *Gudkov L. Obraz vraga* [Image of the enemy] (pp. 7–79). OGI.
- Günther, H. (2000). Totalitarnoe gosudarstvo kak sintez iskusstv [The totalitarian state as a synthesis of the arts]. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei* [Socialist realist canon. Collection of articles] (pp. 7–15). Akademicheskii projekt.
- Günther, H. (2000). Arkhetipy sovetskoy kul'tury [Archetypes of Soviet culture]. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskii kanon. Sbornik statei* [Socialist realist canon. Collection of articles] (pp. 743–784). Akademicheskii projekt.
- Khazova, S. A. (2014). Mental'nye resursy sub'ekta: priroda, funktsii, dinamika [Mental resources of the subject: nature, functions, dynamics]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 20(4), 47–53.
- Klassika sovetskogo kino (ofitsial'nyy kanal). (2023, February 4). *Sel'skaya uchitel'nitsa* [Rural teacher]. [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=oI3DfdDfUAs>
- Levada, Yu. A. (Ed.). (1993). (1993). *Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [The Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. "Mirovoi okean".
- Levin, K. (2001). *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [Dynamic psychology: Selected works]. Smysl.
- Liderman, Yu. G. (2004). *Motivy "proverki" i "ispytaniya" v postsovetskoi kul'ture: na materiale kinematografa 1990-kh godov* [Motifs of "verification" and "testing" in post-Soviet culture: on the material of cinema of the 1990s]. Culturology Cand. Diss. Moscow.
- Lotman, Yu. M. (1973). *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Izdatel'stvo "Eesti Raamat".

- Lotman, Yu. M. (1998). Ob iskusstve [The structure of a literary text] (pp. 14–285). Iskustvo SPb.
- Margolit, E. Ya. (1988). *Sovetskoe kinoiskusstvo. Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya: Uchebnoe posobie*. [Soviet cinema. The main stages of formation and development: Textbook]. VZNUI.
- Nurkova, V. V. (2018). Ot khaosa povsednevnogo opyta k istorii zhizni: sotsiokul'turnoe formatirovanie avtobiograficheskogo samosoznaniya [From the chaos of everyday experience to the history of life: sociocultural formatting of autobiographical self-awareness]. *Issledovatel' – Researcher*, 3-4, 10–24.
- Petrova, A. P. (2021). Kul'turnyy geroy i ekrannyi geroy: sushchnostnye kharakteristiki obraza [Cultural hero and screen hero: essential characteristics of the image]. *Khudozhestvennaya kul'tura – Artistic Culture*, 1(36), 244–264.
- Rubinshtein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. Piter.
- Rubinshtein, S. L. (2015). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Piter.
- Sennikova, V. V., & Savelyeva, E. N. (2017). The Character Image of Russian and Soviet Cinema: From Socialist Realism Model to Uncertainty of Post-soviet Period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvoovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 27, 251–262. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/22220836/27/23>
- Sogomonov, A. Yu. (2012). *Sotsiologiya neochevidnogo: kul'turnyi vybor i aporii "vysokoi" sovremennosti* [Sociology of the non-obvious: cultural choice and aporias of "high" modernity]. ООО "Variant".
- Volger, Ch., & McKenna, D. (2018). *Memo From the Story Department*. Al'pina non-fikshn. (In Russian).
- Zainetdinova, R. A. (2010). Predposylki formirovaniya strukturno-semioticheskoy kontseptsii Yu. Lotmana [The prerequisites of formation of Yuri Lotman's structural-semiotical conception]. *Diskurs-Pi*, 1-2, 213–218

Материал поступил в редакцию 05.02.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.02.2024

МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ГРАФЫ: КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ПРАВИЛО

А. С. Боброва

Российский государственный гуманитарный университет,
Национально-исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва, Россия
angelina.bobrova@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант
№ 23-18-00695 «Логико-когнитивные модели рассуждений:
принципы демаркации нормативного и дескриптивного»

Проводится параллель между логической теорией Ч. Пирса – теорией экзистенциальных графов, и психологической теорией Ф. Джонсона-Лэрда – теорией ментальных моделей. В свое время теория экзистенциальных графов оказала заметное влияние на становление теории ментальных моделей, однако возможности их сотрудничества исчерпаны не были. В работе дается краткая характеристика обеих теорий, а также разбираются аспекты, в которых они соприкасаются: рассматриваются как положения, на которые указывает сам Джонсон-Лэрд, так и те, которые благодаря современным исследованиям теории Пирса стали известны сегодня. Теория экзистенциальных графов до сих пор способна вносить свой вклад в исследование спорных или не до конца проясненных аспектов теории ментальных моделей. В статье перечисляются некоторые из направлений такой работы, но особое внимание уделяется проблеме логического правила. Оно понимается как фундаментальный природный принцип, который руководит ходом рассуждения, приводя к заключениям. Такое логическое правило не сводится к лингвистической репрезентации, а потому не может быть отождествлено с правилами логических теорий. Увидеть (насколько это возможно) его работу позволяет теория экзистенциальных графов, выстраиваемая в том числе и с целью обнаружить этот ведущий или руководящий принцип. Хотя теория ментальных моделей и отрицает правила логических теорий, вписать в нее логическое правило вполне возможно. Чтобы это сделать, следует провести еще одну параллель между работой теории экзистенциальных графов и теории ментальных моделей. При этом не стоит забывать, насколько сильно теории разнятся в своих основаниях: теория экзистенциальных графов – логическая теория, а теория ментальных моделей принадлежит психологии.

Ключевые слова: экзистенциальные графы, ментальные модели, руководящий принцип, правило логики, прагматизм, психология рассуждений

MENTAL MODELS AND EXISTENTIAL GRAPHS: HOW TO DEFINE A RULE

Angelina S. Bobrova

Russian State University for the Humanities HSE University, Moscow, Russia
angelina.bobrova@gmail.com

The article draws a parallel between Charles Sanders Peirce's theory of existential graphs and Philip Johnson-Laird's theory of mental models. The existential graphs (EG) theory is a diagrammatic logical theory. Its deductive capacities are approximately compared with propositional logic, first-order predicate logic, modal logic, and higher-order logics (this section was not completed). In draft notes, Peirce also speculates on the extent to which diagrams can work beyond deduction. The mental models (MM) theory is a psychological theory, which is developed within the framework of the psychology of reasoning. It states that people reason by constructing, combining, revising, and eliminating models that are compatible with given information. In its time, EG theory had a significant impact on the development of MM theory. This article evaluates this influence. In addition, it declares possible ways for their further interaction since modern studies of Peirce's and MM theories provide new materials. Both theories rely on iconicity and the economy of research; they prefer singular representations to sets and try to model the way in which thoughts are connected. Graphs, like models, can overcome limitations of language linearity. At the same time, they logically represent information processing, i.e. they serve both logical and cognitive purposes. That is why EG theory can specify the process of obtaining conclusions in the theory of MM. I suggest that this can be done by incorporating Peirce's guiding principle into EG theory and extending this idea to the theory of MM. This principle is a fundamental logical rule, which directs the course of reasoning. It helps to systematise information and draw conclusions, but it cannot be fully represented by signs; therefore, it cannot be reduced to the rules of logical theories. Such rules only describe its steps. I show, how the general logical rule iconically manifests itself within the theory of EG, how specific rules of logical theories reflect its core characteristics and how this rule is integrated into MM theory despite the fact that the latter denies specific rules of logical theories. With such integration, MM theory becomes more dynamic. Finally, the article claims that Peirce's theory can also contribute to analyses of the dichotomy of embodied or amodal representation. It is useful for clarifying complex aspects of two reasoning systems (system one and system two) collaboration. Both of these aspects are crucial for MM theory. However, they deserve their own attention, since they expect an appeal to both the means of EG theory and diagrammatic elaborations, which Peirce attributed to its pre-theoretical level.

Keywords: existential graphs, mental models, guiding principle, rule of logic, pragmatism, psychology of reasoning

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-32-56

Введение

В свое время появление теории ментальных моделей (теория ММ) стало реакцией на результаты психологических экспериментов, проверявших способности людей решать логические задачи. Эксперименты показали, что люди не только не рассуждают по правилам логики, но и делают весьма предсказуемые ошибки. Теория ММ, которая, начиная с 1970-х годов, разрабатывалась Ф. Джонсоном-Лэрдом, объясняет это тем, что рассуждения строятся на базе возникающих в голове моделей, а не логических правил¹. Хотя в цельном виде она предстала уже в 1983 году, когда вышла в свет одноименная монография [Johnson-Laird 1983], ее, как и многие теории когнитивной психологии, точнее «психологии рассуждений»², нельзя назвать завершенной: появляются новые данные, а некоторые положения время от времени становятся предметом жарких дискуссий.

На становление теории оказали влияние работы целого ряда мыслителей. Не последнюю роль в этом списке сыграли и логико-семиотические идеи Ч. С. Пирса, в первую очередь его логическая теория экзистенциальных графов (теория ЭГ). Джонсон-Лэрд, давая ей высокую оценку, отмечает, что теория ЭГ «предвосхитила теорию ментальных моделей по ряду аспектов, включая иконические и символические составляющие, отказ от переменных, фундаментальность операций размещения и удаления» [Johnson-Laird 2002, 93]. Признавая факт уже состоявшегося влияния, он не отрицает того, что теория ЭГ и дальше могла бы помогать в поиске ответов на нерешенные и обсуждаемые аспекты его теории.

В данной статье перечисляется несколько направлений, развитие которых могло бы поспособствовать совершенствованию теории ММ. Однако центральное место в ней отводится проблеме выведения заключений в ММ. В теории ММ этот процесс особо

¹ Под логическими правилами понимаются правила как они имеют место в исчислениях или, если рассматривать шире, в логических теориях.

² Термин «психология рассуждений» обозначает направление, возникшее в рамках когнитивной психологии на фоне дебатов о несоответствии законов и правил формальной логики тому, как люди рассуждают в обычной жизни. Задача психологии рассуждений – понять, как и когда люди делают вывод, почему считают его корректным и что на это влияет. Немаловажную роль в ее становлении сыграл известный тест выбора П. Уйезона [Wason 1968].

не регламентируется, в то время как для теории ЭГ он является ключевым. Я показываю, что процедуру получения заключений и оценку рассуждений помогает усовершенствовать категория логического правила, имплицитно присутствующего в теории ЭГ, а потому и распространяемого на теорию ММ. Такое правило не имеет привычного (формульного) вида правил исчислений или, если рассматривать шире, логических теорий, то есть его допущение не противоречит ключевой идее Джонсона-Лэрда, настаивающего, в отличие от представителей ментальной логики³, на независимости моделей от правил логики. Речь идет о фундаментальном принципе, вынуждающем делать переход от посылок к заключению. В системе Пирса его роль исполняет руководящий или ведущий принцип (*leading or guiding principle*), или привычка вывода (*habit of inference*), то есть «особенная привычка разума, управляющая тем или иным выводом, [которая] может быть сформулирована в пропозиции, истинность которой зависит от значимости тех выводов, которые обуславливает эта привычка»⁴ [Пирс 2000, 239]. Признание руководящего принципа обеспечивает возможность существования других, частных по отношению к нему, правил различных логических систем. В этом смысле логическое правило «стоит за» правилами логических теорий. Хотя представления о руководящем принципе вырастают из пирсовской философии прагматизма, с технической стороной его работы имеет дело теория ЭГ. И принципы этой работы вполне совместимы с положениями теории ММ.

Статья начинается с краткого обзора обеих теорий, после чего разбираются аспекты их соприкосновения. Я отталкиваюсь от положений теории ЭГ, которые заимствует сам Джонсон-Лэрд, а затем дополняю список, исходя из того, что благодаря современным исследованиям теории Пирса стало известно совсем недавно. В за-

³ Ментальная логика – еще одно направление психологии рассуждений, конкурирующее с теорией ММ. Ментальная логика настаивает, что люди рассуждают благодаря формальным правилам и схемам, подобным представленным в формальной логике [Braine, O'Brien 1998].

⁴ В оригинале цитата звучит следующим образом: "The particular habit of mind which governs this or that inference may be formulated in a proposition whose truth depends on the validity of the inferences which the habit determines; and such a formula is called a *guiding principle of inference*" [Peirce 1931–1958, CP 5.367] (здесь и далее этот источник цитируется с указанием номеров тома и абзаца). В ее перевод закралась неточность, которая, как мне кажется, мешает пониманию рассматриваемого термина. Я бы предложила следующее уточнение: «Особенная привычка сознания, которая руководит тем или иным выводом, может быть сформулирована в виде высказывания, истинность которого зависит от правильности выводов, которые эта привычка определяет; и такая формула называется *руководящим принципом вывода*».

ключительных разделах предлагаются ответ на основной вопрос статьи и краткие выводы.

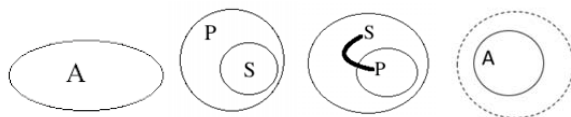
Теория экзистенциальных графов: краткое представление

Теория ЭГ – система логических теорий, предложенная Пирсом на рубеже XIX–XX веков. По своим дедуктивным возможностям эти теории – Пирс называл их разделами альфа, бета и гамма – примерно сопоставимы с логикой высказываний (альфа), логикой предикатов первого порядка (бета), модальной логикой и логиками высоких порядков (гамма, не был закончен) соответственно. Несмотря на то, что разделы самодостаточны, то есть могут существовать независимо друг от друга, уместнее рассматривать их вкуче, так как в таком случае один раздел может плавно переходить в другой, расширяя свои исходные возможности. По признанию самого Пирса, теория ЭГ, которую он также называл логикой будущего, стала его лучшим творением [Боброва 2000]. Логические идеи в ней тесно переплетаются с идеями семиотики и философии, а сама теория называется «грубой и общей диаграммой сознания», которая «дает лучшее представление о том, что есть сознание, с точки зрения логики, чем это могли бы дать другие абстрактные подходы» (MS 490) (работа опубликована в [Pietarinen 2015, 901]). В этом смысле она предвосхищает некоторые идеи когнитивной науки, чем, похоже, и предопределяет к себе ее интерес. Сегодня среди когнитивных исследований теория ЭГ весьма востребована, хотя, разумеется, ее возможности не универсальны. Обращение же к ней в данном контексте объясняется прежде всего фактом ее влияния на становление теории ММ.

В целях экономии места в статье дается описание лишь ключевых положений теории ЭГ⁵, в которой место формул занимают графы или круговые (овальные) диаграммы, размещенные на листе (ил. 1). Граница такой диаграммы имеет свое название – разрез. Разрезы не пересекаются, но могут погружаться друг в друга, образуя тем самым последовательности вложений разной глубины. Области более глубоких вложений подчиняются областям менее глубоких. На уровне бета синтаксис пополняется линией тождества, которая, как правило, рисуется более жирно. Она предиктирует отношения, устанавливая связи между объектами (ил. 2). Чтобы передать алегическую модальность «возможно не», язык теории обогащается пунктирным овалом, а чтобы показать оттенки модальностей дру-

⁵ Более подробно о теории ЭГ в [Боброва 2017; Боброва 2018; Zeman 1964; Pietarinen 2006].

того вида (наработки мультимодальной логики) – различного вида тинктурами, придающих плоскости фактуру, например, металла или цвета.

Ил. 1. Примеры графов: «А и В», «не-А»; «если Р, то S»; «все S есть Р»; «возможно не-А» (схемы созданы автором статьи)

Теория ЭГ – синтаксическая теория. Семантика и прагматика в ней задаются извне. При самой простой ее интерпретации лист утверждений трактуется как базовая тавтология, а овалы – как отрицание. Область исходного листа, равно как и области, окруженные четным количеством разрезов, считаются утвердительными, а области, окруженные нечетным числом, отрицательными. Последовательности размещений графов в нечетных областях и их удалений из четных определяют дедукцию.

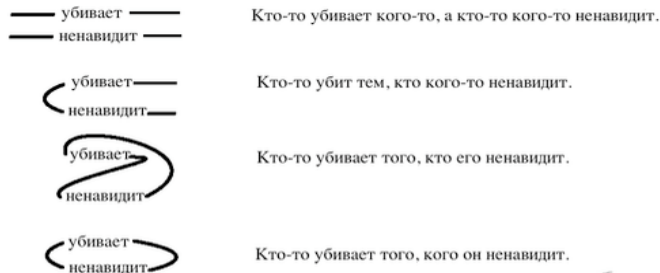
Система выстраивается на небольшом количестве правил⁶: (1) граф (информацию) разрешается убирать из утвердительной области, а добавлять (размещать) в отрицательную; (2) разрешается дублировать граф в своей же области и в области, которая ей подчиняется (находится внутри большего количества разрезов), а зеркальным образом, то есть из своей или подчиненной области, его можно убирать. Допускается (3) размещение и стирание двойных разрезов, если между ними нет никакой дополнительной информации (графов). На уровнях бета и гамма правила дополняются соответственно принципами работы с линией тождества и пунктирным разрезом, которые опять же подчиняются упомянутым принципам размещения и удаления: линия может разрываться в утвердительной области и объединяться в отрицательной; она может продлеваться вглубь и стираться в обратном направлении; разрез может становиться пунктирным в области утверждения, а пунктирный – превращаться в цельный в области отрицания.

Так как теория ММ в первую очередь отталкивается от возможностей раздела бета⁷, уделим внимание линии тождества и посмотрим на ее работу на конкретных примерах. Изображения на ил. 2

⁶ Пример работы правил покажет ниже ил. 8.

⁷ Раздел, примерно соответствующий теории первого порядка, по признанию Джонсона-Лэрда, привлек его внимание тем, что он был удобным для анализа естественного языка.

читаются довольно просто. Чуть сложнее оказывается третий пример, но трудности решаемы, если начать прочтение с другой стороны: «Ненавидящий кого-то кем-то убит».

Ил. 2. «Убивать и ненавидеть» (схемы созданы автором статьи)

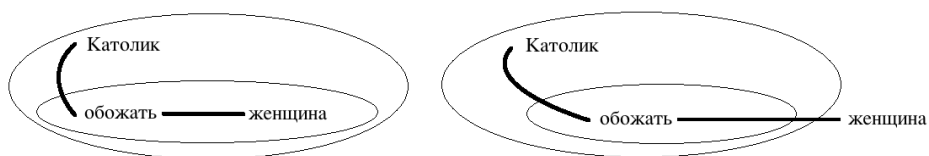
В приведенных примерах можно проследить и работу правил, согласно которым первый пример выводится из любого последующего, так как правило удаления позволяет стирать фрагменты линии тождества, соединяющей «убивающего» и «ненавидящего» (линия находится в четной области). Такой шаг соответствует классической выводимости логики предикатов:

$$\exists x(P(x) \ \& \ Q(x)) \ \vdash \ \exists xP(x) \ \& \ \exists xQ(x),$$

предполагая, правда, на порядок меньше действий. Минимизация количества знаков и набора операций с ними неслучайны. Таким способом в теории ЭГ проявляет себя знаменитый принцип экономии исследования (Economies of Research): «ценность знания, которое ведет к другому знанию, пропорциональна тому, насколько оно <это знание> избавляет от необходимости тратить средства на получение этого другого знания» [Peirce 1931–1958, CP 1.122]. Экономия позволяет лучше представить и основы дедукции, а потому и руководящего принципа, о чем будет сказано ниже.

Двумерная запись графов дает возможность отмечать тонкости, не совсем очевидные при линейном способе записи. Например, на ил. 3 левая диаграмма означает, что «каждый католик обожает какую-то женщину», а правая – «какая-то женщина обожаема каждым католиком». В последнем случае все католики обожают одну и ту же женщину, в то время как в первом допускается, что разные католики будут обожать разных женщин⁸. На этих примерах можно увидеть, насколько в теории ЭГ различаются процедуры интерпретации и размещения графов: направление последней строго не регламентировано, а первая начинается с самого внешнего фрагмента и продвигается внутрь разрезов.

⁸ Пример принадлежит Пирсу.

Ил. 3. «Католик и женщина» (схемы созданы автором статьи)

Размышляя о статусе теории ЭГ в истории логики, исследователи нередко оценивают ее как предтечу систем натурального вывода. Однако это не единственная ее интерпретация. Так как размещение и прочтение графов можно представить как диалог оратора с его критически настроенным оппонентом, в теории видят и истоки теоретико-игровых семантик (игра с нулевой суммой между двумя игроками): первый нечто заявляет, а второй стремится опровергнуть [Hilpinen 1982]. Смену ролей знаменует разрез, понимаемый как отрицание. Теория ЭГ вряд ли задумывалась как исчисление (хотя правомерно может быть так истолкована) и потому, что порой Пирс прибегает в ней к такому понятию, как начертаемость (scriptibility). Его ключевая особенность заключается в том, что нечто «способно быть написано (written) согласно цели» (текст Пирса и комментарии см.: [Ma, Pietarinen 2022]). В самом общем виде начертаемость можно расценивать как поиск обобщенных (истинностных) оценок, что позволяет смотреть на теорию ЭГ как на объединение исчислений и теории следования.

Несмотря на вариативность интерпретаций, теория ЭГ не должна восприниматься как демонстрация отношений, упрощающая, подобно диаграммам Эйлера, процесс получения заключений. Настаивая на важности визуальной аналогии между диаграммой и тем, что она должна представлять, Пирс не говорит о наглядности. Не говорит он и о чистой иконичности [Peirce 1931–1958, CP 3.362]. От других способов преподнесения информации теорию ЭГ визуальность и наглядность не отличают (миф развенчивают [Pietarinen, Bellucci 2017]). ЭГ не более визуальны, чем предложения языка или формулы математики, а их наглядность не ведет к простоте восприятия. Впрочем, о том, что визуальность весьма часто стоит в стороне от простоты, говорят и психологические эксперименты, показывающие, что рассуждения с диаграммами протекают медленнее, чем рассуждения, в которых подобная визуальность отсутствует [Johnson-Laird 2013a].

Итак, диаграммы экономичны, а потому оказываются простой системой, которая позволяет с точностью выражать каждое воз-

можное высказывание⁹: «...мы строим в воображении какую-либо диаграмматическую, то есть иконическую, репрезентацию фактов, настолько скелетированную, насколько это возможно» [Peirce 1931–1958, CP 2.778]. Их двумерность выводит за линейные рамки языка, подтверждая, что мысли не сводятся к своей лингвистической репрезентации. А тот факт, что диаграмма «должна отражать [логические] отношения посредством аналогичных им визуальных отношений» [Peirce 1931–1958, CP 4.433], позволяет наблюдать за логической стороной процедуры соединения мыслей (высказываний) в поисках заключения. Специфика работы диаграмм позволяет избегать ошибочных рассуждений, среди которых, например, оказывается «ошибка базовой ставки» [Bar-Hillel 1980] (подробнее в [Pietarinen 2023, 755]), хотя в плане вычислительных возможностей теория ЭГ, безусловно, проигрывает привычным исчислениям, обладающим большим количеством знаков и большим набором правил выражать одну и ту же мысль. Однако эта проблема заслуживает отдельного внимания.

Теория ментальных моделей: краткое представление

Теория ММ – одна из конкурирующих между собой теорий психологии рассуждений. Согласно ей, люди рассуждают посредством построения, комбинации, пересмотра и исключения моделей, совместимых с заданной информацией. В 70-х годах прошлого века ее создатель Джонсон-Лэрд [Johnson-Laird 1970] выдвинул идею, что люди, рассуждая, не следуют принципам логических исчислений, а строят на базе сказанного возможные (не обязательно языковые) модели повествования. Изначально теория ММ была направлена на изучение силлогистических рассуждений, но в дальнейшем ее принципы были адаптированы под уровень логики высказываний, рассуждений, учитывающих вероятности (для примера: [Johnson-Laird 1994]) и т. д.

Теория ММ претерпела немало изменений, но сохранила ряд фундаментальных принципов. Во-первых, любая ММ отражает положение дел, которое делает возможным истинность высказывания. Другими словами, ММ основываются на истинностных описаниях, игнорируя ложность [Johnson-Laird 2013b, 132]. Во-вторых, ММ иконичны, то есть их структура соотносится со структурой, которую они отражают [Johnson-Laird 1983, 125]. В-третьих, они отка-

⁹ Такое «превосходство» диаграмм над формулами косвенно подтверждает и то, что Пирс строит теорию ЭГ уже после своих многочисленных алгебраических открытий.

зываются от понятий «логическая форма» и «вывод». Анализируя рассуждения, люди не запоминают структуру предложений, то есть не обращают внимание на то, что в логике называется логической формой [Johnson-Laird 2010]. Они не опираются и на формальные правила вывода. Необходимость, вероятность или возможность заключения определяют не правила вывода, а то, поддерживается ли заключение в некоторых или во всех моделях [Johnson-Laird 2006]. Наконец, как и многие когнитивные теории, теория ММ принимает дихотомию двух систем рассуждения: интуиции и размышления. Первая основывается на эвристиках и не имеет доступа к рекурсивным процессам [Johnson-Laird 1983]¹⁰, а вторая, напротив, их допускает. В первом случае, как результат, система работает с данной моделью, а во втором – способна ее пересматривать, искать альтернативы или оценивать правдоподобие вероятностей.

Итак, модели строятся в соответствии с заданной информацией: некоторым положением вещей или возможным сценарием, не противоречащими знаниям или верованиям их автора. Таким образом, непосредственно высказывание является не моделью, а, скорее, описанием множества моделей. Например, высказывание «Грачи и ласточки улетают на юг» порождает модель, в которой одновременно будут иметь место два положения дел. Представить это возможно, расположив простые высказывания, входящие в состав сложного, на одной строке (ил. 4). Другие ситуации (например, такая, в которой на юг улетели только ласточки) не подойдут, так как они не будут соответствовать истинности исходного утверждения.

грачи улетают на юг ласточки улетают на юг

Ил. 4. ММ конъюнктивного высказывания (схема создана автором статьи)

Самое простое условное высказывание, назовем его базовым, «Если квадрат желтый, то круг зеленый», даст более сложную модель (ил. 5).

квадрат желтый круг зеленый
...

Ил. 5. Первичная ММ условного высказывания (схема создана автором статьи)

Она покажет первичное возможное положение дел, при котором будет иметь место антецедент (в терминах логики «он будет ис-

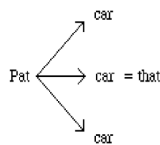
¹⁰ В главе 6.

тинным»). В случае истинного антецедента условное высказывание будет истинно лишь в одном случае (ил. 5). Многоточие свидетельствует о наличии скрытых моделей, которые могут быть актуализированы, если оратор готов к семантической или прагматической модуляции (или обновлению). Тогда речь пойдет о моделях, в которых истинность имплицативного высказывания будет учитывать положения дел и с отсутствующим (ложным) антецедентом. Допустим, что ММ базового кондиционала, пример которого и был рассмотрен, соответствует семантике материальной импликации (ил. 6). У читателя обоснованность такого соответствия может вызвать недоумение. Впрочем, спорным оно является и для критиков теории. Построение моделей условных высказываний¹¹ – довольно сложный вопрос, решить который непросто из-за отсутствия единого ответа, как ведут себя кондиционалы в «естественной среде».

квадрат желтый	круг зеленый
¬ квадрат желтый	круг зеленый
¬ квадрат желтый	¬ круг зеленый

Ил. 6. ММ условного высказывания, в которой представлены исходно скрытые модели (схема создана автором статьи)

При построении модели рассуждения субъект конструирует модель первой посылки, а затем добавляет в нее информацию из последующих. Если результирующая(ие) модель(и) поддерживают(ют) заключение, рассуждение считается правильным¹². В качестве примера рассмотрим модель простого силлогизма «Пэт нравятся все машины. Это машина. Значит, она нравится Пэт» (ил. 7) [Johnson-Laird 2002, 81]. Заключение считывается из модели (средняя линия на ил. 7).

Ил. 7. Ментальная модель силлогизма [Johnson-Laird 2002, 81]

Ключевые положения теории ММ тем не менее и сегодня вызывают немало вопросов. Так, среди исследователей нет согласия относительно того, как происходит выбор модели, почему имеет место ее модификация и т. д. Одни настаивают на роли обучения.

¹¹ Подробнее о моделях условных высказываний в [Johnson-Laird, Byrne 2002].

¹² Для правдоподобных рассуждений правила немного мягче.

Обучаясь, люди склонны пересматривать текущую модель или строить большее количество моделей, так как при повторении сходных ситуаций они начинают видеть лежащие в основе структуры. Другие предпочитают опираться на идею взросления. Ее сторонники указывают на фактор развития: исходно дети воспринимают импликацию как высказывание с одной моделью, то есть модель совпадает с конъюнктивным высказыванием, постепенно они подходят к модели эквивалентности и лишь затем готовы строить три модели [Johnson-Laird 2013b, 135]. Однако эти дискуссии очень косвенно касаются тематики данной статьи.

Влияние идей Пирса на становление теории ментальных моделей

Подчеркивая роль наследия Пирса в становлении теории ММ, Джонсон-Лэрд не скрывает, что саму идею моделей он заимствует у К. Крейка [Craik 1943], в небольшой работе которого была выдвинута гипотеза о наличии внутри организмов уменьшенных моделей реальности [Johnson-Laird 2004, 182]. У Пирса же он берет знаменитую триаду знаков (икона–индекс–символ) и ряд положений теории ЭГ. Среди знаков Джонсон-Лэрд выделяет иконы, то есть знаки, имеющие определенное сходство со своим объектом. По его мнению, особенности икон, а также их соотношение с символами, то есть со знаками, не имеющими сходства со своим объектом, и индексами – знаками, указывающими на объект, существенным образом проясняют природу ММ. Отстаивая важность иконичности, он также ссылается на Л. Витгенштейна, защищавшего «“картину” теории значений, вдохновением для которой послужило использование моделей автомобилей при реконструкции аварий»¹³ [Johnson-Laird 2004, 182].

Использование икон в теории ЭГ позволяет передавать структурное сходство знака со своим объектом. Помимо этого, иконы, что также вслед за Пирсом подхватывает Джонсон-Лэрд, способны предоставлять скрытую информацию, ибо «(2.279; 4.530)¹⁴ при изучении графа можно обнаружить истины, не ограничивающиеся теми высказываниями, которые были использованы при его построении» [Johnson-Laird 2002, 80]. Неоспорим потенциал икон в способности преодолевать рамки линейного представления ин-

¹³ Джонсон-Лэрд ссылается на метафоры 2.1, 2.12, 2.13, 2.15, 2.17 «Трактата» Витгенштейна [Johnson-Laird 2004, 182].

¹⁴ Таким способом Джонсон-Лэрд ссылается на собрание сочинений Пирса [Peirce 1931–1958].

формации: как и графы, модель нелинейна, она формируется в сознании «независимо от языка» [Johnson-Laird 2002, 82]. Наконец, Джонсону-Лэрду явно импонирует тот факт, что, работая над графами, Пирс размышляет не о «педагогических приложениях графов, а о том, каким способом они освещают ментальные процессы рассуждений» [Johnson-Laird 2002, 92]. Логика зачастую не уделяет внимания тому, что Пирса и в самом деле привлекало изучение фундаментальных операций соединения мыслей и построения рассуждений. Но такая особенность не могла не волновать Джонсона-Лэрда. Похоже, он стремится осмыслить эти операции и в рамках своей теории, хотя в определенном смысле, мне кажется, ММ ведут себя скорее в духе диаграмм Эйлера, нежели Пирса: «...в идеальной системе логическое следование из множества посылок может быть “считано” из представления этих посылок» [Johnson-Laird 2002, 81].

Интерес к природе икон во многом объясняет и интерес к теории ЭГ, хотя ошибочно утверждать (а это порой случается), что в теории ЭГ Джонсона-Лэрда привлекает лишь иконичность, нередко в таких случаях не совсем корректно интерпретируемая как наглядность. Теория ЭГ интересна своими «психологическими следствиями оригинальной системы» [Johnson-Laird 2002, 75]. При этом теории все же разделяет целая пропасть: ММ принадлежат к психологии, в то время как ЭГ – часть логики. Теория ЭГ ищет абстрактные правила соединения мыслей, называемых высказываниями, а ММ описывают положения дел. Как результат, теория ЭГ работает на уровне синтаксиса, допускающего в дальнейшем различные интерпретации (они всегда оказываются внешними), теория же ММ исходно опирается на выбранную семантику.

Несмотря на столь важные различия, влияние теории ЭГ, оказанное на теорию ММ, не исчерпало себя и сегодня. Изучение обеих теорий открывает перед нами новые исследовательские горизонты. Так, они, хотя и по-разному, проповедуют принцип экономии, который определяет отношение между затратами и стоимостью. Следуя принципу экономии исследования, Пирс минимизирует набор знаков и правил, делая прозрачным процесс вывода. Теория же ММ отталкивается от экономии, заявляя, что люди в принципе не строят модели ради моделей. В результате процедура получения заключения оказывается более лаконичной (сжатой), но опять же более прозрачной.

Что касается вышеупомянутых диаграмм Эйлера, то Джонсон-Лэрд пытается от них отмежеваться. Он указывает, что ММ ра-

ботают с набором конкретных объектов, единичных случаев верований, которые предстают в модели в виде токенов¹⁵, в то время как в круговых схемах Эйлера речь идет о множествах. Но с токенами работают и ЭГ, хотя по своей природе они отличаются от токенов ММ. Графы фиксируют логические отношения, а не положения дел, то есть конкретный граф, размещенный на листе, является графом-примером или токеном какого-либо графа (типа), фиксирующего какое-либо логическое отношение: размещая на листе разрез с буквой А (токен), мы понимаем тип этого отношения, которое может быть проинтерпретировано как отрицание А (ил. 1).

Способность видеть за токенами типы в теории ММ, насколько мне известно, не разрабатывалась. Между тем обращение к ней позволило бы различить работу моделей на уровнях первой и второй систем мышления (этот вопрос оставляю для отдельной работы), уточнить условия появления некоторых типовых ошибок в рассуждениях, а также, что сейчас наиболее важно, увидеть оттенок нормативности, который задает тип знака для полноценного функционирования своего токена: токен лишь повторяет характеристики своего типа, без которого ему сложно будет функционировать в качестве знака. Признание зависимости токена от типа позволяет говорить о существовании некоего правила, регламентирующего ход рассуждений в ММ. Такое правило тоже можно назвать логическим.

Косвенно наличие такого логического правила подтверждает и спор о воплощенности или амодальности логических процедур. Размышляя о границах иконичности, Джонсон-Лэрд настаивает, что есть операции, которые ей не подвластны. Так, в теории ЭГ иконически непредставима дизъюнкция, хотя в теории ММ эта проблема вполне решаемая (в такой модели каждый дизъюнкт будет размещаться на отдельной строке). Однако ни ЭГ, ни ММ не способны иконически представить отрицание, что является аргументом против обязательной связи ментальных представлений с чувственностью (воплощенность сознания): «...теоретические аргументы и экспериментальные свидетельства предполагают, что когнитивная наука должна выкинуть амодальные репрезентации» [Markman, Dietrich 2000, 472]. Современные же исследования теории ЭГ говорят об обратном. Согласно замыслу Пирса, мысль должна не только провозглашаться, но и воплощаться (embodied) [Pietarinen 2021, 42]: «Мысль, имея природу Репрезентации, не может быть “представлена” сознанию. Мысль – это нечто, что должно быть осуществлено, и пока она не будет осуществлена, ее смысла

¹⁵ Различение «тип–токен» также было предложено Пирсом.

(meaning) не будет предоставлен даже ей самой» [Peirce 1967, 1971, R 478; Peirce 2019–2021, 2/2]. Будучи частью диалога, мысли «воплощаются в знаках» [Peirce 1967, 1971, R 298]. Подобные мысли-знаки, будучи воплощенными мыслями, окажутся знаками, коими они будут являться, не в силу чего-то, а просто из-за уверенности, что они будут истолкованы так-то и так-то [Peirce 1967, 1971, R 298; Pietarinen 2021, 42]. На этом основании в теории ЭГ вполне себе иконически представимо и отрицание, например булево (хотя и не только). Оно может пониматься как операция вырезания области с листа утверждений. Не сложнее решается проблема с дизъюнкцией, ибо она вовсе не нужна для интерпретации графов. Экономичность теории позволяет ограничиваться семантикой конъюнкции и негации. Приверженность к воплощенности позволяет говорить о естественности, а потому и фундаментальности, логического правила. Такое правило не задается формулами логических теорий, но именно оно обеспечивает возможность рассуждений. В следующем разделе я покажу, что его признание в рамках теории ММ не нарушает главные положения творения Джонсона-Лэрда.

Руководящий принцип в экзистенциальных графах и ментальных моделях

Согласно Джонсону-Лэрду, в ММ нет места логическим правилам. При этом убедительного объяснения, в силу чего в моделях возникает поддержка заключения, то есть почему мы в принципе должны его распознавать, а не довольствоваться наблюдением заданного положения дел, он не предлагает. Если у нас есть модель, и в одном случае мы переходим к заключению, а в другом – ограничиваемся ее наблюдением, скорее всего, существует нечто, кроме самой модели, что делает этот переход возможным. Допустим, люди не строят модели ради моделей (см. выше), а строят их с какой-то целью, но почему для ее достижения чаще всего необходимо выводить заключение?

Об особенности строить выводы философы размышляют довольно давно. Так, о неизбежности принятия правила следовать правилу в рассуждениях пишет Витгенштейн. Речь идет о привычке, задающей нормы правильности данной процедуры. Пирс называет ее руководящим принципом. Этот принцип служит основой для построения рассуждений, определяет решения агентов и позволяет им приближаться к точному значению мыслей, делая «наши идеи ясными». Он подвержен ошибкам, но склонен к само-

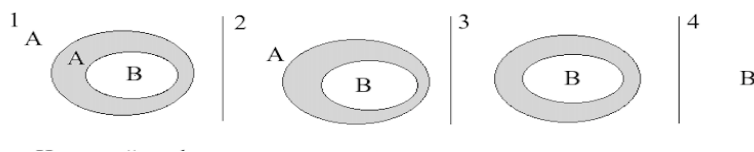
контролю, самоорганизации и самокоррекции [Pietarinen 2008]. И самое главное – принцип представляет собой руководство к действию, задающее закономерности. О нем уместнее говорить как о тенденции [Peirce 1931–1958, CP 1.409] или стратегии, нежели о правиле логической теории (скажем, произвольно взятом правиле натурального вывода).

Руководящий принцип вырастает из пирсовского прагматизма. Однако эту доктрину не стоит ограничивать философией. Ее можно рассматривать и как логический метод [Pietarinen 2021, 30], то есть руководящий принцип органично вписывается в логику. Чтобы передать (в том числе) его работу, на определенном этапе Пирс и отказывается от формул, обращаясь к диаграммам. Он строит теорию, минимальный набор средств которой позволяет ему проникать в самые основы рассуждений, а используемые знаки максимально точно передают принцип соединения одной мысли с другой: знаки стремятся «воплощать» мысль и показывать, как общая идея (граф-тип) скрывается за конкретным знаком (граф-токен). Работая с логическими отношениями, знаки-иконы теории ЭГ включают в себя элемент символизма. Диаграмма предполагает конвенцию, а конвенция, в свою очередь, задает правила, согласно которым знак может выражать то, что она выражает. Например, «линия тождества является символом, так как она основывается на конвенции... задающей правила, согласно которым она одновременно может выражать тождество, существование, предикацию и категоризацию. Но эти конвенции устанавливают правила для уже подходящего для этих целей знака» [Stjernfelt 2015, 51], то есть на базовом уровне они снова поддерживаются иконичностью. В случае линии тождества ее передает непрерывность соединения крайних точек. Таким образом, уникальная особенность теории ЭГ состоит в том, что выбор конвенции, то есть определение символической функции знака, задается знаком-иконой. Представляя себя, знак иконически представляет и свою символическую функцию, без которой он был бы невозможен. Диаграммы – «это знаки, в которых значение (signification) символа становится объектом иконы» [Pietarinen 2023, 753]. Под логическим уровнем не существует кода значения икон (внутреннего символического языка), что максимально отчетливо демонстрирует фундаментальность и естественность руководящего принципа, правила работы которого определяются подходящими для этих целей знаками и операциями с ними.

В теории ЭГ руководящий принцип предстает в дедуктивной, то есть самой строгой своей версии. Он демонстрируется через два

погруженных друг в друга разреза (ил. 1), читаемых имплицативно («если... то...»). Дедукция, цементируя связь посылок и заключения, отражает законы универсума и проявляет себя не столько в необходимом, сколько в непреодолимом влечении (compulsive) к заключению (подробнее см.: [Pietarinen 2021]): ни у кого не остается сомнений, что заключение следует из данных посылок. В теории ЭГ эту неизбежность описывает последовательность размещений и удалений, которые, если рассмотреть их через призму стратегии (в духе, скажем, теоретико-игровой интерпретации), соотносимы с предоставлением информации (построением гипотезы) и последующим избавлением от ее лишней части на пути к заключению. Такая процедура проецируема и на ММ: этап построения модели сменяется этапом усматривания в ней заключения, на котором невостребованная для построения заключения информация уходит на второй план.

Подобное предположение высказывает Б. ван Хойфельн, рассматривающий теорию ЭГ как теорию, интегрирующую в себе ментальную логику и теорию ММ: эти теории – «две разные перспективы одного и того же процесса» [van Heuveln 2006, 154]. Отталкиваясь от пирсовского понимания дедукции (чередa размещений и удалений), он показывает, в каком смысле граф сопоставим моделью: на листе размещается положение дел, а последовательность размещений и удалений ведет к заключению. Одна схема (граф) соответствует ряду моделей, но появление новых данных элиминирует неактуальные. Например, у нас есть утверждение «Если будет хорошая погода, поедem на дачу», которое может порождать несколько моделей (ил. 5, 6). Появление же данных о хорошей погоде убирает лишние: рабочей оказывается модель, где мы едем на дачу. В терминах теории ЭГ процесс представлен на ил. 8.

Ил. 8. Рассуждение «если будет хорошая погода, поедem на дачу; погода хорошая, значит едем на дачу», где А – «погода хорошая», а В – «едem на дачу» (схема создана автором статьи)

Опираясь на правила теории ЭГ, по рисунку легко проследить работу правила *modus ponens*. Но тут и возникают вопросы: ММ, в отличие от ментальной логики, не принимают логических правил.

Кроме того, не совсем понятно, о каком соединении ряда моделей в одном графе может идти речь.

Идея ван Хойфельна может вполне обоснованно подвергаться критике. Однако провальной она мне не кажется. Так, само требование отличать правила работы ментальной логики от правил теории ММ далеко не бесспорно¹⁶. Но даже если с ним и соглашаться, теорию ЭГ все равно можно адаптировать для объяснения получения заключений в теории ММ. Для этого, возможно, стоит ввести некоторые уточнения. Прежде всего важно принять синтаксические различия теорий ЭГ и ММ, которые объясняются их задачами: графы отображают логические процедуры, а модели – заданное положение дел. С одной стороны, теория ЭГ оказывается более абстрактной относительно ММ, но, с другой стороны, она открыта к различным интерпретациям. В этом смысле она может быть адаптирована и под нужды теории ММ. Приведенный выше пример (ил. 8) можно рассматривать как токен процедуры вывода, сопоставимой с построением модели, соответствующей В («едем на дачу»). Теория ММ не позволяет увидеть правило, регламентирующее усматривание заключения. Перенос же на нее идеи «кинофильмов мысли», то есть вынужденной смены картинок, с этой задачей справляется. В таком случае мы будем иметь дело не со статическими, но с динамическими моделями, что в большей степени соответствует процессу рассуждения.

Чтобы увидеть возможность совместной работы ЭГ и ММ, графы важно рассматривать не как линейно упорядоченную последовательность картинок, а как двумерную трансформацию, где последующее изображение, подобно кинофильму, вырастает из предыдущего. Формат статьи, к сожалению, такую смену изображений показать не позволяет. Аналогичным образом и логические теории для построения выводов вынуждены задавать конкретные правила, так как они ставят перед собой цель не показать, каким образом фундаментальное логическое правило вырастает из знаков, его воплощающих, а предложить имитацию его работы в заданных границах. В результате в логике мы опираемся на правила логических теорий, которыми руководит то самое логическое правило, не имеющее линейного вида даже, казалось бы, очевидного *modus ponens*. В теории ММ, пока речь не пойдет о вычислимости, мы можем им и ограничиться. Что касается теории ЭГ, ее уместно рассматривать как максимально удобного посредника, позволяющего это продемонстрировать.

¹⁶ О том, что теория ММ как репрезентационная теория особо не отличается от теории ментальной логики, и в [Stenning, Yule 1997].

Синтаксическая природа и динамический (двумерный) принцип работы теории ЭГ элегантно решают проблему с множеством семантических моделей, которые имеют место в теории ММ. Мы не можем увидеть множество моделей условного высказывания (ил. 8), скрывающихся в одной синтаксической схеме (допустим, друг под другом). Но появление новых данных (о хорошей погоде) даст единственную модель, из которой вырастет единственно допустимое заключение о поездке на дачу.

Логическое правило, или руководящий принцип (в терминах Пирса), работает естественно и строго, но описывать его на языке крайне сложно, так как от языка оно не зависит. Логические теории научились отображать его дедуктивную версию с помощью конкретных правил, но, чтобы следовать за рассуждением в обыденной жизни, прибегать к языку излишне. Одну из успешных попыток передать работу этого правила предпринимает теория ЭГ. Она не задумывалась Пирсом как исчисление, нацеленное исключительно на вычисление результата, а была, скорее, стремлением осуществить максимально точный анализ логических структур. Этим и объясняется ее необычный вид. Теория ЭГ задумывалась с целью «предложить (1) настолько простой метод, насколько это возможно... чтобы передать высказывания (2) настолько иконически или диаграмматически и (3) аналитически, насколько это возможно» [Peirce 1967, 1971, MS 300]. Вероятно, поэтому теория ЭГ и привлекла внимание Джонсона-Лэрда, который, правда, не обратил внимания на отличие формул и правил логических теорий от глубинного логического правила.

Вывод

Логика не способна моделировать психологическую сторону рассуждений, а потому в психологических описаниях всегда будет фрагмент, ей неподвластный. Несмотря на это, психологическая теория ММ и логическая теория ЭГ нашли поле для совместной работы. Хотя последняя не стала для первой единственной опорой, влияние, оказанное ею, было бесспорным. Теории роднят опора на иконичность и экономию исследования, предпочтение единичной репрезентации множествам (обе они работают с отдельными примерами, но не с множествами в духе диаграмм Эйлера) и стремление смоделировать способ соединения мыслей. Графы, как и модели, способны преодолевать ограничение линейности языка. Они задают логическую репрезентацию процессов работы с информа-

цией, то есть одновременно служат логическим и когнитивным целям. Правда, всегда стоит помнить о границах теории ЭГ.

Идеи теории ЭГ и сегодня полезны при изучении спорных или не до конца проясненных аспектов теории ММ. Я остановилась на одном из них. Хотя теория ММ и выступает против присутствия в ней правил логических теорий, она не предлагает убедительного альтернативного объяснения, почему ММ вынуждает делать шаг от посылок к заключению. В статье была выдвинута гипотеза, что процесс получения заключений в ММ регламентирует логическое правило, представляющее собой фундаментальный, не передаваемый в языке природный принцип. У Пирса он получил название руководящего. В этом смысле логическое правило следует отличать от правил логических теорий, то есть ключевой отказ теории ММ от правил в духе *modus ponens* остается в силе. Теория же ЭГ стремится передать работу этого правила (прежде всего в его дедуктивной версии): мы размещаем (систематизируем) информацию на листе утверждений, чтобы найти интересующий результат, убрав всю лишнюю информацию. Минимальные средства позволяют теории ЭГ показать, насколько простыми в своем основании могут быть логические операции, а потому насколько естественно стоит за ними правило, диктуемое символизмом знака, вырастающего из своей иконической репрезентации. ЭГ работают по принципу кинофильма, где одно изображение заменяется другим. Привнеся такую динамику в ММ, мы увидим работу упомянутого логического правила и в них.

Для теории ММ теория ЭГ способна предложить не только решение проблемы следования правилу, которая была мною выбрана лишь потому, что является одинаково актуальной как для психологии, так и для логики. Полезной она оказывается и для анализа дихотомии воплощенной или амодальной репрезентации, а также для прояснения сложных аспектов работы двух систем рассуждения. Однако обе проблемы заслуживают отдельного внимания, так как предполагают обращение не только к теории ЭГ, но и к грамматическим разработкам, которые Пирс относил к ее дотеоретическому уровню.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боброва 2017 – Боброва А. С. Логическая теория, построенная геометрическим образом // *Логико-философские штудии: ежегодник Ассоциации логиков Санкт-Петербурга*. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2017. Т. 15, № 1. С. 28–43.

- Боброва 2018 – Боброва А. С. Чему учат диаграммы? Рассуждения и восприятие // Логические исследования. 2018. Т. 24, № 2. С. 70–76.
- Боброва 2020 – Боброва А. С. «Логика будущего», какой ее видел Ч. С. Пирс (первые тома Пирсианы) // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 176–189.
- Пирс 2000 – Пирс Ч. С. Избранные произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. М. Дмитриев. М.: Логос, 2000. (Университетская библиотека. Феноменология. Герменевтика. Философия языка).
- Bar-Hillel 1980 – Bar-Hillel M. The Base-Rate Fallacy in Probability Judgments // Acta Psychologica. 1980. Vol. 44 (3). P. 211–233.
- Braine, O'Brien 1998 – Mental Logic / M. D. S. Braine, D. P. O'Brien (eds.). Mahwah, 1998.
- Craik 1943 – Craik K. The Nature of Explanation. Cambridge: Cambridge University Press, 1943.
- Hilpinen 1982 – Hilpinen R. On C. S. Peirce's Theory of the Proposition: Peirce as a Precursor of Game-Theoretical Semantics // The Monist. 1982. Vol. 65, is. 2. P. 182–188.
- Johnson-Laird 1970 – Johnson-Laird P. N. The Perception and Memory of Sentences // New Horizons in Linguistics / J. Lyons (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 261–270.
- Johnson-Laird 1983 – Johnson-Laird P. N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Johnson-Laird 1994 – Johnson-Laird P. N. Mental Models and Probabilistic Thinking // Cognition. 1994. Vol. 50. P. 189–209.
- Johnson-Laird 2002 – Johnson-Laird P. N. Peirce, Logic Diagrams, and the Elementary Operations of Reasoning // Thinking and Reasoning. 2002. Vol. 8 (1). P. 69–95.
- Johnson-Laird 2004 – Johnson-Laird P. N. The History of Mental Models // Psychology of Reasoning: Theoretical and Historical Perspectives / K. Manktelow, M. C. Chung (eds.). New York: Psychology Press, 2004. P. 179–212.
- Johnson-Laird 2006 – Johnson-Laird P. N. How We Reason. New York: Oxford University Press, 2006.
- Johnson-Laird 2010 – Johnson-Laird P. N. Against Logical Form // Psychologica Belgica. 2010. Vol. 50. P. 193–221.
- Johnson-Laird 2013a – Johnson-Laird P. N. Inference with Mental Models // The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning / K. Holyoak, R. Morrison (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 134–154. (Oxford Library of Psychology).

- Johnson-Laird 2013b – *Johnson-Laird P. N.* Mental Models and Cognitive Change // *Journal of Cognitive Psychology*. 2013. Vol. 25, is. 2. P. 131–138.
- Johnson-Laird, Byrne 2002 – *Johnson-Laird P. N., Byrne R. M. J.* Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference // *Psychological Review*. 2002. Vol. 109. P. 646–678.
- Ma, Pietarinen 2022 – *Ma M., Pietarinen A.-V.* Peirce's Dragon-Head Logic (R 501, 1901) // *Arch. Hist. Exact Sci.* 2022. Vol. 76. P. 261–317.
- Markman, Dietrich 2000 – *Markman A. B., Dietrich E.* Extending the Classical View of Representation // *Trends in Cognitive Science*. 2000. Vol. 4. P. 470–475.
- Peirce 1931–1958 – *Peirce C. S.* Collected Papers. Cambridge, 1931–1958. Vols. 1–8¹⁷.
- Peirce 1967, 1971 – *Peirce C. S.* Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University, as identified by Richard Robin, Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce, Amherst, 1967. And in *The Peirce Papers: A supplementary catalogue*, Transactions of the C. S. Peirce Society 7 (1971). P. 37–57¹⁸.
- Peirce 2019–2021 – *Peirce C. S.* Logic of the Future. Peirce's Writings on Existential Graphs: 3 vols. Edited by A.-V. Pietarinen. Berlin, 2019–2021¹⁹.
- Pietarinen 2006 – *Pietarinen A.-V.* Signs of Logic. Peircean Themes on the Philosophy of Language, Games, and Communication. Dordrecht: Springer, 2006.
- Pietarinen 2008 – *Pietarinen A.-V.* The Proof of Pragmatism: Comments on Christopher Hookway // *Cognitio*. 2008. Vol. 9, is. 1. P. 85–92.
- Pietarinen 2015 – *Pietarinen A.-V.* Two Papers on Existential Graphs by Charles Peirce // *Synthese*. 2015. Vol. 192. P. 881–922.
- Pietarinen 2021 – *Pietarinen A.-V.* Pragmaticism as a Logical Study of Consciousness // *Cognitive Semiotics*. 2021. Vol. 14 (1). P. 29–46.
- Pietarinen 2023 – *Pietarinen A.-V.* Peirce's Diagrammatic Reasoning and Abduction // *Handbook of Abductive Cognition*. Springer / L. Magnani (ed.). Cham: Springer, 2023. P. 741–759.
- Pietarinen, Bellucci 2017 – *Pietarinen A.-V., Bellucci F.* Two Dogmas of Diagrammatic Reasoning. A View from Existential Graphs // *Peirce on Perception and Reasoning*. Routledge Studies in American Philosophy. New York: Routledge, 2017. Vol. 10. P. 174–196.

¹⁷ Цитируется как **CP** с последующим указанием номера тома и абзаца.

¹⁸ Цитируется с указанием номера рукописи, как обозначено в издании. Ссылку на это издание часто указывают: **R** или **MS**.

¹⁹ Ссылку на это издание часто указывают: **LoF** с последующим указанием номера тома и раздела.

- Stenning, Yule 1997 – *Stenning K., Yule P.* Image and Language in Human Reasoning: a Syllogistic Illustration // *Cognitive Psychology*. 1997. Vol. 34. P. 109–159.
- Stjernfelt 2015 – *Stjernfelt F.* Iconicity of Logic – and the Roots of the “Iconicity” Concept // *Iconicity of Language and Logic: East Meets West* / M. K. Hiraga, W. J. Herlofsky, K. Shinohara, K. Akita (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 35–56.
- van Heuveln 2006 – *van Heuveln B.* Using Existential Graphs to Integrate Mental Logic Theory and Mental Model Theory // *Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence*. 2006. Vol. 18, is. 2. P. 149–155.
- Wason 1968 – *Wason P. C.* Reasoning about a Rule // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1968. Vol. 20. P. 273–281.
- Zeman 1964 – *Zeman J.* The Graphical Logic of C. S. Peirce: Diss. University of Chicago, 1964.

REFERENCES

- Bar-Hillel, M. (1980). The Base-Rate Fallacy in Probability Judgments. *Acta Psychologica*, 44(3), 211–233.
- Bobrova, A. S. (2017). Logical theory, demonstrated in geometrical order. *Logiko-filosofskie shtudii. Ezhegodnik Assotsiatsii logikov Sankt-Peterburga*, 15(1), 28–43. (In Russian).
- Bobrova, A. S. (2018). What do diagrams teach? Reasoning and perception. *Logicheskie issledovaniya*, 24(2), 70–76. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2018-24-2-70-77>
- Bobrova, A. S. (2020). “Logic of the Future”, as C.S. Peirce understood it (first volumes of Peirceana). *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 57(3), 176–189. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202057349>
- Braine, M. D. S., & O'Brien, D. P. (Eds.). (1998). *Mental Logic*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Craik, K. (1943). *The Nature of Explanation*. Cambridge University Press.
- Hilpinen, R. (1982). On C. S. Peirce's Theory of the Proposition: Peirce as a Precursor of Game-Theoretical Semantics. *The Monist*, 65(2), 182–188.
- Johnson-Laird, P. N. (1970). The Perception and Memory of Sentences. In J. Lyons (Ed.), *New Horizons in Linguistics* (pp. 261–270). Penguin Books
- Johnson-Laird, P. N. (1983). *Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness*. Harvard University Press.
- Johnson-Laird, P. N. (1994). Mental Models and Probabilistic Thinking, *Cognition*, 50, 189–209.

- Johnson-Laird, P. N. (2002). Peirce, Logic Diagrams, and the Elementary Operations of Reasoning. *Thinking and Reasoning*, 8(1), 69–95.
- Johnson-Laird, P. N. (2004). The History of Mental Models. In K. Manktelow, & M. C. Chung (Eds.), *Psychology of Reasoning: Theoretical and Historical Perspectives* (pp. 179–212). Psychology Press.
- Johnson-Laird, P. N. (2006). *How We Reason*. Oxford University Press.
- Johnson-Laird, P. N. (2010). Against Logical Form. *Psychologica Belgica*, 50, 193–221.
- Johnson-Laird, P. N. (2013a). Inference with Mental Models. In K. Holyoak, & R. Morrison (Eds.), *The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning* (pp. 134–154). Oxford University Press.
- Johnson-Laird, P. N. (2013b). Mental Models and Cognitive Change. *Journal of Cognitive Psychology*, 25(2), 131–138.
- Johnson-Laird, P. N., & Byrne, R. M. J. (2002). Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference. *Psychological Review*, 109, 646–678.
- Ma, M., & Pietarinen, A.-V. (2022). Peirce's Dragon-Head Logic (R 501, 1901). *Arch. Hist. Exact Sci.*, 76, 261–317.
- Markman, A. B., & Dietrich, E. (2000). Extending the Classical View of Representation. *Trends in Cognitive Science*, 4, 470–475.
- Peirce, C. S. (1931–1958). *Collected Papers*. Vols. 1–8. Cambridge University Press.
- Peirce, C. S. (1967, 1971). *Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University*. Identified by Richard Robin, *Annotated Catalogue of the Papers of Charles S. Peirce*, Amherst: University of Massachusetts Press, 1967, and The Peirce Papers: A supplementary catalogue. *Transactions of the C. S. Peirce Society*, 7, 37–57.
- Peirce, C. S. (2000). *Selected works*. Logos. (In Russian).
- Peirce, C. S. (2019–2021). *Logic of the Future. Peirce's Writings on Existential Graphs*. In 3 vols. Edited by A.-V. Pietarinen. Mouton De Gruyter.
- Pietarinen, A.-V. (2006). *Signs of Logic. Peircean Themes on the Philosophy of Language, Games, and Communication*. Springer.
- Pietarinen, A.-V. (2008). The Proof of Pragmatism: Comments on Christopher Hookway. *Cognitio*, 9(1), 85–92.
- Pietarinen, A.-V. (2015). Two Papers on Existential Graphs by Charles Peirce. *Synthese*, 192, 881–922.
- Pietarinen, A.-V. (2021). Pragmaticism as a Logical Study of Consciousness. *Cognitive Semiotics*, 14(1), 29–46.
- Pietarinen, A.-V. (2023). Peirce's Diagrammatic Reasoning and Abduction. In L. Magnani (Ed.), *Handbook of Abductive Cognition* (pp. 741–759). Springer.

- Pietarinen, A.-V., & Bellucci, F. (2017). Two Dogmas of Diagrammatic Reasoning. A View from Existential Graphs. In K. A. Hull, & R. K. Atkins (Eds.). *Peirce on Perception and Reasoning. From Icons to Logic* (Routledge Studies in American Philosophy. Vol. 10) (pp. 174–196). Routledge.
- Stenning, K., & Yule, P. (1997). Image and Language in Human Reasoning: a Syllogistic Illustration. *Cognitive Psychology*, 34, 109–159.
- Stjernfelt, F. (2015). Iconicity of Logic – and the Roots of the “Iconicity” Concept. In M. K. Hiraga, W. J. Herlofsky, K. Shinohara, & K. Akita (Eds.), *Iconicity of Language and Logic: East Meets West* (pp. 35–56). Benjamins.
- Van Heuveln, B. (2006). Using Existential Graphs to Integrate Mental Logic Theory and Mental Model Theory. *Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence*, 18(2), 149–155.
- Wason, P. C. (1968). Reasoning about a Rule. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 20, 273–281.
- Zeman, J. (1964). *The Graphical Logic of C. S. Peirce*. Diss. University of Chicago.

Материал поступил в редакцию 05.10.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.02.2024

THE RUSSIAN POLITICAL ELITE AND POWER IMAGE CONSTRUCTING PECULIARITIES IN CONTEMPORARY VIDEO GAMES (ON THE METRO EXODUS MATERIALS)

Sergey V. Volodenkov

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
s.n.fedorchenko@mail.ru

Sergey I. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Belov2006s@yandex.ru

Ekaterina V. Karlyavina

Russian University of Transport MIIT, Moscow, Russia
katerinakarlj@yandex.ru

This article studies the phenomenon of video games as instruments of constructing ideas about historical and political reality in the mass consciousness. In the modern world, video games became one of the most popular forms of entertainment along with other types of visual content – cinema, animation, online and print publications, etc. However, due to the specific technical tools, video games represent a fundamentally new means of constructing meanings because they create the effect of the player's immersion and presence in a virtual reality. Such interactivity makes it possible for video games to be especially effective in broadcasting certain values and patterns of behavior to players, forming a specific socio-cultural reality around them. All the mentioned makes video games not only a kind of entertainment but a serious “soft power” tool for modern states. In the study, the authors make an attempt to find out the images and tools that allow modern video games form a certain reality in the mass consciousness. For this purpose, the authors use the case-study as a method of descriptive analysis, B. F. Skinner's theory of operant conditioning, Tajfel and Turner's social identity theory, and the method of expert interviewing. The authors resort not only to the theoretical understanding of the essence of video games based on foreign and domestic research in the sphere of game studies, but also to a practical analysis of the mechanisms used by the creators of video games to form a specific world view for gamers on the example of the Russian game *Metro Exodus*. The game action takes place in a post-apocalyptic world – an alternative Russia of the future, where people are forced to survive after a technogenic disaster. The game contains a lot of images of the Russian political elite, among which are a member of a secret service, controlling the media and oppressed population –

the personification of the Russian government; a priest, deceiving his flock and connected with the criminal – the personification of the Russian Orthodox Church; the military and employees of the Ministry of Defence, literally “devouring” the population – the personification of militarism and the state of military structures in modern Russia; an oppressive southern autocrat, controlling the oil reserves and oppressing a local population – probably an allusion to the raw materials economy of Russia and related problems. The game’s creators use various visual problems, referring to the modern Russia, for instance, modified emblems with double-headed eagles, architecture which is typical to Russian cities, Russian military uniforms. The game plot is based on the victory of players over negative characters representing the Russian government– according to that, the authors of the article conclude that this video game forms similar patterns of behavior in the minds of players, whose ultimate goal is to overthrow the current state system in Russia. Along with that, the authors conclude that it is quite difficult now to evaluate the degree of emotional perception of these patterns among gamers. This will be possible only if an active protest movement in Russia arises.

Keywords: programming visualization, mass consciousness, political image, historical perceptions, entertainment

**ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ВЛАСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ ВИДЕОИГРАХ
(НА ПРИМЕРЕ METRO EXODUS)**

С. В. Володенков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
s.v.cyber@gmail.com

С. Н. Федорченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
s.n.fedorchenko@mail.ru

С. И. Белов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
Belov2006s@yandex.ru

Е. В. Карлявина

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия
katerinakarlj@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей конструирования массовых представлений об историко-политической реальности в сознании пользователей современных видеоигр посредством программирующей визуализации. В рамках исследования авторы методологически опирались модель семиосферы Ю. М. Лотмана, семиотический подход У. Эко к мнемотехникам, а также на концепцию «семиотическая диагностика» (И. В. Мелик-Гайказян). Кроме того, работа базируется на положениях теории оперантного обусловливания Б. Ф. Скиннера и теории социальной идентичности Г. Тайфеля и Дж. Тёрнера. Для получения более точных результатов авторами было проведено экспертное исследование, в рамках которого выявлены ключевые особенности современных видеоигр в аспекте особенностей и возможностей их использования в качестве инструмента формирования массовых представлений о реальности в молодежной среде. В ходе исследования авторы делают вывод, что современные видеоигры являются одним из наиболее интенсивно развивающихся сегментов транснациональной массовой культуры, что потенциально превращает их в одно из эффективных средств коммуникации с молодежными аудиториями. При этом современные видеоигры могут выступать в качестве значимого фактора формирования социально-политических и исторических представлений молодежной аудитории, а при высокой степени нарративной идеологизации способны играть роль своеобразных «политических интерфейсов». Кроме того, в работе выдвигается тезис о том, что современная видеоигра обладает важной когнитивной функцией, связанной с влиянием на содержательные аспекты познавательных процессов игроков через программируемую игровую семиосферу. Опираясь на исследования российских и зарубежных ученых, авторы рассматривают видеоигры в качестве особой формы «программирующей визуализации», в которую как в виртуальную семиосферу погружены игроки. В работе показывается, что важное значение в такой виртуальной игровой семиосфере сохраняют алгоритмическая заданность и программируемость символов. Игровой семиозис характеризуется управляемостью смысловыми интерпретациями символов и знаков при помощи программируемого игрового сюжета, выступающего фактором, влияющим на понимание ценностно-смыслового наполнения окружающего игрового мира. В качестве примера, рассматриваемого в статье, выбрана игра *Metro Exodus*. В работе рассматриваются образы российской политической элиты и власти в России, формируемые в анализируемой игре. По итогам исследования авторы обосновывают тезис о том, что игровые объяснительные модели окружающей действительности, воспринятые игроками как реальные, становятся фундаментом для дальнейшего формирования массовых представлений о реальной историко-политической действительности, а представленные в *Metro Exodus* деструктивные образы являются частью механизма мнемонических приемов, непосредственно связанных с когнитивной функцией познания в сложной семиотической системе современных видеоигр.

Ключевые слова: программирующая визуализация, массовое сознание, политический образ, исторические представления, эртертеймент

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-57-78

Introduction

Political scientists have largely neglected video games, and the political role of the gaming industry has not been seriously examined. However, more scholars, specialists, and experts have recently noted the growing importance of video games in politics. And it is no coincidence. As states and societies grow increasingly globalised, the gaming industry has become more extraterritorial.

Various games are being developed for international audiences irrespective of the player's location. Evidently, in such circumstances, video games become a powerful tool to help "open up" and "softly" penetrate current states' informational, political, and cultural spaces.

In essence, with tens and hundreds of millions of players worldwide, popular video games have become a soft power tool used to help shape the player's perceptions of historical events, the nature of particular nations, and the characteristics of a state included in the game's story.

Although the primary purpose of releasing any video game is to monetise it and maximise profit from the project, the soft influence of video games also has a clear impact on the political sphere. The views of a certain political leader, the social and political situation within a state, and the features of the political regime are transmitted into the target audience's minds in the form of a game. For this reason, the global gaming industry is now actively drawing the attention of political scientists concerned with informational influence in the contemporary world.

It seems clear that the key audience for video games is young people who most actively use gaming systems. As a rule, a young person does not yet have a clear, well-established understanding of historical events, nor an understanding of the countries and nations in which they occurred. We can also talk about the lack of a clear worldview or a solid axiological direction among today's younger generation. Obviously, video games can provide explanatory models of historical reality and current socio-political reality in such contexts [Lopez Naranjo et al. 2024].

Simultaneously, the explanatory content is broadcast in a convenient and entertaining format, which further reduces the critical perception of information among young people, who often have low standards concerning the quality and objectivity of the content they consume [Bowman et al. 2022].

Because of the gaming format's convenience, attractiveness, and international nature, it becomes possible to implicitly influence the social and political perceptions of hundreds of millions of players worldwide, bypassing the barrier of critical reflection of game content. The user's active involvement in the game's story merely reinforces the effects associated with the emerging alternative perception of reality and history, which is not based on objective facts and diverts the player from reality in such contexts.

Simultaneously, the game's story is not inherently neutral since it either reflects the subjective perceptions of video game developers or is designed to achieve the goals of their consumer, who is also interested in broadcasting advantageous, axiological, and explanatory models in the context of the game. As a result, we can assume that video games will be increasingly harnessed in global geopolitical and informational confrontation processes by leading actors in the gaming industry.

The key target audience is and will continue to be young people, who, in the near future, as they mature, will start to act as carriers of national models of historical memory as well as national models of values, meanings, and symbols [Volodenkov 2020]. Clearly, changes in perceptions of hundreds of millions of young people worldwide are instrumental in transforming processes of traditional intergenerational dialogue and value transition from one generation to the next, which can directly influence mass beliefs and perceptions within a country in a matter of years.

The COVID-19 pandemic, with the introduction of quarantine measures and self-isolation regimes and the rapid digitalisation of traditional social relations that ensued, has only exacerbated the situation. The amount of game playtime has increased dramatically during the mandatory self-isolation environment. Consequently, the role of video games in the socialisation of young people deprived of full-fledged traditional offline social interactions has also grown considerably.

Game-based explanatory models are becoming increasingly important for the socialisation of today's youth in the context of the pandemic. As a result, we can also note the growing role of video games as a factor in socio-political transformations at the nation-state level. We are convinced that the importance of video games in shaping young audiences' socio-political and historical perceptions must not be underestimated. After all, Thomas' theorem states that what is real in perception is real in its consequences. In other words, if players perceive virtual explanatory models as real, such models become the foundation for forming actual actions in the real socio-political space.

Today, we can observe the validity and relevance of Herbert Marcuse's position, who considered entertainment one of the key tools of mass control. The only difference is that entertainment in Marcuse's time primarily dealt with television and traditional social classes; today, entertainment has changed significantly to video games geared towards younger audiences – the critical resource of any nation's future.

From our viewpoint, the formation of young people's worldview through video games, the influence on their perceptions of their own history, their nation, state, as well as other states and nations may lead, in Antonio Gramsci's words, to changes in the national "molecular code", to the destruction or transformation of traditional values and the meaning of a nation and to changes in their own self-identification.

At the same time, there are a number of scientific works that analyse the semiotic foundations of video games. One study, for example, revealed the semiotic role of so-called "Easter eggs" (secrets in a computer game to find which you need to perform special actions), which became signs of a special code integrated into the video game [Chasovsky 2012]. Such codes have an important cognitive function in the player's cognition of the virtual universe. On the one hand, these "Easter eggs" draw the player's attention to something important that will help him understand the mission and features of the virtual world; on the other hand, they support the entertaining component of the gameplay.

However, at present, the existing conceptual experience of Russian and foreign semiologists is not sufficiently correlated with practical studies of video game features. In this regard, we consider it extremely important analysing contemporary video games and identifying the axiological components of game content that form an invisible framework of new explanatory models of historical reality and actual reality in the minds of contemporary youth.

Research methodology

This study aimed to capture the negative images promoted in a game that has engulfed hundreds of thousands of people and is aimed at young people to overthrow the current system of government. The following tasks are required to reach this aim: going through the game's main scenario and describing each negative image of the Russian political elite in the Metro Universe (20 years after the atomic war in the 2010s).

We hypothesise that the assumption that the integral effectiveness of a computer game as a tool of memory politics cannot automatically be equated with its popularity among users. To meet the challenges in the

area of memory politics, the computer games narrative must be structured according to the transformation patterns of images of the past within the minds of macro-social communities, as well as the development of a collective identity among its representatives. Furthermore, a computer game's historical narrative should build upon an already established historical mythology and the archetypal characters attached to it.

Our methods combine the descriptive analysis of elements in the form of a case study (the positioning of representatives of Russian political powers and elite in the video game *Metro Exodus*, 2019, B. F. Skinner's theory of operant conditioning [Skinner 1950] and Tajfel and Turner's social identity theory [Tajfel, Turner 2004]. In this study, we also considered Yuri Lotman's semiosphere model [Lotman 2022], Russian researcher Irina Melik-Gaykazyan's information-synergetic approach [Melik-Gaykazyan 2022], and Umberto Eco's semiotic approach to mnemotechnics [Eco 2016].

The study involved a series of expert interviews with academics and specialists working in the field of preserving historical and cultural heritage. The sample of experts was formed by selecting the authors of the most cited publications related to the topic of this study from the eLIBRARY.ru digital library site. Forming the pool of experts, we identified 15 experts with degrees in history, political and pedagogical sciences, professional competencies in youth work, as well as experts in the practical implementation of projects related to the preservation of historical and cultural heritage.

The expert interview guide included three sets of questions. The first two were devoted to experts' evaluation of memorial positioning practices in computer games in Russia and Western countries. The third question was dedicated to the disclosure of the potential of games as a tool of memory politics, how it can be fully implemented and the criteria for evaluating its effectiveness. Thus, the first two sets of questions highlighted (in a comparative aspect) practical experiences of using computer games to promote a historical narrative. The third set of questions was used to accumulate expert opinions on the conceptual role of computer games as a memory politics tool and to develop an appropriate explanatory model.

Review of special studies

Currently, there are several scientific approaches to studying the phenomenon of video games. The first is the so-called narratological

approach, in which video games are seen as specific texts in which the narrative plays a central role [Aarseth 1997; Murray 1999; Juul 2005]. Later, critical works [Eskelinen 2001] towards the narratology trend emerged. The question that storytelling alone is not enough to build a video game narrative arose – it is essential to create a narrative situation together with storytellers themselves.

A ludological approach also emerged (as proposed by Gonzalo Frasca), which focused on gameplay. Above all, the ludologists grew interested in the specifics of the game rules that set the pace of competition – getting points, prizes, etc., to take a player to the next level. This approach largely reflected Johan Huizinga's idea that the essence of any game is an "agonal instinct", or competition as an expression of the desire for power. Of course, this does not mean that developments in narratology have ceased altogether. On the contrary, broader interpretations of the narrative have emerged. For M. L. Ryan, the narrative is related to the "conquest of the fictional world", which relates to the action of intellectual agents in the game's semantic conditions [Ryan 2006]. In any case, different theoretical assessments have generated a useful academic discourse in this field [Akbar, Kusumasari 2022; Talanov 2023]. Nevertheless, who is closer to the truth? It appears that the best research strategy would be to combine the developments of narratology and ludology – to incorporate both narrative techniques and the nature of rules, incentives, and interpretations into video game analysis.

Further research on video games has developed within the procedural generation of Ian Bogost, according to which, video games are a new channel and whole art of persuasion. This belief is not solely based on narrative and video content but on the rules of interaction and representation implemented by developers and their customers and sponsors [Bogost 2010]. In essence, Bogost has tried not to oppose but to combine narratological and ludological theories, creating a new scientific toolkit for in-depth analysis of a video game's impact on the player.

Proponents of the procedural model follow Janet H. Murray's thesis according to which video games are unique media because of their procedural nature, due to the functioning of processes that operate similarly to computer processes.

The video game's virtual world sets the framework for political, social, and ethical discourse with these rules. The game rules are not abstract; instead, they are based on certain values of their creators (their sponsors, consultants) [Bogost 2006]. Bogost makes a pretty serious claim – procedural literacy involves the ability to reconfigure essential rules and concepts, and the language all programmable video games

are based on is the language of proceduralism. Using the example of historical games (e.g., *Civilisation*), Bogost has tried to show that they, as software systems, represent the historical process through specific rules of interaction [Bogost 2005]. According to Bogost's model, by following the rules laid out by game designers, the players are heavily influenced by ready-made interpretations of political, historical, and ethical phenomena and issues, which can affect, in turn, their value system.

However, Miguel Sicart believes that the procedural theory sidesteps the very figure of the player as a person, treating the game in an overly instrumental way. According to Sicart, a video game is a kind of balance between reason and ritual. An interesting and productive game involves not only rules but also certain flexibility, manoeuvrability, and choice for the player [Sicart 2011]. It is not only the rules that are important but also how the player complies with these rules. The player may be reflexive, abandoning the determinism of the rules. Sicart's position is perfectly fair in the sense that no one will play an uninteresting game where the rules rigidly regulate everything. Simultaneously, it is important to realise that players cannot wholly ignore the rules of video game developers. Bogost's procedural approach is not a dogma. Initially, it was a compromise and a creative reconceptualization of the narrative and ludological models. Besides, no one stops the procedural approach from being adjusted, improved, and reconceptualised, especially with the advent of multiplayer games incorporating every possible technology, from visualisation and storytelling to the "total immersion" effect of gameplay.

In any case, Bogost made a breakthrough in game studies, supplementing the previous discourse on verbal and visual rhetoric with a discourse on procedural rhetoric. It is important to stress that the contemporary academic discourse on video games has been supplemented by works on stereotypes and country-specific images created by developers. It would be interesting to reconsider such approaches to video games from a semiotic perspective. It is sufficient to recall Lotman's semiosphere concept, whose conceptual framework allows us to consider video games as a special "programming visualization" product in which players are immersed and semiosis occurs. With this approach, the video game semiosis units can include not only text, language, and dialogue between gameplay characters but also clothing, symbols, sounds, music, and gestures in a programmable game universe. Furthermore, algorithmic specification, programmability of symbols, action options, and missions remain critically important. Lotman believed that the substructures of the semiosphere are organized using two coordinate sys-

tems: (a) spatial (external, internal space, and the border between them) and (b) temporal (future, present, and past) [Lotman 2022, 204]. In popular video games, these semiotic coordinate systems are dominant because they are closely related to storytelling, memories, locations rich in historical symbolism, with the presence of distinctive attributes of the “friend or foe” dichotomy. Hence, it can be cautiously assumed that the modern video game has an important cognitive function related to the mechanisms of cognition in gamers through a programmable game semiosphere.

Melik-Gaykazyan’s information-synergistic approach can act as a connecting analytical thread between Lotman’s semiosphere model and our assumption about the “programming visualization” function of modern video games. According to this approach, the most important stages of the information process (generation, encoding, translation, operator formation, and reduplication) are associated with the basic phases of self-organization; any stage of the information process leads to the creation of a semiotic form [Melik-Gaykazyan 2022]. It is noteworthy that Melik-Gaykazyan attaches key importance in the information process to the stage of creating an operator as an algorithm for performing targeted actions.

Simultaneously, the operator factor is associated with both *homo ludens* and the constructed collective dream about the future or the past. Gamer communities are precisely characterised by signs of self-organisation, during which they form a collective dream about the past, present, and future. Through player communities, interpretations of characters, events, images, and symbols are discussed and disseminated, and the political narrative is also disseminated in an entertaining manner. Programming visualization presupposes an initially laid-out video game interface that defines the rules, set of functions, tools, and gameplay units. It is no coincidence that Lev Manovich introduced the term “cultural interface” to explain the use of cultural components by the human-machine interface [Manovich 2018, 105]. It cannot be ruled out that, with a high degree of narrative ideologization, video games can play the role of specific “political interfaces”. In turn, Eco, based on Rosselli’s ideas, suggested that semiotics include special mnemotechnics related to the system of places (Latin *loci*), images of the general iconographic field, and acquiring the function of lexical units. In particular, Eco noted that mnemotechnics’ features influenced medieval society’s eschatological and moral principles [Eco 2016, 79, 248]. This thesis is noteworthy in that mnemotechnics are associated with the cognitive function of cognition, and video games are mainly represented

by visual forms such as locations, images, and symbols. In other words, programmers can offer a certain ready-made worldview picture by putting a special interface and a set of mnemotechnics into a video game, supporting it with narratives, character actions, and mission features. Since images, symbols, actions, missions, and features of a video game are discussed at the level of a player community, as a self-organised system, the illusion of an objective representation of meanings is formed. The algorithmic side of the semiosphere, programmed by visual mnemotechnics, narratives, and images, remains on the sidelines.

So, can video games participate in processes of shaping historical and socio-political perceptions of reality? And what does contemporary research say about it? In his day, C. Schmitt pointed out that the “political” can be found in the precise positioning of the “us versus stranger” binary. But some authors believe that concerns about the manipulative role of computer games are clearly exaggerated [Grishin, Iglin 2015]. Matthew Spokes, for example, believes that in video games like *Ghost Recon 2* or *Splinter Cell*, developers are not purposefully creating the image of North Korea as an enemy. Nor is there a rigid binary opposition between American and North Korean political regimes. Instead, there is a combination of 2 images of the DPRK – comedic and repressive – which leaves the player confused without affecting their interpretations [Spokes 2020].

Simultaneously, Brandon Valeriano and Philip Habel view video games as transmitters of the image of an enemy. According to their observations, the constant positioning of certain states as enemies in combat within first-person shooter games can influence the construction of international threats in the agenda of contemporary society [Valeriano, Habel 2016]. Researchers conducted a content analysis of international relations simulations (*Medieval: Total War; Empires: Dawn of the Modern World; Civilisation; Europa Universalis*), according to which these games are not as politically neutral as they may first seem. They contain militaristic stereotypes, teaching the player that international problems are best resolved with force [Zamaróczy 2017] rather than diplomacy. Artūras Žukauskas also notes the presence of stereotypical images of Soviet and American soldiers in video games [Žukauskas 2018]. This brings us back to Bogost’s idea of procedural rhetoric. Indeed, if the rules link winning to the profitability of war, then we have a persistent stereotype spread through popular media. The workings of such stereotypes were well illustrated by Bogost’s analysis of *Antiwargame* [Bogost 2010], in which players had to manage public opinion, conquer countries full of oil rigs and citizens who became terrorists after bombings.

Instead of studying the rules, country images and stereotypes, a number of authors explore the political aspects of modern historical video games [Talanov 2023; Shevchenko 2023]. While studying the “ludification of culture” (a reference to Huizinga’s *Homo Ludens*), Joost Raessens emphasises that some video games are developed immediately with ready-made “ideological spaces” – special virtual universes that aim to convince players of the primacy of certain values [Raessens 2010]. Marcus Schulzke uses similar terminology, finding “ideological maps” in war video games. But he notes that these maps can not only be collectively consumed but also collectively produced, transforming abstract ideological components into concrete player experiences and value systems [Schulzke 2017]. For example, “the ideological map” was included in America’s Army game line-up, supporting a sense of civic cohesion, patriotism, and self-restraint in players with its procedural logic. The main customer for creating such a “map” was officially the U.S. state.

Adam Chapman prioritises video games with historical stories, where content balances culture, rules, and play. The researcher believes that such games must be analysed holistically, ultimately dismantling the interplay of form and content. For instance, by analysing the form, it is possible to understand how a video game can create meanings in ways that neither film nor books can [Chapman 2012]. Part of the aesthetics of games is the developers’ algorithms. Chapman agrees that historical video games function through procedural rhetoric, which, depending on the genre, can influence the historical symbols used by the game to construct meaning. Perhaps this is because the genre of historical video games touches on crucial socio-political topics for a society that they are attracting more and more researchers [Kempshall 2020; Pötzsch, Šisler 2016; Chapman, Linderoth 2015; Volodenkov, Fedorchenko 2015; Fedorchenko et al. 2020; Belov 2018; Belov 2020; Fordham et al. 2020].

Remarkably, in addition to historically themed video games, video games containing a post-apocalyptic narrative also address historical issues, the meaning of social order, political ideologies, values, and scenarios surrounding the social and political evolution of humanity (*Fallout 4*, *Horizon Zero Dawn*, *DayZ*). The post-apocalyptic narrative is founded on eschatological fears, destructive developments in society and science, fantasy literature, the Cold War, images of the Communist threat, fears of a new world war, the collapse of civilisation, and nuclear disaster. The post-apocalyptic world is often painted as an arena of conflicting factions, a number of which have an ideological mission, including a fascist one (e.g., *Fallout 4*). As Óliver Perez-Latorre effectively

demonstrates in his article, “utopian enclaves” [Pérez-Latorre 2019], in which a character symbolises rebellion or the fight for social alternatives, can reinforce players’ negative stereotypes about insurgencies in contemporary states.

The seemingly superficial and grotesque theme of zombies has also begun attracting the attention of dystopian video game researchers recently [Wintle 2023]. Hans-Joachim Backe and Espen Aarseth [Backe, Aarseth 2013] have studied this topic in detail, examining how it projects socio-political meaning. On the one hand, they believe that the post-apocalyptic theme of zombies prevails in video games because it is the ideal posthuman, alien enemy – the Other. On the other hand, they believe that the zombie apocalypse has political overtones, as zombies are used as an allegory for poverty, slavery, and contemporary consumerism – enduring humanity’s problems [Backe, Aarseth 2013]. For example, *DayZ* provides an extremely stereotypical depiction of Chernarus, a Zombieland resembling an abandoned and impoverished Eastern European country with sparse churches and pubs, where procedural rhetoric further supplies the gameplay with negative feelings. For example, upon losing the automatically updated mini-map, the player starts to feel truly deprived of their rights and becomes lost in the game.

Note that the above studies on the possibility of video games as transmitters of socio-political meanings, images, and historical interpretations do not hinder positive experiences from synthesising narratology, ludology, and procedural approaches.

Results

The analysis of the expert survey results revealed that the opinions and positions of the vast majority of study participants could be reduced to the following three key judgments.

Currently, video games are one of the most actively developing segments of transnational mass culture and potentially can become the most effective means of political communication for young people across the post-Soviet space in the medium term. Video games not only allow the promotion of a political narrative in an entertaining format but also provide opportunities to organise users into communities of gamers who regularly horizontally communicate with one another and have a consensual understanding of most elements of game symbolism.

The lack of strict genre restrictions and the level of game design technology development allow video game creators to effectively construct vivid images of the past, present, and future based on emotionally

charged symbolism. The latter opens a window of opportunity for developers in terms of shaping players' overall historical-political perceptions and macro-social identity.

Video games provide political actors with the opportunity to implement the principle of global political agitation among young people to an even greater extent than the cinema. Simultaneously, the final cost of video game production in most cases is lower than in the film industry, and the range of tools of influence used is noticeably wider and more appealing.

Let us now move on to the analysis of the game in question. The video game *Metro Exodus* is divided into several sequentially evolving storylines: The Prologue, "Moscow", "Volga", "Yamantau", "Kaspiy", "Taiga", "Novosibirsk", and "Baikal" [Metro Exodus 2019]. We will not describe the reasons why the main heroes had to make such a journey. We limit ourselves to pointing out that almost every title corresponds to a geographical location. In virtually every section, the main anti-hero or villains are representative(s) of the government or political elite. In "Moscow", the main villain is an unnamed commander of the special services of Hanse, an economically successful political entity. This man embodies the lies of the Moscow government, which for 20 years has suppressed any dissent and convinced the population—which is hiding in the underground metro from both radiation and mutants—that everyone else has died and there is nowhere else to go. This was made possible thanks to an extensive radio suppression system. "There are enemies all around, and no life outside Moscow"—this could be the slogan for the underground survivors of the atomic war. An interesting reference to contemporary Russia can be found in the stylised image of the Hansa political entity's coat of arms: the double-headed eagle (Figure 1).

In "Volga", the main villain is a local sectarian priest who, through his sermons, has suppressed the will and common sense of the local population and set them back in development by several hundred years. He uses both secular and spiritual power to satisfy his own selfish, lustful desires. The image of a sect leader is characterised by a sizeable pectoral fishing hook, while images of Orthodox icons are found across the game. Using the fishing hook symbol, the game makers highlight ordinary people's "ignorant dependency" on this man and his ideology. An image of Father Silantius is depicted in Figures 2 and 3. Figure 3 is not found in the game but is an official poster online. In this alternative image of Silantius, in which he is adorned with tattoos on his fingers and the back of his hand, we see references to the Soviet and Russian criminal world merged with the church (Figures 2 and 3).

Figure 1. A stylised image of the Hansa coat of arms.
From the video game *Metro Exodus*[Metro Exodus 2019]

Figure 2. Father Silantius. From the video game *Metro Exodus* [Metro Exodus 2019]

Figure 3. Father Silantius (an image only appearing on the official game posters).
From the video game *Metro Exodus* [Metro Exodus 2019]

Here is how one of the game's heroes describes his job:

Basically, they are just slaves! Real slaves! They work all day long, pray half the night... Everything is according to a schedule, and everything is supervised. Everything, literally everything! The "congregation" decides – well, I mean, it is clear who that is... Silantius (the cult leader)... They do not even have anything of their own – even their trousers are communal! He told them a bunch of lies about electricity, and they were all ears... Not everything is clear, but it's simple—you receive "penance" if you ask questions [Metro Exodus 2019].

In this way, the creator of the Metro Universe depicts the role and image of the church in Russia.

At the secret base in Yamantau, the main villains are defence ministry "cronies"; feral, senior officers who have been feeding upon refugees for 20 years and are looking for survivors at the base. As they torture the heroes, one of the top officers says: "We are the government you deserve!" After overthrowing this cannibalistic regime, one villain attempts to justify himself before the firing squad: "We had no choice!" This is the image of the power of the military and high command in Russia. The striking reference to contemporary Russian power structures, primarily the Federal Security Service of the Russian Federation, can be seen in the stylised image of the cannibalistic military's coat of

arms (Figure 4). The coat of arms for the Federal Security Service of the Russian Federation – a triangular shield elongated at the bottom with two-headed eagles and identically placed ribbons with text – is identical to the cannibalistic military's coat of arms from the secret bunker.

Figure 4. A stylised image of the cannibalistic military's coat of arms.
From the video game *Metro Exodus* [Metro Exodus 2019]

In the “Kaspiy” setting, the main villain is a cutthroat thug nicknamed Baron who controls the oil and freshwater reserves and holds the local population as slaves. But it is our heroes who help to destroy the villain and launch a war of liberation. This raised a separate question to which we do not yet have a clear answer: Why did the game developers choose to create this location in Kazakhstan instead of Russia?

There is no power vertical in the level “Taiga”. Here, we find two groups, Pioneers and Pirates. Both are the result of an attempt by a certain “Teacher” to recreate Anton Makarenko’s experience of educating children. However, the experiment has clearly failed, and the children grew up and split into several gangs: the Pioneers specialise in catching

outsiders and handing them over to be eaten by wild wolves and bears, while the Pirates prefer to cut off their enemies' toes before killing them.

Upon arriving in Novosibirsk, we are presented with a desolate city where only one boy has survived. There is no image of power and ruling elite in this location, but if we choose to continue playing the game through the "Two Colonels" expansion pack (itself a stand-alone story), we discover that the military used to be in control. First through deception, then through force, they seized from the local population all the antiseptic necessary to partially neutralise the radiation, after which they fled. In order to get out of Novosibirsk, the military shot and killed people with poisonous gas. This is the image of Russia under military rule.

Upon reaching Baikal, our heroes find peace, clean water, and a land free of mutants and radiation. This is where they start to create their own world and are ready to invite any facing oppression from the authorities.

Conclusions

The *Metro Exodus* video game, released in 2019, contains overt political references. The following vivid and emotionally memorable negative images of Russian authorities and political elite are created primarily for young audiences who consume gaming content:

1) a member of the secret service: controlling the media and deceiving an oppressed population;

2) a sectarian priest: using religion for his own selfish and anti-humanistic purposes while rejecting scientific and technological progress;

3) members of the government and deputy defence ministers: devouring their compatriots by luring them into a military bunker (system);

4) an oppressive southern autocrat whose wealth is built on controlling oil and oppressing a local population that is gradually being turned into slaves;

5) secret service officer: deceiving the local population for personal gain and, when the situation created by himself, worsens, ready to be the first to escape from it, destroying everyone who gets in his way.

It can be assumed that the identified negative images form part of the mechanism of mnemonic techniques associated with the cognitive function of cognition in the complex semiotic system of modern video games. Mnemotechnics strengthen the meanings of the video game semiosphere, obeying the logic of the operator mechanism laid down by

programmers as an algorithm for performing purposeful actions. During video game missions, mnemotechnics are accompanied by clearly politicized narratives.

Simultaneously, the game offers the idea that such evil can be defeated with little power, weapons, dexterity, intelligence, or all of the above. The creators of *Metro Exodus* offer players a ready-made, but rather ambiguous, radical meaning, according to which representatives of the political elite, authorities, and punitive apparatus are strong only when they feel the “state” or system behind them. However, once you start, the entire world created by lies and violence will begin to collapse. Whether such mnemotechnics, procedures, and narratives create a specific type of homo ludens is a substantial and debatable question. However, one thing is clear: all these techniques involve the interaction of a large number of players with the *Metro Exodus* virtual semiosphere, as well as the formation of a community based on the principles of gamers’ self-organisation. This leads to the creation of conditions for constructing a “collective dream about the future, present, and past”.

The degree of emotional perception of these ideas is currently difficult to assess. It will become possible if a solid and active movement arises against Russia’s existing political system and representatives.

Simultaneously, *Metro Exodus* is just one example of a fairly wide range of video games with content that may affect young people’s historical perception. Based on the study, we can conclude that the video game industry is a subject of transforming traditional patterns of historical memory. Video games themselves can act as an effective tool in “memory wars” and in the processes of influencing the mass consciousness of a significant number of players around the world.

REFERENCES

- Aarseth 1997 – Aarseth, E. J. (1997). *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. John Hopkins University Press.
- Akbar, Kusumasari 2022 – Akbar, F., & Kusumasari, B. (2022). Making public policy fun: How political aspects and policy issues are found in video games. *Policy Futures in Education*, 20(5), 646–660.
- Backe, Aarseth 2013 – Backe, H. J., & Aarseth, E. (2013). Ludic Zombies: An Examination of Zombeism in Games. *Paper presented in DiGRA Conference*, 7. <http://www.digra.org/digital-library/publications/ludic-zombies-an-examination-of-zombieism-in-games>
- Belov 2018 – Belov, S. I. (2018). Computer games as a tool for implementing the policy of memory (on the example of displaying

- the events of the Great Patriotic War in video games). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Political Science"*, 20(1), 96–104. (In Russian).
- Belov 2020 – Belov, S. I. (2020). Computer games as a resource for implementing the policy of memory: practical experience and hidden opportunities (based on the materials of positioning the events of the Great Patriotic War). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science*, 1, 54–63. (In Russian).
- Bogost 2005 – Bogost, I. (2005). Procedural literacy: Problem solving with programming, systems, and play. *Journal of Media Literacy*, 52(1 & 2), 32–36.
- Bogost 2006 – Bogost, I. (2006). *Unit operations. An approach to videogame criticism*. The MIT Press.
- Bogost 2010 – Bogost, I. (2010). *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. The MIT Press.
- Bowman et al. 2022 – Bowman, N. D., Bowen, D. A., Mercado, M. C., Resignato, L. J., & de Villemor Chauveau, P. (2022). "I did it without hesitation. Am I the bad guy?": Online conversations in response to controversial in-game violence. *New Media & Society*, 0(0).
- Chapman 2012 – Chapman, A. (2012). Privileging Form over Content: Analysing Historical Videogames. *Journal of Digital Humanities*, 1:2, 42–46.
- Chapman, Linderorth 2015 – Chapman, A., Linderorth, J. (2015). Exploring the Limits of Play: A Case Study of Representations of Nazism in Games. In T. E. Mortensen, & J. Linderorth (Eds.), *Dark Play: Difficult Content in Playful Environments*. Routledge.
- Chasovsky 2012 – Chasovsky, P. N. (2012). Semiotics of "Easter eggs", or the game principle in computer games. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 72(36), 63–66. (In Russian).
- Eco 2016 – Eco, U. (2016). *From maiden to labyrinth. Historical studies of sign and interpretation*. Academic Project. (In Russian).
- Eskelinen 2001 – Eskelinen, M. (2001). The Gaming Situation. *Game Studies*, 1(1). <http://www.gamestudies.org/0101/eskelinen/>
- Fedorchenko et al. 2020 – Fedorchenko, S. N., Karlyavina, E. V., Tedikov, D. O., Markaryan, R. A., & Teslyuk, K. V. (2020). Some results of the Sociological Study "Computer Games and the Politics of Memory". *Journal of Political Research*, 2, 90–105.
- Fordham et al. 2020 – Fordham, J., Ratan, R., Huang, K. T., & Silva, K. (2020). Stereotype Threat in a Video Game Context and Its Influence on Perceptions of Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM): Avatar-Induced Active Self-Concept as a Possible Mitigator. *American Behavioral Scientist*, 64(7), 900–926.

- Grishin, Iglin 2015 – Grishin, O. E., & Iglin, D. A. (2015). Computer games as an element of mass political culture and communication. *PolitBook*, 1, 127–145. (In Russian).
- Juul 2005 – Juul, J. (2005). *Half-real. Video games between real rules and fictional worlds*. The MIT Press.
- Kempshall 2020 – Kempshall, C. (2020). *Modern Warfare: Call of Duty, Battlefield, and the World Wars*. In A. von Lünen, K. J. Lewis, B. Litherland, & P. Cullum (Eds.), *Historia Ludens* (pp. 255–266). Routledge.
- Lopez Naranjo et al. 2024 – Lopez Naranjo, F., Maldonado, M. A., Cuadrado, E., & Moyano, M. (2024). Video Games Interventions to Reduce Radicalization and Violent Extremism in Young People: A Systematic Review. *Games and Culture*. 0(0).
- Lotman 2022 – Lotman, Y. (2022). *Inside thinking worlds*. ABC, ABC-Atticus Publ. (In Russian).
- Manovich 2018 – Manovich, L. (2018). *The language of new media*. Ad Marginem Press. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan 2022 – Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semiotic diagnostics of splitting trajectories of dreams about the past and dreams about the future. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 13(4). <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1/>. (In Russian).
- Metro Exodus 2019 – Metro Exodus. (2019). *Developed – 4A Games*. Publisher – Deep Silver. <https://www.metrothegame.com/>
- Murray 1999 – Murray, J. H. (1999). *Hamlet on the Holodeck. The Future of Narrative in Cyberspace*. MIT Press.
- Pérez-Latorre 2019 – Pérez-Latorre, Ó. (2019). Post-apocalyptic Games, Heroism and the Great Recession. *Game Studies*. 19 (3). <http://gamestudies.org/1903/articles/perezlatorre>
- Pöttsch, Šisler 2016 – Pöttsch, H., & Šisler, V. (2016). Playing Cultural Memory: Framing History in Call of Duty: Black Ops and Czechoslovakia 38–89: Assassination. *Games and Culture*, 1-23.
- Raessens 2010 – Raessens, J. (2010). *Homo Ludens 2.0: The Ludic Turn in Media Theory* (pp. 1–36). Universiteit Utrecht.
- Ryan 2006 – Ryan, M. L. (2006). *Avatars of Story*. University of Minnesota Press.
- Schulzke 2017 – Schulzke, M. (2017). Military videogames and the future of ideological warfare. *The British Journal of Politics and International Relations*. 19(3), 609–626.
- Shevchenko 2023 – Shevchenko, I. A. (2023). Media rhetoric of historical video games in the life of Russian youth and the country's national

- security. *Studia Humanitatis*, 2(9-9). <https://st-hum.ru/content/shevchenko-ia-mediatorika-istoricheskikh-videoigr-v-zhizni-rossiyskoy-molodezhi-i> (In Russian).
- Sicart 2011 – Sicart, M. (2011). Against Procedurality. *Game Studies*, 11(3). http://gamestudies.org/1103/articles/sicart_ap
- Skinner 1950 – Skinner, B. F. (1950). Are theories of learning necessary? *Psychological Review*, 4(57), 193–216.
- Spokes 2020 – Spokes, M. (2020). The Democratic People's Republic of Korea, Procedural Rhetoric and the Military-Entertainment Complex: Two Case Studies from the War on Terror. *Media, War & Conflict*. <https://ray.yorks.ac.uk/id/eprint/3670/3/MW&C%20Sub.pdf>
- Tajfel, Turner 2004 – Tajfel, H., & Turner, J. C. (2004). The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In J. T. Jost, & J. Sidanius (Eds.), *Political psychology: Key readings* (pp. 276–293). Psychology Press.
- Talanov 2023 – Talanov, S. L. (2023). Historical video games as a tool of politics. *Social and Political Researches*, 1(18), 20–38. (In Russian). https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_1_18_20
- Valeriano, Habel 2016 – Valeriano, B., & Habel, Ph. (2016). Who Are the Enemies? The Visual Framing of Enemies in Digital Games. *International Studies Review*, 18(3), 462–486.
- Volodenkov 2020 – Volodenkov, S. V. (2020). Features of Technologies for Rewriting History in a Contemporary Digital Communications Space. *History*, 9(95). (In Russian).
- Volodenkov, Fedorchenko 2015 – Volodenkov, S. V., & Fedorchenko, S. N. (2015). The Overton Window – a manipulative matrix of political management. *Scientific-Analytical Journal Observer*. 4(303), 83–93 (In Russian).
- Wintle 2023 – Wintle, P. (2023). Mutants and Zombies Everywhere! Or Villains, Violence, and Selfishness: Questions of Humanity in the Post-apocalyptic (Pandemic) Video Game. *Games and Culture*. 0(0).
- Zamaróczy 2017 – Zamaróczy, N. de. (2017). Are We What We Play? Global Politics in Historical Strategy Computer Games. *International Studies Perspectives*, 18(2), 155–174.
- Žukauskas 2018 – Žukauskas, A. (2018). Video Games and the Politics of Historical Memory: War Memory in American and Russian Video Games. *Politologija*, 90(2), 88–113.

Ματєριαλ ποσтупил в редакцию 02.05.2023

Ματєριαλ ποσтупил в редакцию после рецензирования 26.02.2024

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯПОНСКОГО САДА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Э. М. Думнова

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия
dumnova79@yandex.ru

Рассматривается обусловленность знаково-символического пространства японского ландшафтного сада историческим и религиозно-философским факторами.

Хронологические рамки исследования охватывают эпоху Хейан (794–1185), олицетворяющую новый этап в развитии японской культуры, связанный с формированием утонченной эстетики, нашедшей воплощение и в ландшафтной архитектуре, в частности в садовом искусстве. Укрепление аристократического стиля жизни дало импульс к новой организации архитектурного пространства: возникают дворцово-парковые и храмовые архитектурные комплексы, частью которых был японский сад. Под влиянием этого формируется особый вид японского сада – пейзажный прогулочный сад, а также канон ландшафтной архитектуры, отражающий пространственно-символические представления японцев и приемы их воспроизводства в пространстве сада.

Японский сад представляет собой квинтэссенцию природоцентристского сознания. Уникальность мировоззренческих оснований знаково-символического пространства японского сада эпохи Хейан выражается в синтезе нескольких религиозно-философских учений, сосуществующих в Японии: синтоизма, даосизма, буддизма, дзен-буддизма и ряда религиозных школ, возникших в результате интерпретации буддизма и его сочетания с синтоизмом. Их симбиоз сформировал особое мировоззрение, которое эксплицировалось в культуре Японии. Японский сад в любом стиле представляет собой воплощение модели видения Вселенной сквозь призму определенной философско-эстетической системы. Религиозно-философские основания японского общества определили содержание знаково-символического пространства сада и выбор соответствующих архитектурно-дизайнерских приемов его конструирования.

Реализация архитектурного кода, лежащего в основе концептуального структурирования сада, технически достигается посредством использования ряда архитектурных и дизайнерских приемов. Наиболее значимые из них: *прием намекающей метафоры, прием текстурной модуляции, прием асимметрии, а также приемы планирования, основанные на теории контрастов.*

Намекающая метафора применяется в кодировании отдельных объектов сада, например камней. Суть приема текстурной модуляции состоит в чередовании материала дорожек, которое ощущается как тактильно, так и визуально, что в целом символизирует прохождение человеком разных этапов постижения истины бытия в единстве пространства и времени.

Прием асимметрии позволяет визуализировать изменчивость мира, его перманентное движение.

Обоснование и раскрытие механизма применения пространственных кодов позволяет позиционировать японский сад как коммуникативное пространство, знаково-символическое наполнение которого обусловлено социокультурным фактором и зависит от эстетической парадигмы эпохи, лежащей в основе архитектурного и садового искусства.

Ключевые слова: знаково-символическое пространство, японский сад, эпоха Хейан, ландшафтная архитектура Японии, семиотический анализ японского сада

THE SYMBOLIC SPACE OF THE JAPANESE GARDEN: IDEOLOGICAL FOUNDATIONS

Elnara M. Dumnova

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation
dumnova79@yandex.ru

The article considers the conditionality of the Japanese landscape garden's space of signs and symbols by historical and religious-philosophical factors. The chronological framework of the study covers the Heian epoch (794-1185). Its significance in the development of Japanese landscape architecture and, in particular, garden art is connected with the emergence of a new refined aesthetics, which became the theoretical basis for the formation of the "feminine" style in Japanese culture. The rise of the aristocracy in this period gave impetus to a new style of life: palace-park and temple architectural complexes were built, part of which was a Japanese garden. In this regard, a special type of Japanese garden – landscape pleasure garden – was formed, as well as the canon of landscape architecture, reflecting the spatial and symbolic representations of the Japanese and the methods of their reproduction in the garden space. The uniqueness of the worldview foundations of the sign-symbolic space of the Japanese garden of the Heian era is expressed in the synthesis of several religious and philosophical teachings coexisting in Japan: Shintoism, Taoism, Buddhism, Zen Buddhism, and a number of religious schools that emerged as a result of the interpretation of Buddhism and its combination with Shintoism. Their symbiosis formed a special worldview, which was explicated in the culture of Japan. Japanese garden in any style is an embodiment of the model of vision of the universe through the prism of a certain philosophical and aesthetic system. Religious and philosophical foundations of the Japanese society determined the content of the symbolic-symbolic space of the garden and the choice of appropriate architectural and design techniques of its construction. The methodological basis for the

semiotic analysis of the Japanese garden is the typology of spatial codes, including object-functional, architectonic, and social-symbolic codes. The significance and specificity of the application of each code in the process of constructing a landscape Japanese garden with its inherent sign-symbolic space are considered. The basic architectural and design methods of realization of spatial codes, the purpose of which is to embody the concept of the universe in the format of a Japanese garden, are revealed. The architectonic code structures the garden space, as a result of which its compositional solution corresponding to the garden concept is designed. Technically, this goal is achieved through the use of a number of architectural and design techniques. The most significant of them are the technique of suggestive metaphor, the technique of textural modulation, the technique of asymmetry, as well as planning techniques based on the theory of contrasts. Hinting metaphor is used in the coding of separate objects of the garden, for example, stones. The essence of the texture modulation technique is the alternation of the material of the paths, which is felt both tactilely and visually, which in general symbolizes the passage of different stages of human comprehension of the truth of existence in the unity of space and time. The reception of asymmetry allows visualizing the changeability of the world, its permanent movement. Justification and disclosure of the mechanism of spatial codes application allows positioning the Japanese garden as a communicative space, the sign-symbolic content of which is conditioned by the socio-cultural factor and depends on the aesthetic paradigm of the era underlying the architectural and garden art.

Keywords: space of signs and symbols, Japanese garden, Heian era, landscape architecture of Japan, semi-otic analysis of Japanese garden

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-79-102

Введение

Японский сад представляет собой уникальный феномен синтеза архитектуры и садово-паркового искусства. Он возникает как результат особенного чувствования красоты, сформированного в японском менталитете на стыке нескольких мировоззренческих систем: синтоизма, даосизма, буддизма, дзен-буддизма и ряда религиозных школ, возникших в результате интерпретации буддизма и его сочетания с синтоизмом. Симбиоз различных религий на территории Страны восходящего солнца привел к формированию самобытных мировоззренческих оснований, получивших объективацию как на теоретическом уровне – в виде эстетических принципов, так и на деятельностном – как результат развития различных

видов искусства. Японский сад вобрал элементы ряда искусств – архитектуры, монументально-декоративного и садового искусства, а также икебаны, что стало базой создания завершенного ландшафтно-архитектурного комплекса с глубинным знаково-символическим пространством. Последнее отражает тончайшие грани эстетического сознания и мировоззрения японского народа, сформированных в процессе его исторической эволюции и социокультурного развития.

Японские сады появляются в VII веке, о чем свидетельствуют источники, дошедшие до наших дней. Их дальнейшая эволюция была обусловлена, во-первых, сменой династий и обновлением социокультурных норм и нравов японского общества. Наибольшего расцвета садовое искусство получает в эпоху Хейан (794–1185). Во-вторых, во многом развитие японского сада было детерминировано проникновением в Японию новых религиозно-философских учений с материка, их интерпретацией и интериоризацией новых идей в сознание японского народа. Этим объясняется возникновение со временем различных видов японского сада. На сегодняшний день существуют разные его типологии, основными из которых являются следующие:

1. По критерию пространственных характеристик выделяют плоские сады (хиранива) и разбросанные на холмах (цукияма) [Навлицкая 1975, 283].

2. По критерию религиозно-мировоззренческих оснований японские сады принято дифференцировать на два основных стиля, детерминированных влиянием разных буддистских школ. В результате распространения учения о рае (амидаизме) секты Дзёдо возникают сады в стиле Дзёдо, олицетворяющие собой рай. Второй стиль – символические сады / сухие сады – появился как результат популярности дзен-буддизма, что произошло в конце эпохи Хейан [Голосова 2002, 85–86]. Их развитие привело к возникновению абстрактных садов, имеющих более высокую степень символизма, что достигалось посредством использования лишь двух обязательных элементов сада: песка (гравия) и камней.

По размерности можно отдельно выделить еще один вид сада, который возникает в процессе урбанизации, когда «бамбуковый город», олицетворяющий традиционную японскую архитектуру, уходит в историю Японии, – это сад *цубо-нива*. Его размер не превышает 3,3 квадратных метра, что позволяет размещать такой сад в пространстве жилого дома [Коновалова 2017, 160].

Несмотря на свое разнообразие, японский сад в любом стиле представляет собой воплощение видения модели Вселенной сквозь

призму определенной философско-эстетической системы. Видоизменяясь, японский сад всегда оставался частью архитектурного пространства, будучи при этом самостоятельным завершенным ансамблем, органично в него интегрированным. Он, как и архитектура в целом, является не только системой, но еще и коммуникативным пространством, где акт коммуникации опосредован использованными автором символами, приемами, посредством которых получили воплощение его идеи, представляющие концептуальную основу конкретного сада. В этой связи возникает вопрос о возможности интерпретативного подхода в трактовке тех или иных смыслов, содержащихся в знаково-символическом пространстве японского сада.

Применительно к раннему периоду развития садового искусства такая вероятность варьировала в зависимости от влияния религиозно-мировоззренческих принципов и представлений о модели мира. В более поздний период трактовка регламентировалась основным документом – «Сакутэйки» (作庭記, букв. «Записи о создании садов»), содержащим постулирование канонов данного искусства. «Сакутэйки» были составлены, предположительно, во второй половине XI века [Мостовой 2012]. В этой книге описываются способы строительства, используемые в садах Синдэн, и упоминаются методы выделения земли, расположения камней и искусственных водопадов, дренажа и посадок растений. Это сборник правил, которые были кодифицированы для того, чтобы дизайнеры с менее развитой чувствительностью могли создать успешный сад [Mehta, Tada 2008, 13].

«Сакутэйки» содержали подробные указания о надлежащей форме различных компонентов сада, а также о процедуре и критериях их подбора и расположения. Данная регламентация лежала в основе создания ландшафтных садов эпохи Хэйан, в связи с чем их знаково-символическое пространство было четко заданным и не предполагало той степени абстракции и, соответственно, более свободной интерпретации, которая появилась в эпоху Нового и Новейшего времени с переходом к абстрактному виду японского сада.

Позднее появились и другие источники регламентации садового искусства: «Сэндзуй нараби-ни ягё но дзу» (XV век), «Цукияма тэйдзо дэн» (XVIII–XIX века), «Мусо рю титэй» (XVIII век) и др. [Мостовой 2012].

Цель данного исследования – изучение мировоззренческих оснований знаково-символического пространства японского сада эпохи Хэйан.

Религиозно-философские основания садового искусства

Влияние континентальной культуры посредством так называемого «пути трех» (буддизм, даосизм, конфуцианство) оказалось весьма существенно и во многом предопределило трансформацию культурного сознания японцев. Вместе с тем сохранилась его особенность, определяемая как природоцентрический тип сознания, психологической основой которого является непосредственное переживание единства с миром природы [Личманюк 2021, 64].

В эпоху Хэйан формируется новая эстетика, отличающаяся своей эклектичностью, обусловленной влиянием разных религиозно-мировоззренческих систем и их синкретизмом. Садовое искусство переживает свой расцвет. Складывается изысканный эстетический стиль, именуемый «женским» [Григорьева 1985, 63]. Он отражал социальные изменения и трансформацию образа жизни японского общества. Выросло влияние аристократии. Представители этого социального слоя активно разбивали традиционные японские сады в своем жилом пространстве. Кроме придомовых садов существовали и сады в храмовых комплексах.

При этом синтоизм продолжал существовать. Несмотря на тот факт, что уже в VII веке буддизм был объявлен государственной религией Японии, синтоизм перманентно сохранял свою значимость. Известный японский художник XX века Мирэй Сигэмори, изучавший принципы создания японского сада, из множества источников, повлиявших на развитие данного искусства, более влиятельным признавал синтоизм как исконную религию древней Японии [Tschumi 2020, 46].

Его основной идеей, воплотившейся в разных видах японского искусства и лежащей в основе японского менталитета, является неотделимость человека от природы. Этим обусловлено стремление японцев к соприкосновению с природой, слиянию с ней, воплотившееся в планировочных решениях традиционной японской архитектуры, в частности ландшафтной. Граница между домом и внешним пространством, где и находился сад, была весьма призрачной. Эффект перехода внутреннего пространства во внешнее достигался посредством ряда архитектурных приемов и особенностей планировки и конструктива японского дома, что, кроме того, имело и утилитарный характер. Влажный климат Японии обусловил необходимость поддержания постоянной усиленной вентиляции жилища. Дом имел достаточное открытое пространство под полом, функцию стен выполняли раздвижные перегородки (*сёдзи*). Эти же

атрибуты использовались и для внутренней планировки дома. Три стены дома имели свойство раздвигаться, в результате чего и происходило его слияние с окружающим пространством, в частности с садом. Так японцу удавалось достичь единения с природой, не преодолевая пространство, а приближая ее к своему дому. Это достигается посредством структурирования придомового пространства и создания микроландшафта придомовой территории [Главева 2009, 64].

В синтоизме божества (*ками*) позиционировались как предки человека. Такая же особенность синтоизма, как отсутствие иконографии, привела к вере в их воплощение в разных элементах природы. Этим объясняется наделение отдельных природных объектов особой силой, в особенности это касается гор, камней и воды. Достижение гармонии считалось возможным через соприкосновение с миром *ками*, который не был отделен от мира человека. В результате достигается единство человека с природой, что является естественным состоянием, поскольку для японцев «чуждо понятие части <...> и потому на уровне “единства разного” искали японцы гармонию, соотнося вещи, с нашей точки зрения, разного порядка: <...> настроение с пейзажем, чувство со временем года, уравнивали пустое и заполненное, внутренне – внешнее» [Григорьева 1985, 65]. Красота отождествлялась с гармонией, а гармония рассматривалась как непеременимое условие постижения истины. Ценность естественной природы повлияла на формирование сада в стиле природного пейзажа [Голосова 2002, 17].

Специфика синтоизма и одновременно его уникальность состоят в способности к самосохранению в условиях сосуществования с другими религиями. В этом выражаются его гибкость и наличие ряда положений, не противоречащих принципам, лежащим в основе буддизма и даосизма, которые в значительной степени повлияли на формирование новой эстетической парадигмы Японии и ее воплощение в эстетике традиционного японского сада.

Для буддизма тоже была характерна идея недUALности бытия, т. е. единства абсолютного и эмпирического. Проникновение этого религиозно-философского учения в Японию привнесло в ее культурное сознание понятие пустоты (*шунья*), которое выступило одним из важнейших концептов в процессе формирования культурного сознания японцев.

Онтологические основания даосизма также эксплицировались в реализации ряда архитектурных приемов при создании японского сада. Два противоположных первоначала, находясь в перманент-

ном взаимодействии, лежат в основе гармонии бытия. Примечательна точка зрения М. П. Кейана по поводу наличия некоторого дисбаланса и его относительности: «Инь высвобождается в Ян, Ян поддерживает Инь; всегда есть некоторый беспорядок, но всегда соблюдается согласие. Что-то может оказаться несбалансированным на микромасштабе, но в более крупном масштабе оно участвует в системе, внутри которой оно находится в равновесии, обеспечивая, таким образом, свое собственное продолжение. Если оно каким-то образом не будет сбалансировано на макроуровне, то просуществовать недолго. Если и есть какое-то определение слову “естественный”, то это – целостный баланс» [Keane 2002, 117]. Наличие некоторого дисбаланса в отдельных частях единого целого является естественным состоянием. Японский сад выступает ярким примером его воссоздания при соблюдении при этом баланса целостного, т. е. достижения гармонии.

Идея гармонии, отраженная в сосуществовании противоположных начал *Инь* и *Ян*, нашла свое выражение в реализации световых решений на основе теории контрастов – использовании экстремальных значений света и тени в одном садовом пространстве [Голосова 2002, 41].

Несмотря на прошествие длительного периода со времен эпохи Хэйан, сформировавшиеся тогда каноны ландшафтной архитектуры актуальны и в современной Японии. При этом ландшафтный сад эволюционировал, приобретая большую вариативность и органично вписываясь в современную архитектурную среду.

Семиотизация пространства японского сада: пространственный код

Японский сад является системой, созданной в формате архитектурного пространства, т. е. его частью и одновременно самостоятельной единицей. Он представляет собой уникальное художественно-осмысленное архитектурное пространство, имеющее свои границы и размеры [Федоров, Коваль 2009, 17]. Поскольку символическое значение архитектурного пространства конструируется субъектом, в нем находят воплощение представления о структуре мироздания, что выражается в композиции и других характеристиках японского сада.

Визуальная семиотика возникает только в XX столетии, но процесс кодирования имел место, конечно, значительно раньше в культурах как Востока, так и Запада, еще на заре их существования.

В частности, проявление кодирования архитектурного пространства и наличие его знаково-символической основы наблюдаются в эпоху Хэйан. С точки зрения методологии важно учесть, что именно конкретная культура задает способ его прочтения, т. е. декодирования. Этим отличается данный процесс в западной и восточной культурах. Вместе с тем, как отмечает Т.П. Григорьева, учитывая неоднородность культуры, «Восток и Запад, независимо от того, какие народы относим мы к ним, берем широко или в пределах одного региона <...>, сосуществуют как две стороны одного подвижного целого, которые взаимодополняют друг друга и самопознаются друг в друге» [Григорьева 1979, 14]. В основе кода лежит модель Вселенной, имеющая принципиальные отличия: у греков – дуальная, у китайцев и японцев – недуальная, в чем выражался и тип мышления. Интуитивно-образный тип мышления, сложившийся в восточной культуре, был спроецирован в таком способе выражения мысли, в основе которого лежит образ, зафиксированный иероглифом. Альтернативой иероглифу в западной культуре явилась буква. Исходя из этого, по причине развития визуальной семиотики на Западе, на современном этапе этим объясняется восприятие архитектурного пространства как текста. При этом следует учесть сохранение механизма кодирования при отличающемся содержании знаково-символического пространства в восточной культуре, в связи с чем в восточной традиции также использовалась система кодирования при отсутствии теоретического осмысления данного процесса и соответствующего понятийного аппарата для его описания. Представляется допустимым применение имеющегося в настоящее время научного инструментария, разработанного в рамках визуальной семиотики, к исследованию объектов восточной архитектуры с учетом особенностей картины мира и модели мира, существовавших в период их создания и определявших архитектурный и пространственный код.

Культурный код обуславливает ядро, основание любой культурной системы как единого целого, которое определяют ее характерные черты и траектории развития [Панов 2022, 138]. В культуре код основывается на архетипическом наборе и отражает картину мира. Мы разделяем точку зрения современных отечественных японоведов о том, что «в японской, как и в любой культуре, вырабатывается и функционирует так называемый культурный код, который передает материальный и духовный опыт народа в процессе его жизнедеятельности, соотносится с древнейшими представлениями человека и в той или иной символической форме “кодирует”

эти представления» [Гуревич, Изотова 2019, 74]. В основе кода традиционной японской культуры, в частности архитектуры, лежит синто-даосско-буддийский синкретизм [Герасимова 2023, 281].

В любом случае для передачи смыслов автор / архитектор / дизайнер независимо от исторического периода и географического положения использует соответствующую знаково-символическую систему, воплощение которой осуществляется с учетом актуальных эстетических принципов посредством архитектурных приемов и дизайнерских решений. Свое философское осмысление пространственные способы выражения смыслов нашли в работах Э. Кассирера [Кассирер 2011], У. Эко [Эко 1998] и представителей структурализма.

У. Эко, рассматривая архитектуру как коммуникацию, определяет средство передачи смыслов понятием «код». В его прочтении «код – это структура, а структура – это система отношений, выявляемая путем последовательных упрощений, проводимых с определенной целью и с определенной точки зрения». Следовательно, архитектурный код детерминируется, в частности, рядом внеархитектурных обстоятельств, т. е. имеет социокультурный и исторический контекст. Изменение последнего обуславливает проблему «удовлетворения разным кодам прочтения» [Эко 1998, 258]. Трансформация социального контекста архитектуры рождает проблему декодирования ее сообщений. Применительно к японскому саду она несколько нивелирована устойчивостью мировоззренческих оснований японского общества, несмотря на его модернизацию, которые и задают код прочтения знаково-символического пространства объекта ландшафтной архитектуры. Если в современной архитектуре постмодернизма и последующих архитектурных стилях актуализировался язык «двойного кодирования», делающий ее более открытой и универсальной для разных категорий населения, то японский сад, будучи проявлением традиционной архитектуры Японии и квинтэссенцией национального мировоззрения японцев, использует устойчивый пространственный код. В его основе лежат представления о мире как о безостановочном процессе становления, подвижность и неуловимость образа [Григорьева 1979, 39]. Неизменность и актуальность заданного кода базируется на религиозно-мировоззренческих основаниях японской культуры, имеющих глубокие исторические корни и сохраняющих свою значимость в современный период.

Современный теоретик архитектуры Н. Л. Прак на основании значимой роли символа в архитектурном пространстве подразде-

ляет общую архитектурную эстетику на формальную и символическую, отмечая, что «архитектура стала символизировать идеальный мир, к которому человек должен стремиться» [Прак 2018, 8]. Этот вид эстетики является доминирующим в японских садах.

Итак, в основе создания знаково-символического пространства японского сада лежит группа визуальных кодов. Как отмечает Л. Ф. Чертов, «эти коды образуют основу выразительных средств, рассматриваемых часто как “язык” архитектуры, дизайна и других пространственных видов искусства» [Чертов 2014, 87]

В основе этой группы кодов лежат универсальные компоненты: семиотические средства, создающие план выражения (ПВ), специфика значений, образующих план содержания (ПС) и способ соотношения значимых единиц с соответствующими значениями в плане содержания [Чертов 2014, 87]. Единицами в данном контексте исследования выступают элементы сада.

Группа пространственных кодов представлена предметно-функциональным, архитектурным, социально-символическим кодами. Доминирование того или иного кода зависит от специфики пространства. Так, применительно к японскому саду следует отметить значимость определенного его вида при использовании того или иного типа кода. Пейзажные сады эпохи Хейан были частью светской архитектуры в стиле *синдэн*. Они являлись прогулочными, в связи с этой функцией данный вид сада имел соответствующую сложную композицию, совмещающую несколько пейзажей, переходящих один в другой. Более ранние сады были спроектированы так, чтобы их можно было увидеть изнутри здания или с лодки на пруду [Earle 2018, 7].

Человек, прогуливаясь по такому саду, соотносил себя с его компонентами через движение и их обозрение. В этом случае для создания данного садового пространства актуализируется архитектурный код структуры плана выражения, предполагающий определенное движение человека в организованном пространстве. Вместе с тем пейзажный парк был рассчитан и на обозрение с открытых веранд дворца, что позволяет выделить значимость предметно-функционального кода. В отличие от архитектурного он ориентирован на достаточно точную фиксацию места предметной формы. Сады эпохи Хейан отличались наличием строго определенной композиции с обязательными компонентами – «озеро с островами и скалами, холм с водопадом» [Навлицкая 1975, 282]. На планировку японских садов большое влияние оказала китайская геомантия, согласно которой сады ориентировали по оси юг–север,

и «главный вход чаще всего был с юга, а главные элементы архитектурно-садового комплекса тяготели к северу» [Голосова 2020, 446]. Появившийся позднее – в XII–XIII веках – под влиянием дзен-буддизма видовой сад, предполагающий его созерцание со стороны, демонстрирует использование предметно-функционального кода в качестве основного при разработке концепции и конструировании сада.

Таким образом, визуальные коды способствуют семиотизации архитектурного пространства. Его элементы структурируются, исходя из соотношения их значений. Семиотизация японского сада происходит посредством применения ряда архитектурных и дизайнерских приемов.

Знаково-символическое пространство японского сада

Взяв за основу анализа приведенную выше типологию пространственных кодов, рассмотрим их реализацию в процессе конструирования пейзажного японского сада.

Выбор композиционных приемов, элементов и материалов японского сада пронизан глубоким символизмом. Архитектонический код структурирует садовое пространство, в результате чего оформляется его композиционное решение, соответствующее концепции сада. Технически данная цель достигается посредством использования ряда архитектурных и дизайнерских приемов. Наиболее значимые из них рассмотрим далее.

Концепция мироздания воплощена через форму. При этом использование природных форм, таких как камень, гора, озеро, имеет двойной язык. Применяется *прием намекающей метафоры*, о котором будет написано много лет спустя, уже в контексте анализа языка архитектуры XX века [Дженкс 1985]. Синтоистская идея *моно-но-кэ* как скрытая сила, присутствующая в мире, получила опредмечивание посредством оформления в знаково-символическом пространстве японского архитектурно-садового искусства. Н. С. Николаева отмечает: «Первым вещественным олицетворением моно-но-кэ стал камень. Как один из самых важных предметов. <...> Камень, а за ним скала и гора стали идентифицироваться со сверхъестественным анимистическим существом Омоно-нуси. <...> Камень или скала, осознанные как вместилище божества, стали называться *ивакура*» [Николаева 1975, 26]. Божество связывалось как с предметом, так и с местом, приобретая, таким образом, пространственное воплощение, с одной стороны, а с другой – данные природные объекты стали символичны, приобретая сакральный и

философский смысл. Приобщение к божеству стало возможным посредством созерцания соответствующих природных объектов, что являлось путем постижения истины.

Не менее значимым приемом, сводящимся к олицетворению данного пути, является прием *текстурной модуляции*. Его суть заключается в изменении текстуры материала под ногами посетителя сада. Поскольку в эпоху Хэйан сад был компонентом как храмового, так и дворцового комплекса, то выход к нему осуществлялся из соответствующего помещения. В начале путь был выстлан циновками, далее, при перетекании внутреннего пространства во внешнее, происходит и переход от одного материала к другому – гравий, каменные плиты, трава. Чередование материала ощущается как тактильно, так и визуально, что в целом символизирует прохождение человеком разных этапов постижения истины бытия в единстве пространства и времени (ил. 1).

Ил. 1. Дорожка. Источник: <https://gipsypapa.exblog.jp/20623799/>

Идея природосообразности проходит лейтмотивом в ландшафтной архитектуре Японии [Думнова 2023]. При создании японского сада учитывается естественность, присущая природе и выраженная в порядке ее существования. Именно это позволяет подчеркнуть *прием асимметрии*, который доминирует в композиции сада. Если симметрия используется в жилой и храмовой архитектуре, то ландшафтная архитектура, интегрируясь с ней весьма

органично, при этом использует альтернативный прием. В образованном едином архитектурно-ландшафтном пространстве идея гармонии проводится через сочетание противоположностей – симметрии и асимметрии. Симметрия, независимо от ее вида, будь то центральная, осевая, зеркальная, поворотная или переносная, обозначает завершенность, статичность и некую монументальность архитектурного объекта. В отличие от нее асимметрия (несоразмерность) позволяет воссоздать гармоничное единство, в котором уравновешены разнородные элементы. Их определенная композиция позволяет достичь эффекта визуального равновесия. Как отмечает Т. П. Григорьева, гармония в японской культуре понимается как внутренняя подвижная сбалансированность. В отличие от европейского мышления в японском мышлении гармония достигалась не посредством пропорциональности и соразмерности частей, а за счет соответствия их композиции естественному порядку вещей [Григорьева 1985, 64]. Аналогичный подход к трактовке сущности приема асимметрии прослеживается и в западных исследованиях. Так М. П. Кейан подчеркивает, что «асимметричное расположение камней придает саду динамичное визуальное движение – потенциальную энергию, получаемую из дисбаланса, – но, конечно, вся энергия проистекает из дисбаланса. Идеальный баланс порождает энтропию, состояние отсутствия энергии» [Keane 2002, 108].

Асимметрия отрицает идентичность вещей, подчеркивая тем самым неповторимость как каждой из них, так и каждого момента бытия. В этой связи при использовании в дизайне сада похожих компонентов обязательно соблюдается наличие в них некоторых отличий. Расположенные рядом компоненты, будь то камни, растения, деревья, должны иметь количественные или качественные отличия. Это может выражаться в форме, цвете, размере. Если симметрия символизирует постоянство и завершенность, то асимметрия позволяет визуализировать изменчивость мира, его перманентное движение. Набор компонентов сада время от времени меняется: высаживают новые растения взамен старых, преобразовывают композиции и набор камней (ил. 2).

Процессуальность бытия и подвижность его составляющих, передаваемые посредством приема асимметрии, отображают важнейшую идею буддизма о быстротечности жизни и ее иллюзорности, подчеркивая тем самым ценность каждого ее мгновения ввиду его неповторимости и скоротечности. Данная идея воплощается не только архитектурными приемами. Она лежит в основе одного из традиционных эстетических принципов Японии – *моно-но-аваре* –

очарования вещей, вызывающего грусть в силу их недолговечности и ускользающей красоты. Изысканная утонченность и обостренная чувствительность были необходимым условием постижения «очарования вещей» [Зайцев 2021, 6].

Ил. 2. Летний вид из павильона Кобунтэй.

Источник: <https://minkara.carview.co.jp/userid/310664/spot/539136/>

Прием асимметрии используется в выстраивании композиции камней. На примере его рассмотрения прослеживается тесная связь эстетических принципов и архитектурных приемов, использующихся в ландшафтной архитектуре для их реализации.

Камень, являясь одним из главных элементов японского сада, используется с разными целями: для композиций в прудах, выкладывания тропинок, для создания общего фона пространства (ил. 3, 4). В каждом из этих случаев используются разные виды камней. Всего же в садовом искусстве Японии их обозначено 138 [Голосова 2002, 78].

Каменная композиция зачастую является основным элементом сада. Камни, согласно канону, должны образовывать треугольник, в котором присутствуют главный камень (*сюсеки*), первый подчиненный камень (*фукусеки*) и второй подчиненный камень (*киакусеки*). Треугольник символизирует Буддийскую триаду Богов. Сомасштабность, достигаемая выбором данной геометрической фигуры как композиционной схемы, воплощает идею гармонии мира и его порядка, сохраняющегося даже при непохожести вещей, доходящей до противоположностей в их изменчивости.

Ил. 3. «Три божества творения». Источник: <https://4travel.jp/travelogue/11054319>

Ил. 4. Натуральные камни и цилиндры. Источник: [Зайцев 2021, 377]

Кроме того, в японском саду на основании приема асимметрии расположены тропинки и другие композиционные элементы, в числе которых мосты, фонари, растения.

Приемы планирования пространства сада позволяют усилить эффект перспективы, увидеть большое через малое [Демидова 2014]. Одним из приемов является зонирование пространства на основе световых контрастов. Тень имеет большое эстетическое значение в японской культуре. Ее использование позволяет подчеркнуть близость / отдаленность предметов, фактуру материалов и их цвет. При этом совмещение контрастных цветов, а также материалов с различными фактурами используется как самостоятельный прием достижения пространственных эффектов.

Предметно-функциональный и социально-символический коды реализуются, исходя из наличия в пространстве сада конкретных предметов и их соотношения с посетителем сада, находящимся в движении или созерцающим сад из какой-то его конкретной точки. Основными элементами японского ландшафтного сада являются камни, пруды, пагоды, фонари, мосты, холмы, водопады. Каждый из них выполняет свою предметную функцию, имея при этом определенное знаково-символическое значение, отражающее специфику социального бытия и мировоззрения японцев в определенный исторический период (ил. 5). Как отмечает Е. Е. Малинина, «в садах хэйанской поры, разбитых при храмах буддизма Чистой Земли, в центре пруда непременно сооружается остров (*накадзима*), выступающий символом райской обители Амида Будды. Мост, перекинутый на него с берега, прочитывается как метафора досягаемости мира Высшего, как зов, как знак дарования надежды на спасение» [Малинина 2013, 31].

Пагоды напоминают о смерти исторического Будды Шакьямуни. На территории буддийских храмов они построены из дерева и имеют символическое количество этажей. Число ярусов обусловлено буддистской космологией и в зависимости от закладываемого смысла может быть разным. Например, число «три» символизирует три сокровища буддизма: самого Будду, его учение и буддийскую общину (*сангху*). Число «пять» символизирует пять основных заповедей буддизма (*панча-шила*) и пять дополнительных. Число «восемь» символизирует восьмеричный путь достижения нирваны [Голосова 2002, 47–48].

Кроме того, архитектура пагоды основывается на принципе цикличности, отражающем представления о круговом движении, лежащем в основе мира, где круг – символ единого целого [Григорьева 1979, 66].

Ил. 5. Пруд Хисагоикэ.

Источник: <https://kimassi.net/kenrokumei/kenrokukouyou.html>

В формате сада пагоды строят из камня, они имеют исключительно декоративную функцию. Их часто размещают вдоль ручьев и прудов, чтобы отражались в воде, или устанавливают на искусственных холмах, чтобы обеспечить фокус на центр сада [Young, Young 2005, 34]. Холмы используют для создания контраста с плоскостью окружающего пруда или для того, чтобы закрыть вид на часть пруда. Холмы также представляют собой возвышенные места для просмотра остальной части сада или в качестве места для установки павильона [Young, Young 2005, 38].

Фонари, форма которых трансформировалась, приобрели со временем декоративную функцию, но берут они свое начало от жертвенных чаш и чаш для омовения рук – *цукубаэв*. Изначально это было устройство, представляющее собой каменный сосуд с водой и несколькими камнями, использовалось в чайных садах (*родзи*) для ритуала омовения перед чайной церемонией, позднее оно стало выполнять декоративную функцию [Мостовой, Мостовая 2021, 117].

Не только общество, но и природа повлияла на символику японского сада. М. П. Кейан приходит к выводу о том, что «мир природы предоставил художникам множество символов и мотивов – цветущие сливы выражают мимолетность, бегущая вода раскрывает постоянное движение природы» [Keane 2002, 116].

Социальное развитие и переход к новым эпохам в истории Японии детерминировали эволюцию смыслов, существующих в знаково-символическом пространстве японского сада.

Заключение

Японский сад является эволюционирующим объектом ландшафтной архитектуры. Его виды и содержание знаково-символического пространства обусловлены социокультурными и историческими факторами, особенно значимым из которых является мировоззренческий. Прогулочный сад, появившийся как вид сада в эпоху Хейан, стал частью светской культуры.

Симбиоз религиозно-философских учений, лежащих в основе японского мировоззрения, обусловил формирование концепции японского сада как микромоделей Вселенной. В основе ее существования – принцип недualityности, получивший теоретическое обоснование в синтоизме, буддизме и даосизме. Модель мира основывалась на наличии особого вида движения – кругового, и предполагала наличие изменчивости как основного условия сохранения целостности мира. Это видение было спроецировано в садовом искусстве, в котором принцип недualityности определил тип восприятия объекта как единого целого, где явление и сущность совпадают [Григорьева 1979]. При этом конкретные предметы и явления рассматриваются как манифестация Вечного. Эти мировоззренческие основания нашли свое отражение в знаково-символическом пространстве японского сада. Семиотизация пространства японского сада осуществляется с использованием ряда пространственных кодов.

Анализ знаково-символического пространства японского сада позволил продемонстрировать взаимосвязь мировоззренческих оснований, эстетической парадигмы и технических приемов ландшафтной архитектуры, посредством которых возможна реализация концепции сада. Наиболее значимыми архитектурными приемами, нашедшими реализацию в конструировании прогулочных садов, явились:

- прием *намекающей метафоры*, позволяющий передать сакральный смысл природных объектов, исходя из их понимания в синтоизме и буддизме;
- прием *текстурной модуляции*, посредством которого эксплицируется идея изменчивости бытия и быстротечности жизни;
- прием *асимметрии*, передающий идею природной естественности в ее изменчивости и одновременно сохранении гармонии посредством уравновешенности разных частей единого целого;

– приемы планирования, предполагающие использование иллюзорных, легко изменяющихся границ. Для их создания используются традиционные природные материалы (мох, бамбук, вода, камень), а также контраст фактур и света.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Герасимова 2023 – Герасимова М. П. Роль массового сознания в формировании приверженности японцев национальным традициям // Ежегодник Япония. 2023. Т. 52 (1). С. 276–296. DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-276-296
- Главева 2009 – Главаева Д. Г. Японский сад. Искусство единения с природой и с самим собой // Человек и культура Востока: исследования и переводы. 2009. Т. 1, № 1. С. 61–78.
- Голосова 2002 – Голосова Е. В. Японский сад: история и искусство. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2002.
- Голосова 2020 – Голосова Е. В. Японский сад - синтез экологии и мистики // Жизнь Земли. 2020. Т. 42, № 4. С. 443–450. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskiy-sad-sintez-ekologii-i-mistiki>
- Григорьева 1979 – Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1979.
- Григорьева 1985 – Григорьева Т. П. Япония // История эстетической мысли: в 6 т. / Ин-т философии АН СССР, Сектор эстетики. М.: Искусство, 1985. Т. 2: Средневековый Восток. Европа XV–XVIII веков. С. 56–90.
- Гуревич, Изотова 2019 – Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. № 1. С. 73–93. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005
- Демидова 2014 – Демидова Т. А. Принципы формирования традиционных и современных японских садов в ландшафтной архитектуре // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2014. № S4-9. С. 40–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-formirovaniya-traditsionnyh-i-sovremennyh-yaponskih-sadov-v-landshaftnoy-arhitekture>
- Дженкс 1985 – Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; под ред. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985.
- Думнова 2023 – Думнова Э. М. Феномен природосообразности современной архитектуры Японии // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 1, ч. 2. С. 388–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prirodosoobraznosti-sovremennoy-arhitektury-yaponii>

- Зайцев 2021 – Зайцев А. Б. Садов Японии прекрасные черты: иллюстрированная история японских садов в конкретных примерах. СПб., 2021.
- Кассирер 2011 – Кассирер Э. Мифическое, эстетическое и теоретическое пространство / пер. с нем. Л. Ф. Чертова // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 4. С. 85–97.
- Коновалова 2017 – Коновалова Н. А. Современная архитектура Японии: традиции восприятия пространства. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
- Личманюк 2021 – Личманюк Н.Н. Традиционный японский сад как источник развития экологического сознания дизайнера среды // Ботаника, семантика и ландшафт Японских садов. 2021. № 1. С. 64–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-yaponskiy-sad-kak-istochnik-razvitiya-ekologicheskogo-soznaniya-dizaynera-sredy>
- Малинина 2013 – Малинина Е. Е. Искусство, рожденное Безмолвием. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013.
- Мостовой 2012 – Мостовой С. «Сакутэйки» – древнейшее руководство по устройству японских садов // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 172–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakuteyki-drevney-shee-rukovodstvo-po-ustroystvu-yaponskih-sadov/viewer>
- Мостовой, Мостовая 2021 – Мостовой С. А., Мостовая А. С. Японский сад в России как пространство для межкультурного диалога: к 20-летию истории создания сада дружбы Тояма-Владивосток // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 4 (59). С. 110–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskiy-sad-v-rossii-kak-prostranstvo-dlya-mezhkulturnogo-dialoga-k-20-letiyu-istorii-sozdaniya-sada-druzhby-toyama-vladivostok>
- Навлицкая 1975 – Навлицкая Г. Б. Бамбуковый город. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975.
- Николаева 1975 – Николаева Н. С. Японские сады. М.: Изобразительное искусство, 1975.
- Панов 2022 – Панов А. Н. Опыт прочтения японской культуры. Рецензия на монографию Н. Н. Изотовой «Коды японской культуры» под ред. проф. Т. М. Гуревич. // Японские исследования. 2022. № 1. С. 137–141. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141
- Прак 2018 – Прак Н. Л. Язык архитектуры: очерки архитектурной теории / пер. с англ. Е. Ванеян. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Федоров, Коваль 2009 – Федоров В. В., Коваль И. М. Мифосимволизм архитектуры. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

- Чертов 2014 – *Чертов Л. Ф.* Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Эко 1998 – *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998.
- Earle 2018 – *Earle J.* Infinite Spaces. The Art and Wisdom of the Japanese Garden. Tokyo et al., 2018.
- Mehta, Tada 2008 – *Mehta G. K., Tada K.* Japanese gardens : tranquility, simplicity, harmony. New York; Tokyo: Tuttle Publishing, 2008.
- Keane 2002 – *Keane M. P.* The Art of Setting Stones & Other Writings from the Japanese Garden. Berkeley: Stone Bridge Press, 2002.
- Tschumi 2020 – *Tschumi Ch.* Mirei Shigemori – Rebel in the Garden. Modern Japanese Landscape Architecture. Basel, Boston, Berlin: Birkhäuser, 2020.
- Young, Young 2005 – *Young D., Young M.* The art of the Japanese garden. Singapore: Tuttle Publishing, 2005.

REFERENCES

- Cassirer, E. (2011). Mythic, aesthetic and theoretical space. *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 12, 85–97. (In Russian).
- Chertov, L. F. (2014). *Znakovaya prizma. Stat'i po obshchey i prostranstvennoy semiotike* [Iconic prism. Articles on general and spatial semiotics]. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Demidova, T. A. (2014). Principles of formation of traditional and modern Japanese gardens in landscape architecture. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten'*, 54-9, 40–47. (In Russian).
- Dumnova, E. M. (2023). The phenomenon of natural conformity of modern architecture in Japan. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 15(1:2), pp. 40–47. (In Russian).
- Eco, U. (1998). *The missing structure. Introduction to Semiotics*. Petropolis. (In Russian).
- Earle, J. (2018). *Infinite Spaces The Art and Wisdom of the Japanese Garden*. Tokyo Rutland, Vermont Singapore, 2018.
- Fedorov, V. V., & Koval, I. M. (2009). *Mifosimvolizm arkhitektury* [Mythosymbolism of architecture]. Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- Gerasimova, M. P. (2023). The Role of Mass Consciousness in the Formation of the Japanese Adherence to National Traditions. *Ezhegodnik Yaponiya – Yearbook Japan*, 52(1), 276–296. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2023-52-276-296>. (In Russian).

- Glaveva, D. G. (2009). *Yaponskiy sad. Iskustvo edineniya s prirodoy i s samim soboy* [Japanese garden. The art of unity with nature and with oneself]. *Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody*, 1(1), 61–78.
- Golosova, E. V. (2002). *Yaponskiy sad: istoriya i iskustvo* [The Japanese garden: history and art]. MGUL.
- Golosova, E. V. (2020). Japanese garden as ecology and mysticism synthesis. *Zhizn' Zemli – Life of the Earth*, 42(4), 443–550. (In Russian).
- Grigor'eva, T. P. (1985). *Yaponiya / Istoriya esteticheskoy mysli* [Japan / History of aesthetic thought] (vol. 2, pp. 56–90). Iskustvo.
- Grigorieva T.P. (1979). *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya* [The Japanese artistic tradition]. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va “Nauka”.
- Gurevich, T. M., & Izotova, N. N. (2019). Entomological code of Japanese culture. *Yaponskie issledovaniya – Japanese Studies in Russia*, 1, 73–93. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10005>
- Jenks, Ch. (1985). *The language of post-modern architecture*. Stroyizdat. (In Russian).
- Keane, M. P. (2002). *The Art of Setting Stones & Other Writings from the Japanese Garden*. Stone Bridge Press.
- Konovalova, N. A. (2017). *Sovremennaya arkhitektura Yaponii: traditsii vospriyatiya prostranstva* [Modern Japanese architecture: traditions of perception of space]. Nestor–Istoriya.
- Lichmanyuk, N.N. (2021). Traditional Japanese garden as a source of development of ecological consciousness of the environment designer. *Botanika, semantika i landshaft Yaponskikh sadov – Botany, Semantics and Landscape of Japanese Gardens*, 1, 64–72. (In Russian).
- Malinina, E. E. (2013). *Iskustvo, rozhdennoe Bezmolviem* [Art born by Silence]. Novosibirsk State University.
- Mehta, G. K., & Tada, K. (2008). *Japanese gardens : tranquility, simplicity, harmony*. Tuttle Publishing.
- Mostovoy, S. A. (2012). Sakuteiki – ancient guidance to arrangement of Japanesegardens. *Rossiya i ATR – Russia and the Asia-Pacific Region*, 2, 172–182. (In Russian).
- Mostovoy, S. A., & Mostovaya, A. S. (2021). Japanese garden in Russia as a space for intercultural dialogue: A case study about 20 years history of the Toyama–Vladivostok friendship garden. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional studies*, 4(59), 110–121. (In Russian).
- Navlitskaya, G. B. (1975). *Bambukovyy gorod* [Bamboo city]. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”.

- Nikolaeva, N. S. (1975). *Yaponskie sady* [Japanese gardens]. Izobrazitel'noe iskusstvo.
- Panov, A. N. (2022). Experience of interpreting Japanese culture Review of the monograph by N.N. Izotova "Codes of Japanese Culture" ed. by Prof. Gurevich T.M. *Yaponskie issledovaniya – Japanese Studies in Russia*, 1, 137–141. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2022-1-137-141>.
- Prak, N. L. (2018). *The language of architecture: A contribution to architectural theory*. Izdatel'skiy dom "Delo". (In Russian).
- Tschumi, Ch. (2020). *Mirei Shigemori – Rebel in the Garden. Modern Japanese Landscape Architecture*. Birkhäuser.
- Young, D., & Young, M. (2005). *The art of the Japanese garden*. Tuttle Publishing.
- Zaitsev, A. B. (2021). *Sadov Yaponii prekrasnye cherty. Illyustrirovannaya istoriya yaponskikh sadov v konkretnykh primerakh*. [The beautiful features of the gardens of Japan. Illustrated history of Japanese gardens in concrete examples]. St. Petersburg.

Материал поступил в редакцию 02.07.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.02.2024

ПОСТИЖЕНИЕ ГОРОДА: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К ВОООБРАЖЕНИЮ

Е. И. Спешилова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
e.speshilova@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда
проект № 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

В статье аналитически рассматриваются различные аспекты постижения города как феномена культуры, который имеет как материальную, видимую сторону, так и воображаемую, мыслимую. Автор акцентирует внимание на соотношении восприятия, представления и воображения в процессе познания города и утверждает, что именно воображение играет в этом процессе конститутивную роль. Подчёркивается, что в городских исследованиях превалирует подход к городу, ориентированный прежде всего на учёт его визуальных параметров. Однако существенное значение в процессе восприятия городских пространств имеют и аудиальные, ольфакторные, тактильные и иные характеристики, которые тоже влияют на формирование образа города и делают этот образ более объёмным и многомерным. Опираясь на работу «Imagination and perception» П.-Ф. Стросона, автор доказывает, что воображение является необходимым компонентом восприятия города. Кроме того, знание о городе и понимание города рассматриваются в статье как разные когнитивные уровни, при этом представление связывается с понятием города, а воображение – с пониманием идеи города, схватыванием его смысла. Возрастание роли воображения в процессе познания социокультурной действительности определяется изменением интерпретации самого этого процесса в постнеклассической науке и философии культуры. В постнеклассическом подходе процесс познания понимается не просто как зеркальное отражение реальности, но как конструирование в сознании образа реальности, обусловленного конкретными языковыми, символическими и культурными практиками. Осмысление воображения в его трансцендентальном измерении (продуктивная способность воображения в терминологии Канта) дополняется в статье анализом социокультурного измерения. Именно это измерение, с точки зрения автора, первостепенно значимо для постижения города как символического пространства смыслов, определяющих неповторимость конкретного топоса и его ценность для человека.

Ключевые слова: городские исследования, теория познания города, мультисенсорное восприятие, городское воображаемое, представление, продуктивная способность воображения

COMPREHENDING THE CITY: FROM PERCEPTION TO IMAGINATION

Elizaveta Speshilova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
e.speshilova@yandex.ru

The study was funded by Russian Science Foundation
project No. 23-28-01232, <https://rscf.ru/project/23-28-01232/>

The article analyses various aspects of comprehending the city as a cultural phenomenon, which has both a material, visible side and an imaginary, conceivable side. The author identifies the correlation of perception, representation, and imagination in the process of understanding the city and argues that imagination plays a constitutive role in this process. It is emphasised that in urban studies the prevailing approach to the city is focused primarily on the consideration of its visual parameters. However, auditory, olfactory, tactile, and other characteristics are significant in the process of perceiving urban spaces, since they also influence the formation of the city's image and make this image more saturated and multidimensional. Based on the work "Imagination and perception" by P. F. Strawson, the author proves that imagination is a necessary component of the city perception. In addition, knowledge about the city and comprehending the city are considered in the article as different cognitive levels. Representation is associated with the concept of the city, and imagination is associated with comprehending the idea of the city, grasping its meaning. The increasing role of imagination in the process of cognition of sociocultural reality is determined by the change in the interpretation of this process itself in postnonclassical science and philosophy of culture. In the postnonclassical approach, the process of cognition is understood not simply as a mirror reflection of reality, but as the construction of an image of reality in consciousness, conditioned by specific linguistic, symbolic, and cultural practices. The understanding of imagination in its transcendental dimension (the productive imagination in Kant's terminology) is complemented in the article by an analysis of its sociocultural dimension. From the author's point of view, this dimension is primarily important for understanding the city as a symbolic space of meanings that determine the uniqueness of a particular topos and its value for a person.

Keywords: urban studies, urban epistemology, multisensory perception, urban imaginary, cognitive representation, productive imagination

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-103-119

Введение

Варианты и методы научно-исследовательского постижения города как культурного феномена бесконечно разнообразны, однако теоретические вопросы его познания в современных urban studies, как правило, остаются неким имплицитным фоном, который находится за рамками пристального внимания исследователей. В частности, в дискурсивном поле, связанном с городским воображаемым (urban imaginary), которое стало особенно распространённым в последние десятилетия [Линднер 2019, 105], эти вопросы отдельно не обсуждаются. Тем не менее, для концептуализации городского воображаемого в качестве одного из эпистемических инструментов изучения городской среды необходимо, прежде всего, понять, каким образом человек познаёт город и какую роль в процессе постижения города играет воображение. В связи с этим в данном исследовании предлагается проанализировать соотношение восприятия, представления и воображения – познавательных способностей, которые мы используем при осмыслении любых феноменов, – в процессе познания города. Поскольку город – один из важнейших элементов человеческой реальности, который мы и воспринимаем, и представляем, и воображаем, принципиально важной задачей является дистинкция понятий «восприятие», «представление» и «воображение», которые зачастую используются весьма неоднозначно не только в дискурсе о городе, но и в философских рассуждениях вообще.

Восприятие города: от визуальной рецепции к мультисенсорному опыту

Наиболее ясным и отчётливым из указанных понятий, на наш взгляд, является термин «восприятие», который обозначает непосредственное чувственное познание объектов, совершаемое в прямом контакте с реальным миром. В процессе восприятия в сознании возникает целостный образ объекта, непосредственно воздействующего на органы чувств [Кузнецов 2007, 89]. Благодаря восприятию наши отдельные зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые ощущения (или некоторые из них) синтезируются и распознаются как образ какого-то конкретного объекта или ансамбля объектов. Так, выходя на городскую улицу, мы окунаемся в интенсивный поток чувственных данных, который может быть наполнен яркими визуальными пятнами рекламы, шумом ав-

томобилей и запахом выхлопных газов на центральной магистрали мегаполиса, или, наоборот, приятной зеленью, пением птиц и густыми ароматами возле кофейни на тихой улочке провинциального города. Город в этом контексте предстаёт как объективная реальность, как материальная среда искусственно созданных и пространственно организованных объектов [Пирогов 2011, 32], которая может быть чувственно дана познающему её субъекту. Ключевой характеристикой восприятия является данность предмета человеку «здесь и сейчас», то есть нахождение предмета в сфере непосредственного чувственного контакта.

Нередко в городских исследованиях акцент делается именно на визуальном восприятии городского пространства [Jordan, Lindner 2016], а сам город рассматривается прежде всего как застроенная среда, которая своим видом воздействует на жителей, влияет на их мысли, чувства и действия [Эллард 2016, 11], психическое и ментальное здоровье [Капцевич 2001, 591]. Яркий всплеск научно-исследовательского интереса к анализу зрительного восприятия городской среды произошёл после выхода в свет в 1960 году книги «Образ города» Кевина Линча [Lynch 1960], в которой основное внимание уделяется изучению визуальных характеристик американских городов. Линч показывает, что форма, цвет и композиционное соотношение объектов городской инфраструктуры оказывают существенное влияние на то, какой образ города формируется у горожан. В рамках визуально-ориентированного урбанистического дискурса подчёркивается эстетическая ценность городской архитектуры, развиваются такие направления, как визуальная семиотика города [Аванесов 2016], в которой городская среда интерпретируется в качестве оптически представленного текста, фиксирующего различные смысловые ориентиры, и визуальная экология [Колесникова, Савчук 2015], в которой определяются способы воздействия визуальной среды города на человека, а также выявляются причины и формы её деградации.

Несмотря на преобладание визуального аспекта в городских исследованиях, необходимо отметить развитие академического сектора, связанного с *urban sound studies* [Майорова 2020, 317], в котором основное внимание фокусируется на аудиальном восприятии города. В рамках данного исследовательского направления речь идёт о звуковом ландшафте (англ. *soundscape*) города, то есть о городской акустической среде, которая состоит из множества звуковых элементов и воспринимается субъектом в контексте его культурного, социального и индивидуального опыта. Рэймонд Мюррей Шафер,

один из наиболее известных исследователей звука, ещё в конце 70-х годов подчёркивал, что городская среда, как и мир в целом, страдает от перенаселения звуками и различных видов шумового загрязнения [Schafer 1994, 3, 71], имеющих прежде всего техногенное происхождение. Звуковой ландшафт влияет на психо-эмоциональное состояние городского жителя и его здоровье не в меньшей степени, нежели визуальное окружение, поскольку в зависимости от источника происхождения, типа и степени интенсивности звукового воздействия он может быть благозвучным и комфортным или, напротив, дисгармоничным и неприятным. Так, звуки, связанные со строительными работами, шум поездов, проходящих по расположенным в городе железнодорожным путям, громкая музыка с акцентированными басами, звучащая из окон проезжающих машин, формируют неблагоприятный звуковой ландшафт, тогда как журчание воды у фонтана, шелест листьев в парке или шум дождя создают притягательную акустическую среду.

Ориентированные на восприятие или визуализацию звука проекты активно развиваются в скульптуре¹ и архитектуре², которую Ф. Шеллинг в «Философии искусства» назвал застывшей музыкой, музыкой в пространстве [Шеллинг 2020, 266], поскольку она следует арифметическим отношениям и воплощает их в геометрической форме. Аудиальные практики восприятия городской среды появляются в музейных пространствах и экскурсионных турах. Так, в новгородском «Центре музыкальных древностей имени В. Н. Поветкина»³ представлена экскурсия «Звучащий мир древнего Новгорода», на которой можно услышать не только звучание реконструированных музыкальных инструментов X–XV веков, но и бытовые звуки города, которые окружали жителей средневекового Новгорода, – стук колотушки ночного сторожа, охраняющего сон горожан, шум подвесов, свистулек, детских погремушек и многих других предметов, звучание которых связывалось с охранительными функциями. Кроме того, интересной аудиальной практикой является иммерсивный проект «Слушай Новгород»⁴ – спектакль-променад по Великому Новгороду, в необычном формате раскрыва-

¹ Удивительные примеры звуковых скульптур представлены на сайте швейцарского художника и музыканта Zimoun: <https://zimoun.net/>

² Например, проект концертного зала в центре Екатеринбурга архитектурного бюро Захи Хадид визуализирует звуковую волну: <https://www.zaha-hadid.com/architecture/sverdlovsk-philharmonic-concert-hall/>

³ <http://centrpovetkina.ru/>

⁴ <https://slushay-novgorod.ru/>

ющий историю города и непосредственно реализующий призыв Шафера развивать акустическую культуру в восприятии окружающего мира.

Таким образом, говоря о восприятии города, необходимо подчеркнуть, что оно является не только визуальным, но и аудиальным, а если говорить более точно – мультисенсорным, поскольку в ходе восприятия городской среды задействуются самые разные чувства. Даже архитектура, как пишет Юхани Палласмаа, «не воспринимается нами как набор отдельных зрительных образов; мы ощущаем её через прикосновение, зрение, слух во всей полноте её материальной, телесной и духовной сущности» [Палласмаа 2013, 155]. Городские виды, звуки, запахи и вкусы воздействуют на формирование образа конкретного города; и чем большее количество визуальных, аудиальных, ольфакторных, тактильных и вкусовых характеристик мы учитываем, тем более объёмным и многомерным будет наш образ города.

Конститутивная роль воображения в акте постижения города

В отличие от восприятия, которое осуществляется при прямом контакте человека с реальным объектом, представление и воображение связаны с формированием ментального образа (англ. *mental imagery*) объекта, который отсутствует в непосредственном чувственном доступе. Согласно наиболее распространённой точке зрения, представление – это, прежде всего, отражение ранее воспринятого явления или процесса в сознании, которое основывается на синтезе полученных в прошлом чувственных ощущений. В узком смысле, особенно характерном для психологического подхода, представление – это образ предмета, который на основе ранее полученных сенсорных данных воспроизводится в сознании при отсутствии самого предмета [Рубинштейн 2002, 326]. В широком смысле представлением называют всё содержание сознания⁵. С точки зрения Мартина Хайдеггера, именно в представлении происходит опредмечивание сущего: в рамках новоевропейского мировоззрения представить означает «поместить перед собой наличное как нечто противостоящее, соотносить с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определяющую область» [Хайдеггер 1993, 50]. Как отмечает Юлия Кристева,

⁵ Так, И. Кант пишет, что «явления суть лишь представления о вещах, относительно которых остаётся неизвестным, какими они могут быть сами по себе» [Кант 2006, 149–150].

«ментальное представление может иметь иконическую (образ) или вербальную (слово) структуру» [Кристева 2004, 90]. Представление предполагает переход от множественности чувственных данных к единству понятия предмета, то есть к определению, к именованию предмета, и потому имеет в том числе лингвистический характер.

Многие исследователи предлагают различать представления памяти и представления воображения. Так, мы можем представить (установить) перед своим мысленным взором в виде чувственно-наглядного образа и объект, который мы когда-то воспринимали (допустим, Зимний дворец в Санкт-Петербурге), и объект, который мы никогда не встречали в своём опыте (допустим, Дворец Дожей в Венеции). В первом случае перед нами представление памяти, во втором – представление воображения, которое понимается как ментальная способность создавать образы, ранее не воспринимавшиеся человеком в действительности или вовсе не имеющие непосредственных аналогов в реальности. Однако интерпретация воображения исключительно в качестве частного случая представления не учитывает многих других аспектов и функций этой когнитивной способности, в частности, того факта, что воображение пронизывает и процесс представления в целом, и, более того, процесс восприятия какого-то объекта. Для того чтобы проанализировать воображение в его фундаментальной специфике, рассмотрим его с философской точки зрения.

Детальный анализ соотношения воображения и восприятия представлен в работе «Imagination and perception» П.-Ф. Стросона, представителя аналитической философии, который опирается в своих рассуждениях на исследования Д. Юма, И. Канта и Л. Витгенштейна и показывает, что воображение является необходимым компонентом самого восприятия [Strawson 2008, 60]. Стросон аргументирует тезис о том, что воображение задействовано 1) в восприятии конкретного объекта как идентичного тому же конкретному объекту какое-то время назад и 2) в восприятии конкретного объекта как *X* (как принадлежащего тому же типу, что и некоторые другие конкретные объекты) [Nanay 2010, 240]. Иначе говоря, воображение является инструментом, который используется в перцептивной оценке как индивидуальной идентичности (идентичности объекта), так и видовой идентичности (идентичности понятия) [Strawson 2008, 52].

Первый вариант работы воображения в восприятии конкретного объекта можно проиллюстрировать следующим образом: когда мы идентифицируем городскую набережную, которую видели

5 лет назад, и набережную, которую видим сейчас, как ту же самую, даже несмотря на то, что она могла существенно измениться за это время (например, оказаться замурованной в гранит, как набережная реки Ушайки в Томске), мы используем воображение, поскольку вовлекаем в текущий процесс неактуальные восприятия, то есть образы набережной, полученные ранее. Следует подчеркнуть, что П.-Ф. Стросон в своей работе воспроизводит определение воображения, предложенное И. Кантом в «Критике чистого разума», – «воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [Кант 2006, 141], включая в него и то, что в психологии, как правило, именуется представлениями памяти. В терминологии Канта речь в данном случае идёт о *репродуктивной* способности воображения, «синтез которой подчинён только эмпирическим законам, а именно законам ассоциации» [Кант 2006, 142], то есть имеется в виду репродукция, воспроизведение, воспоминание имевшегося ранее образа. Немецкий философ относит эту способность к компетенции психологии, а сам сосредотачивается на *продуктивной* способности воображения, значимой в контексте трансцендентальной философии⁶.

К вопросу соотношения воображения и памяти также необходимо добавить, что с 1960-х – 1970-х годов доминирующим стало понимание индивидуальных представлений памяти как результатов деятельности воображения. В такой концепции воспоминания рассматриваются в качестве феноменов, избирательно конструируемых сознанием [Conway, Howe 2022; Баталова 2019], а не просто в качестве слепков прошлого опыта. Кроме того, в свете этой концепции становится понятно, что и коллективная память – национальная, историческая, культурная и иная – тоже конструируется.

Второй вариант задействования воображения в процессе восприятия объекта, который отметил П.-Ф. Стросон, Иммануил Кант называл *продуктивной* способностью воображения (нем. *einbildungskraft*), подразумевая под этим синтез многообразия чувственных созерцаний в осмысленный ментальный образ объекта, который можно подвести под определённое рассудочное понятие⁷ [Кант 2006, 141–142]. Так понимаемое воображение относится

⁶ По мнению Хайдеггера, величие систематической философии Канта покоится на том, что она развёртывается «из коренящейся в способности воображения трансцендентальной сущности конечного разума» [Хайдеггер 1993, 55].

⁷ В работе «Антропология с прагматической точки зрения» Кант подчёркивает, что «оригинальность (не подражательная деятельность) воображения, если она согласуется с понятиями, называется *гениальностью*» [Кант 1999, 207].

одновременно и к сфере чувственного, эмпирического, поскольку имеет дело с конкретными данными, и к сфере трансцендентального, поскольку может «a priori определять чувство по его форме сообразно с единством апперцепции» [Кант 2006, 141; ср.: Strawson 2008, 60]. Кант именует «синтез созерцаний *сообразно категориям* <...> трансцендентальным синтезом *способности воображения*» [Кант 2006, 141]. Иначе говоря, воображение является посредником между чувственностью и рассудком и даже, более того, их общим корнем, благодаря которому мы можем объединять разрозненные данные опыта в единое понятие [Смирнова 2013, 18]. Воображение конструирует и конституирует опыт, систематизируя и связывая полученные *sense data* с имеющимися у нас категориями рассудка посредством трансцендентальной схемы [Кант 2006, 158], которая, по сути, представляет собой правило отнесения какого-либо конкретного созерцания к некоторому общему понятию.

Видение и распознавание объекта всегда происходит в рамках тех интерпретационных схем, которыми субъект располагает, то есть благодаря воображению. Как пишет Людвиг Витгенштейн в «Философских исследованиях», рассматривая пример с изображением утки/кролика, мы можем нечто увидеть то как одно, то как другое, то в одном, то в другом аспекте, поскольку мы «*видим так, как истолковываем*» [Витгенштейн 2018, 281]. Наш зрительный опыт тесно связан с ментальными процедурами, как правило, априори определяющими характер конкретного восприятия.

Однако ещё до того, как способность воображения оказывается задействована в акте узнавания объекта восприятия как того же самого и в процессе подведения его под общее понятие, сам объект должен появиться в нашем распоряжении. Простое чувственное восприятие ещё не даёт нам такого распоряжения, поскольку в таком восприятии объект может быть дан нам только фрагментарно. Так, трёхмерные городские (и не только) объекты мы исходно видим в двухмерной проекции: мы можем наблюдать стены, окна, двери и некие элементы декора фасада здания, то есть отдельные разрозненные фрагменты, которые мы затем синтезируем и дефрагментируем, формируя единый трёхмерный образ здания. При этом, когда мы даже видим объект целиком, мы также воображаем те его части, которые не видны в том ракурсе, в котором мы его наблюдаем в данный момент; этот процесс называется амодальным восприятием [Nanay 2010, 239]. Наш ментальный образ здания включает как то, что мы непосредственно наблюдаем, так и то, что мы воображаем, достраивая визуально данное невидимыми,

скрытыми от нас элементами. Таким образом, воображение присутствует не только на этапе воспоминания и понятийной квалификации объекта, но и на этапе его первоначального созерцания.

Исходный «зримый образ здания», согласно Р. Арнхейму, «достраивается до состояния некоторого целого по мере того, как взгляд ощупывает его по частям», в каждый конкретный момент воспринимающий субъект «видит неполную и потому бессмысленную вещь» [Арнхейм 1984, 96]. Облик видимого должен быть «сознательно оформлен, чтобы быть постигаемым» [Арнхейм 1984, 143]. Отдельное сооружение не может быть чувственно воспринято во всей своей целостности; равным образом и город не может быть чувственно воспринят во всей своей целостности. Город воображается, конструируется путём синтезирования частных видов в целостный ментальный образ. В рукописных материалах к «Критике чистого разума» И. Кант описывает процесс конструирования образа города следующим образом:

«Когда я вижу город, душа формирует в себе образ предмета, который она имеет перед собой, пробегая многообразное. <...> Душа должна провести множество наблюдений, чтобы изобразить предмет, изображая его с каждой стороны по-другому. К примеру, утром город выглядит иначе, нежели вечером. Таким образом, существует множество явлений одной вещи сообразно различным сторонам и точкам зрения. Из всех этих явлений, собирая их вместе, душа должна создавать себе изображение» [Кант 2000, 145].

По сути, в этих словах выражено то, что впоследствии стало относиться к одному из аспектов дискурса *urban imaginary* [Федотова 2020], так как городское воображаемое имеет отношение не только к конструированию вида города, в котором человек никогда не бывал, но и к формированию образа города, с которым человек постоянно контактирует в повседневной жизни. Именно воображение позволяет произвести дефрагментацию не только своих частных восприятий, но и отдельных городских нарративов, чтобы сформировать целостный образ города.

Осмысление воображения в его трансцендентальном измерении следует дополнить социокультурным измерением, которое играет принципиально значимую роль для постижения города. Просто «мыслить себе предмет и познавать предмет не есть одно и то же» [Кант 2006, 137], так как познание предполагает не столько *знание понятия* предмета, сколько *понимание идеи* предмета, которая определяется историческим, социальным и культурным контекстом. Аналогичным образом знание о городе и понимание города – раз-

ные когнитивные уровни осмысления городской среды. Город как феномен культуры является не просто конфигурацией материальных артефактов, но и символическим пространством смыслов, определяющих неповторимость конкретного топоса. Благодаря символическому дискурсу городские пространства превращаются в «места, наделённые человеческими значениями» [Митин 2011, 71], поэтому для понимания города нам приходится привлекать не просто информацию о его происхождении, экономической и демографической ситуации, но и мифологические, художественные, кино- и медиа-нарративы, в которых данные значения создаются и закрепляются. Поскольку город – социокультурная система, которая за счёт своей сложности и неоднородности не может быть дана человеку непосредственно, постольку особенно значимым является концептуальное осмысление городской среды, в том числе семиотическая диагностика [Мелик-Гайкарян 2023, 322] смыслов, которые связаны с тем или иным городским пространством.

Проводя дистинкцию между представлением и воображением, русский философ Яков Эммануилович Голосовкер предлагает связывать представление с понятием предмета, а воображение – с пониманием предмета. «Представление о предмете не есть схватывание его смысла, а есть только смутное копирование предмета, подобное отражению⁸» [Голосовкер 2012, 190]; смысл предмета не отражается и не представляется, он конструируется, во-ображается, то есть наполняет конкретный образ определённым содержанием. Можно сказать, что представление имеет отношение к уровню денотации, тогда как воображение – к коннотациям, которые с данным понятием связаны. В таком случае если воображение – это наделение смыслом некоего представления, то воображаемое – это пространство осмысленных представлений. Например, можно представить кентавра – существо с головой и торсом человека, но с телом коня, однако при этом не осознавать смысл этого создания, семантику этого персонажа, воплощающего собой амбивалентные идеи природной дикости и мудрости, двуличия и нравственного совершенства и не только [Аванесов 2023, 208]. Можно представить Санкт-Петербург – второй по численности населения город России, основанный в 1703 году Петром I, но при этом не понимать его образ, который во всей своей насыщенности, многозначности и сим-

⁸ Ср. с высказыванием Канта: «Способность отображения есть способность обозначения. Обозначение есть отображение иного. Отображение – средство произведения образа другой вещи. Так, слова – отображения вещей для конципирования представлений вещей» [Кант 2000, 146].

воличности определяется русской художественной литературой, наделившей «голосом» почти каждую петербургскую улицу.

Заключение

Воображение как творческая и познавательная способность человека имеет существенное значение в процессе познания, которое в постнеклассической науке понимается не просто как отражение реальности, но как конструирование образа реальности в контексте определённых социокультурных детерминант. В силу отказа от рационализма в постнеклассической философии культуры воображение начинает трактоваться не столько в качестве «антитезы разума», сколько в качестве одного из «основных способов познания социокультурной действительности» [Борисова 2015, 66], к которой относится и город. Реальность, в том числе городская, не отражается, а воображается в нашем сознании: «активность творческого воображения человека – это восстание против зеркальных картин мира» [Князева 2013, 31], механизм конструирования действительности в наших языковых, символических и культурных практиках.

Таким образом, мы видим, что воображение пронизывает и процесс восприятия города, и процесс формирования представлений о нём. Оно играет конститутивную роль в процессе осмысления городской среды, так как позволяет синтезировать разрозненные, фрагментарные результаты актов восприятия и представления в процессе формирования целостного образа города. Помимо этого, воображение как таковое дополняет результаты восприятия и представления образно-символическим осмыслением города, которое, по сути, и является ключевым в процессе постижения городских пространств, поскольку определяет уникальность и аксиологическую значимость конкретного места для человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2016 – Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспективы исследования городских текстов // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов 2023 – Аванесов С. С. Ребро кентавра: образ китовраса в визуальной структуре городского пространства // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 2. С. 208–264.
- Арнхейм 1984 – Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1984.

- Баталова 2019 – Баталова Я. В. Роль воображения в акте воспоминания в западной философии XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 95–103.
- Борисова 2015 – Борисова Ю. В. Проблема воображения в истории западноевропейской философии культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 66–72.
- Витгенштейн 2018 – Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Изд-во АСТ, 2018.
- Голосовкер 2012 – Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический проспект, 2012.
- Кант 1999 – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. СПб.: Наука, 1999.
- Кант 2000 – Кант И. Из рукописного наследия. Материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum* / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Кант 2006 – Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2006.
- Капцевич 2021 – Капцевич О. А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 575–597.
- Князева 2013 – Князева Е. Н. Глаз ума: понятия ментальных образов и воображения от Беркли до современной когнитивной науки // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2013. С. 30–51.
- Колесникова, Савчук 2015 – Колесникова Д. А., Савчук В. В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 41–50.
- Кристева 2004 – Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004.
- Кузнецов 2007 – Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Линднер 2019 – Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.
- Майорова 2020 – Майорова К. С. Академические исследования звука и аудиальный ренессанс в урбанистике // Визуальная антро-

- пология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда / Под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. С. 316–324.
- Мелик-Гайказян 2023 – Мелик-Гайказян И. В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323.
- Митин 2011 – Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Литературно-философский журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
- Палласмаа 2013 – Палласмаа Ю. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Классика XXI, 2013.
- Пирогов 2011 – Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 31–37.
- Рубинштейн 2002 – Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Смирнова 2013 – Смирнова Н. М. Воображение в структуре когнитивных практик // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии / под ред. Е. Н. Князевой. М.: ИФ РАН, 2013. С. 9–29.
- Федотова 2020 – Федотова Н. Г. Urban imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
- Шеллинг 2020 – Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / пер. с нем. П. С. Попова. М.: РИПОЛ классик, 2020.
- Эллард 2016 – Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016.
- Conway, Howe 2022 – Conway M. A., Howe M. L. Memory Construction: A Brief and Selective History // Memory. 2022. Vol. 30 (1). P. 2–4.
- Jordan, Lindner 2016 – Cities Interrupted. Visual Culture and Urban Space / ed. by Sh. Jordan, Ch. Lindner. Bloomsbury, 2016.
- Lynch 1960 – Lynch K. The Image of the City. Cambridge & London: Cambridge Technology Press, 1960.
- Nanay 2010 – Nanay B. Perception and Imagination: Amodal Perception as Mental Imagery // Philosophical Studies. 2010. Vol. 150 (2). P. 239–254.
- Schafer 1994 – Schafer R. M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Rochester: Destiny Books, 1994.

Strawson 2008 – Strawson P. F. *Imagination and Perception* // Strawson P. F. *Freedom and Resentment, and Other Essays*. Routledge, 2008. P. 50–72.

REFERENCES

- Arnheim, R. (1984). *The Dynamics of Architectural Form* (V. L. Glazychev, Trans.). Stroyizdat. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2016). Visual Semiotics of Cities: Perspective of Urban Texts Studies. *ИПАЭХМА (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(10), 9–22. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2023). Centaur's Rib: The Theme of Kitovras in the Visual Structure of Russian Urban Space. *Journal of Visual Theology*, 5(2), 208–264. (In Russian).
- Batalova, Ya. V. (2019). The Role of Imagination in the Act of Remembering in 20th-century Western Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 6, 95–103. (In Russian).
- Borisova, Yu. V. (2015). Problem of Imagination in the History of the West-European Philosophy of Culture. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 3, 66–72. (In Russian).
- Conway, M. A., & Howe, M. L. (2022). Memory Construction: A Brief and Selective History. *Memory*, 30(1), 2–4.
- Ellard, C. (2016). *Places of the Heart. The Psychogeography of Everyday Life*. Alpina Publisher. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2020). Visual Markers of the Urban Imaginary. *ИПАЭХМА (Praxema). Journal of Visual Semiotic*, 1(23), 121–139. (In Russian).
- Golosovker, Ya. E. (2012). *Imaginativnyi absolyut [The Imaginative Absolute]*. Akademicheskii prospekt. (In Russian).
- Heidegger, M. (1993). *Die Zeit des Weltbildes*. (pp. 41–62). Respublika. (In Russian).
- Jordan, Sh., & Lindner, Ch. (Eds.). (2016). *Cities Interrupted. Visual Culture and Urban Space*. Bloomsbury.
- Kant, I. (1999). *Anthropologie in Pragmatischer Hinsicht*. Nauka. (In Russian).
- Kant, I. (2000). *From the Manuscript Heritage. Contributions to "The Critique of Pure Reason", Opus postumum*. Progress-Traditsiya. (In Russian).
- Kant, I. (2006). *Kritik der reinen Vernunft*. Eksmo. (In Russian).
- Kaptsevich, O. (2021). Psychological Effects of Urban Environment Visual Perception: A Systematic Review. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 575–579. (In Russian).

- Knyazeva H. N. (2013). Mind's Eye: Concepts of Mental Imagery and of Imagination from George Berkley to the Modern Cognitive Science. In *The Problem of Imagination in Evolutionary Epistemology* (pp. 30–51). Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kolesnikova, D. A., & Savchuk, V. V. (2015). Visual Ecology as a Discipline. *Voprosy Filosofii*, 10, 41–50. (In Russian).
- Kristeva, J. (2004). *Selected Works: The Destruction of Poetics* (G. K. Kosokov, Trans.). ROSSPEN. (In Russian).
- Kuznetsov, V. G. (Ed.). (2007). *Slovar' filosofskikh terminov [Dictionary of Philosophical Terms]*. INFRA-M. (In Russian).
- Lindner, R. (2019). Textur, imaginaire, Habitus – Schlüsselbegriffe der kulturalanalytischen Stadtforschung (K. Levinson, Trans.). In *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. (pp. 101–116). NLO. (In Russian).
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge Technology Press.
- Mayorova, K. S. (2020). Sound Studies and the Sonic Renaissance in Urbanism. In *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. (pp. 316–324). Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2023). A “Post-Normal” State of Science: Confrontation between Impressions and Measurements. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 319–323. (In Russian)
- Mitin, I. (2011). Toward an Imaginative Geography: Two Turns, Three Spaces. *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal*, 1, 62–73. (In Russian).
- Nanay, B. (2010). Perception and Imagination: Amodal Perception as Mental Imagery. *Philosophical Studies*, 150(2), 239–254.
- Pallasmaa, J. (2013). *The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture* (M. Himanen, Trans). Klassika XXI. (In Russian).
- Pirogov, S. V. (2011). City as the Phenomenon of Culture: Cognitive Approach. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2, 31–37. (In Russian).
- Rubinstein, S. L. (2002). *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]*. Piter. (In Russian).
- Schafer, R. M. (1994). *The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World*. Destiny Books.
- Schelling, F. W. J. (2020). *Philosophie der Kunst* (P. S. Popov, Trans.). RIPOL klassik. (In Russian).
- Smirnova, N. M. (2013). Imagination in the Structure of Cognitive Practices. In *The Problem of Imagination in Evolutionary Epistemology*

- (pp. 9–29). Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Strawson, P. F. (2008). Imagination and Perception. In *Freedom and Resentment, and Other Essays* (pp. 50–72). Routledge.
- Wittgenstein, L. (2018). *Philosophical Investigations* (L. Dobrosel'sky, Trans.). AST. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 13.03.2024

ОТКРЫТАЯ ЛЕКЦИЯ / OPEN LECTURE

КОНСТРУИРОВАНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОПТИМУМА В СТУДЕНЧЕСКОМ КОНСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ОТКРЫТОЙ ЛЕКЦИИ «ЭТИКА» В КУРСЕ «ФИЛОСОФИЯ»)

М. С. Горбулёва

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
praxema@tspu.edu.ru

И. В. Мелик-Гайказян

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
melikiv@tspu.edu.ru

Н. А. Первушина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
pervushina.na@tspu.edu.ru

Обнаружение «семиотического оптимума» сопряжено с решением задач семиотической диагностики: нахождением незримых причин актуальной наглядности. Эти две тактики семиотических исследований – обнаружение оптимума и диагностика визуальных эффектов действительности – объединяют методологические процедуры установления корреспонденций между характеристиками информации и формами знаков, между динамикой взаимосвязи этих характеристик и трансформацией знаков. В статье исследована возможность конструирования семиотического оптимума в студенческом конспекте в качестве паллиатива обнаружения такого оптимума. Сделан вывод о том, что одним из условий эффективности лекции является подчинение ее дискурсивной структуры достижению семиотического оптимума в конспекте студентов. Этот вывод сопровождается конкретным примером, демонстрирующим взаимосвязь оригинальных предложений авторов: понятия «семиотический оптимум», позиции педагогической биоэтики, концепции семиотической диагностики и методологической стратегии, основанной на трактовке информационных процессов в качестве механизмов самоорганизации. Пример не столько визуализирует путь к некоей педагогической новации, сколько иллюстрирует способ комбинирования множества методик на основе определения целей их применения. Тех целей, которые создают «незримые» границы в образовании.

Ключевые слова: «Незримый университет», привидения «Хогвартса», характеристики информации, коммуникативные форматы, педагогическая биоэтика

**CONSTRUCTION OF THE SEMIOTIC OPTIMUM
IN STUDENTS' NOTES
(ON THE EXAMPLE OF AN OPEN LECTURE ON ETHICS
IN A PHILOSOPHY COURSE)**

Maria S. Gorbuleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
praxema@tspu.edu.ru

Irina V. Melik-Gaykazyan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
melikiv@tspu.edu.ru

Nina A. Pervushina

Tomsk State Pedagogical University, Russia
pervushina.na@tspu.edu.ru

The beginning and end of this article record two literary examples, the meanings of which are conceptually interpreted. The first example – the Unseen University – captures the problem of domestic education caused by ignoring the essence of education. According to the authors, the essence of education is that education systems (of any scale) are self-organizing systems; the mechanisms of their self-organization are information processes (they represent an invariant sequence of stages); each stage of the information process expresses the result of its “work” in a semiotic form. The invariant sequence of stages strictly distributes the characteristics of information by which it is possible to judge the achievement of a “semiotic optimum” (a concept proposed by the authors) in the structure of the educational process at a particular university. These characteristics lead not so much to some kind of pedagogical innovation but rather serve to define the application boundaries for many techniques – those application boundaries that often remain “unseen”. To a first approximation, these characteristics represent the dependences of education results on the interpretation of what the goals of education subjects’ actions express. Therefore, the condition for achieving the semiotic optimum is the effectiveness of managing the goals of the subjects of education. Secondly, the effectiveness condition is the concision of the method of goal achieving. However, in the reality of life, the concision of a method is never a straight line segment connecting the “start” and “finish” points. The characteristics of information are presented in graphical and analytical form, which is not the simplest but the most concise way. A similar method – laconic graphics of conceptual schemes – is chosen to construct a semiotic optimum in lecture notes. The pursuit of this optimum determines the way the lecture itself is prepared. The lecture preparation by an educator is subordinated to the construction of the optimal balance of goals stated in the work program of the discipline, in the

curriculum of a particular program, and in the potential range of students' life aspirations. From the standpoint of the authors' concept "pedagogical bioethics", this range of students' life aspirations should be accepted by the educator in a modality similar to the doctor's acceptance of the suffering of patients. For this reason, the content of a lecture is not a moralistic sermon but an explanation of the distribution of communicative formats and communicative roles within the scope of a specific idea of morality. The construction of a semiotic optimum in the circumstances of the Unseen University meets the potential of visual semiotics: finding unseen reasons for actual visibility. The second literary example in the article is Hogwarts School since its structure contains a magical instrument – the Sorting Hat – for determining those inclinations and life aspirations of students that students are yet to know how to recognize. The role of the Hat can be played by the optimal relationship between the actual goals of all subjects of education (students and their parents; teachers and developers of training programs; managers of the educational process and potential employers). Hogwarts ghosts serve as a marker of possible errors in recognizing individual goals. With sad irony, the ghosts express possible deviations within the scope of a specific idea of morality. The chosen topic of the lecture most fully corresponds to the research problem: elucidating the potential of the syntax of the goals of the main subjects of education for constructing an optimum in fixing the content of the lecture (translation in synchrony) and the content of the student's individual work (translation in diachrony), in particular, fixed in students' notes. It is such notes that can become a textbook created by students for themselves, that is, in awareness of the limits of personal autonomy.

Keywords: Unseen University, Hogwarts ghosts, characteristics of information, communicative formats, pedagogical bioethics

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-120-144

Семиотика визуального обладает методологическими возможностями для решения ряда задач: нахождения незримых причин актуальной наглядности; выяснения действенности синтаксиса в разных обстоятельствах действительности и реальности. Наша исследовательская цель состоит в выяснении потенциалов синтаксиса целей в жизни того феномена, который Терри Пратчетт назвал «Незримый университет». Напомним, в одной из серий сатирических фэнтези Т. Пратчетта представлен университет, создатели которого исходили из уверенности, что размещение в непосредственном соседстве большого количества книг, профессоров и студентов – само по себе – служит *способом* достижения целей образования. Как всякий пример остроумного именования существующего феномена, «Незримый университет» точно фиксирует существо проблемы. Во-первых, «незримое» присутствие устройства

образования в актуальной действительности. Частным примером этого служит исследование качества «образования российской политической элиты», приведшее к выводу «о незавершенности <...> системы социальных лифтов» [Мещерякова, Крыштановская 2023, 138]. Во-вторых, «незримое» в значении неразличимого и / или незамеченного в установлении сущности образования, приводящее к выводам о необходимости усовершенствовать *способы* (методики, приемы, техники и технологии), которые – сами по себе – приводят к достижению целей образования. В наши дни эти способы видят в «цифровизации», 30 лет назад – в компьютеризации, а 60 лет назад – в «АСУ-ВУЗ». Поэтому и сейчас надежды возлагаются на усовершенствование *способов*, на эффект «еще чуть-чуть». Чуть-чуть больше «энтузиазма» у преподавателей, поскольку это «может вдохновить аудиторию» [Ибрагимов, Калимуллина 2022, 104]. Чуть-чуть больше «студенческой вовлеченности» «в качестве работающего инструмента оценки качества высшего образования» [Малошенок 2023, 48] Чуть-чуть точнее выразить «целевую функцию формирования профессионально значимых качеств», поскольку без «четких целевых установок профессиональное воспитание часто оказывается формальным» [Данилаев, Маливанов 2024, 87]. Мы предлагаем визуализировать феномен «Незримого университета» в обнаружении «семиотического оптимума» (понятие, предложенное в [Горбулева, Мелик-Гайказян 2024]) на основе иерархии целей (или «целевых установок» [Данилаев, Маливанов 2024, 87]) основных субъектов образования – преподавателей и студентов.

Методы и подходы. Релевантность методологических инструментов определяет возможность выяснения взаимосвязей целей и вариативности способов достижения этих целей. Выбор (и / или разработка) таких инструментов следует за философскими стратегиями решения вопроса о причинности. Проще говоря, следует за ответом на вопрос: что играет решающую роль – начальные условия некоего движения (некой динамики) или цели этого движения? Принципиальность ответа на данный вопрос демонстрирует следующее. Есть такая характеристика информации, как ценность. В формулу для ее расчета входят вероятность достижения *цели* до получения информации и вероятность достижения *цели* после получения информации. Ценность информации является настолько базовой характеристикой, что включение понятия «цель» в ее формализм долгое время было основанием для того, чтобы весь феномен информации причислять только к системам «живой»

природы¹. То есть информация «начиналась» с появлением жизни, а до этого информации в мире не существовало и не могло существовать². Итак, этот пример демонстрирует, что трактовка цели влечет множество мировоззренческих и эпистемологических коллизий. Вместе с тем применение характеристики «ценность» в трактовках сущности образования имеет смысл, поскольку приближает к устранению «незримости» устройства образования сразу в нескольких обстоятельствах. Во-первых, настраивает «оптические приборы» для четкого рассмотрения соподчинения целей преподавания в последовательности учебных планов. Во-вторых, дает руководство для селекции содержания каждого предмета, а также для распределения учебного материала по видам занятий: лекциям, семинарам, самостоятельной работе и т.д. В-третьих, избавляет от иллюзий, что работу, отмеченную во-первых и во-вторых, можно не делать. В-четвертых, и в главных, во всем функционировании образования причиной всего, что происходит, является цель. Но, к сожалению, «правильные» цели не становятся панацей и вот почему: на ил. 1 отчетливо видно, что график представляет так называемую кривую с насыщением. Следовательно: а) после определенного «порога» увеличение количества информации для получателя этой информации не приводит к «наращиванию» ее ценности; б) по ходу кривой изменяется приращение ценности (V), приходящейся на единичный интервал количества информации (I). Это означает, что можно ввести еще одну характеристику – эффективность информации ($\varepsilon = dV/dI$), которая будет первой производной функции $V = V(I)$, а зависимость $\varepsilon = f(I)$ представляет собой кривую с максимумом, причем только с одним (ил. 2) [Мелик-Гайказян 1998, 25–26].

¹ А также искусственным системам, создаваемым «живой» природой.

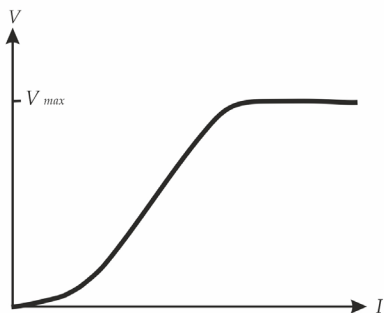
² В этом не было бы большой проблемы, если бы не одно обстоятельство: преграда для применения к исследованию феномена информации достижений фундаментального знания. Смена парадигмы, знаменуемая популяризацией прорыва в фундаментальном знании [Пригожин, Стенгерс 1986; Николис, Пригожин 1990], позволила представить «странные аттракторы» в качестве цели, что дало право утверждать существование информационных процессов в системах любой природы. А если принять эту любую природу на онтологическом уровне, то мы получаем легитимный старт для методологии управления целями. Только в случае социокультурных систем цели, подчиненные асимптотически удаленному «странному аттрактору», станут образовывать своеобразное соподчинение – иерархию, а сам аттрактор станет еще более «странным», поскольку примет вид «семиотического аттрактора» [Мелик-Гайказян 1998].

По формуле Бонгарта-Харкевича:

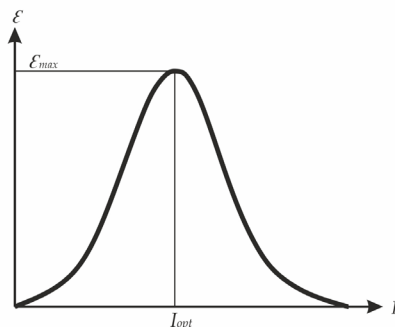
$$V = \frac{P - p}{1 - p}$$

По формуле Мелик-Гайказян:

$$\varepsilon = \frac{dV}{dI}$$

Ил. 1. Зависимость ценности информации (V) от ее количества (I); P – вероятность достижения цели после получения информации, p – до получения информации

Ил. 2. Зависимость эффективности информации (ε) от ее количества (I); I_{opt} – оптимальное количество информации, ε_{max} – максимальное значение эффективности

«Незримость» устройства учебного процесса преодолевает график (ил. 1), если обратить внимание еще на три нюанса.

1. Скорость увеличения V одинаково невысока в области малых значений I и в области, соответствующей значениям I , которые предшествуют достижению предельного значения ценности. Это легко понять на примере чтения учебника по любой дисциплине, которая является новой для читателя. Чтение первых страниц учебника мало приблизит к цели – освоению всего содержания дисциплины. Но и после того, как весь учебник будет прочитан, чтение последних страниц – послесловия или заключения – уже не повлияет принципиальным образом на успех, например, в решении задач или выполнении иных заданий по данному предмету. То есть одинаковое количество информации (I) на первых и последних страницах учебника не сыграет решающую роль, но не потому, что это будет лишь доля всего объема, а потому, что в них будет разная мера ценного для достижения цели. Это отнюдь не означает, что ценной будет информация в середине учебника. Это означает, что разные этапы в процессе трансляции информации играют далеко не одинаковые роли в ее использовании. Данный вывод является важным для решения поставленной нами задачи, поэтому ниже мы еще специально вернемся к нему.

2. Вторым нюансом, следующим из сопоставления графиков на ил. 1 и 2, является то, что количество информации (I), соответствующее максимальной ценности информации ($V_{\max}$), «совпадает» с количеством информации (I_{opt}), соответствующим максимальной эффективности ($\epsilon_{\max}$). Какую «незримость» раскрывает наглядность содержания этих графиков? Это означает, что существует некий общий объем учебной информации, который, во-первых, необходим / ценен для достижения цели и, во-вторых, максимально полезен / эффективен для достижения этой же цели. И это существование обладает силой объективного закона в пределах любого процесса, понимаемого в качестве информационного процесса. Но если это так, то почему процессы образования, которые часто описывают с привлечением терминологии теории информации, не всегда являются результативными? Этот вопрос возвращает к началу данного раздела, то есть к трактовке понятия «цель». Разбор всех трактовок не входит в нашу задачу, при постановке которой было введено ограничение, связанное исключительно с целями учебного процесса. Но и в этом ограничении мы имеем дело не просто с некой целью, а с иерархией целей, продиктованной удаленностью будущего состояния от актуального состояния в настоящем времени: целью действий в текущем моменте; целью действий в прогнозируемом горизонте; целью действий за пределами этого горизонта. В узких предметных рамках эта иерархия такова: цель подготовки конкретной лекции; цель, зафиксированная в учебном плане подготовки по конкретной специальности; индивидуальная цель субъекта, получающего образование по данной специальности, то есть цель, которую этот субъект будет достигать после получения образования. Опять же в узких рамках нашей задачи интерес представляет результативность конкретной лекции, но с учетом изложенной иерархии целей и в тех пределах, в которых лектор может действовать.

3. Взаимосвязь характеристик информации (ил. 1, 2) была нами названа объективным законом, что в методологическом разделе статьи требует указания на пределы действия этого закона. Его действие ограничено пределами взаимодействия конкретной пары реципиент / источник информации. Казалось бы, это очень малая область для действия закона, объективность которого еще и касается субъектов: преподавателя и студента, которые на лекции являются соответственно источником информации и реципиентом информации. Вместе с тем игнорирование этой малости и порождает эффект «чуть-чуть», о котором было сказано в начале статьи.

С учетом сделанных уточнений вернемся к графикам, представленным на ил. 1 и 2, и сделанному выше выводу о разной роли этапов трансляции информации. Ценность и эффективность информации характеризуют *разные* этапы трансляции. «Стартом» трансляции является этап выбора кода транслируемой информации, а «финишем» – отбор способов для реализации (или этап построения оператора) транслируемой информации. Между «стартом» и «финишем» находятся этапы передачи информации (их характеристикой служит I), ее декодирования и рецепции, причем рецепции с *целью* реализации полученной информации (то есть с целью построения оператора). Итак, ценность информации (V) является характеристикой этапа рецепции, эффективность информации (ϵ) – характеристикой оператора. Ценность содержания лекции для студента зависит от его индивидуальной цели. Если в его цель входит некая реализация полученного объема информации, то, в частности, конспект этой лекции станет оператором для совершения последующих действий (выполнения различных заданий). Для лектора источником информации являются исследовательские результаты в конкретной области, прошедшие через «кодирование» в формате методической работы, то есть подчиненные выбору оптимального объема (I_{opt}). Его рецепция этого «источника» подчинена (как диктуют зависимости на ил. 1 и 2) цели – обеспечению возможности для студента выполнить ту самостоятельную работу, которая предусмотрена после лекции. При этом надо учитывать, что студент не обязан быть успешным в своей учебе, поэтому для него эффективными могут стать способы избежать прилежного выполнения всех заданий. Есть способ восполнить отсутствие «учебной» цели рецепции – найти в излагаемом содержании нечто ценное для решения студентами их жизненных проблем.

Таким образом, подход к решению задачи основан на понимании информационного процесса в качестве механизма самоорганизации. В этом процессе, представляющем собой инвариантную последовательность стадий, каждая стадия выражает результат своей «работы» в семиотической форме. Методы решения задачи основаны на строгом распределении характеристик информации по стадиям процесса, из чего следует, что количество информации (I) становится критерием оптимальной семантики, ценность информации (V) – оптимальной прагматики, а эффективность информации (ϵ) – оптимальной синтактики в студенческом конспекте. Стремление к такому оптимуму определяет способ подготовки самой лекции. Эти характеристики не столько ведут к некой педа-

гогической новации, сколько служат для определения границ применения множества методик. Тех границ применения, которые часто остаются «незримыми».

Промежуточный результат и его обсуждение. Условием обнаружения семиотического оптимума в студенческом конспекте стало принятие потенциального диапазона жизненных устремлений студентов. Данный диапазон должен быть принят преподавателем в модальности, аналогичной принятию врачом страданий пациентов [Горбулева, Первушина 2020]. По этой причине содержание лекции не является назиданием, а выступает разъяснением распределения коммуникативных форматов и коммуникативных ролей в пределах действия конкретной идеи морали. Иными словами, семантика лекции подчинена предполагаемым интересам студентов: прагматика – нахождению способа для упорядочения и осмысления студентами имеющегося у них жизненного опыта участия в различных коммуникативных форматах, а синтактика – предложению лаконичной схематизации коммуникативных ролей в одинаково легитимных трактовках блага, то есть в одинаково легитимных идеях морали. Четыре идеи морали составляют содержание классической этики. Они же нашли воплощение в четырех форматах семейного воспитания, что демонстрирует классическая книга Януша Корчака «Как любить ребенка?» На них же основаны варианты моделей биоэтики [Мелик-Гайказян 2018], регулирующие коммуникацию врач–пациент. В опыт студентов входит участие в коммуникативных форматах воспитания, обучения и, к сожалению, лечения. Это участие выражено в разных формах: в качестве непосредственной стороны коммуникации; в качестве непосредственного наблюдателя за сторонами коммуникаций; в качестве читателя книг или зрителя фильмов, в которых представлены коллизии во множестве коммуникативных конфигураций. Для актуализации опыта читателя и / или зрителя полезно обращение в лекции к популярным среди конкретного поколения студентов книжным сериалам и / или сериалам фильмов, в которых представлены «четверки» центральных персонажей. В большинстве случаев эти «четверки» представляют коммуникативные роли, продиктованные этическими позициями в пределах классических идей морали. Поскольку у студентов существует некий опыт переживания коммуникативных ситуаций и с высокой долей вероятности можно предположить наличие у них потребности в данном опыте разобратся, то фиксация в лекции пересечений этих сфер жизни с

семантикой лекции способна инициировать у аудитории цель понять общее и частное в моральной обоснованности распределения коммуникативных ролей.

Из представленных в предыдущем разделе методологических позиций – моделирования оптимума на основе характеристик информации – следует, что инициирование этой цели является ключевым моментом. Избранный нами вариант инициирования цели на основе предположения о том, что опыт, связанный со средой семейного воспитания, остается актуальным для современных студентов, подтверждает исследование участия «родителей в образовании студентов» [Котомина, Сажина, Вилкова 2024, 28]. Кроме того, это исследование российских студентов имеет корреспонденцию с подобной ситуацией в зарубежной действительности, при описании которой использованы терминология и акценты биоэтики: разная степень «удовлетворенности автономией» у субъектов коммуникации – студентов и их родителей [Akram, Abidin, Lubis 2022, 6]. Сложнее обстоит дело с соотношением нашей методологической тактики инициирования цели у студентов в ходе освоения учебной темы (и учебного курса) и методологической стратегии «социального программирования» для организации «целеориентированной совместной деятельности» [студента и преподавателей] ... в учебных структурах “исследовательского образования”» [Щедрина и др. 2023, 107]. Концепция «социального программирования» принадлежит М. К. Петрову, и авторы цитируемой статьи адаптируют ее к образованию в среде цифровых технологий [Щедрина и др. 2023, 109–110]. На этих концептуальных основаниях они приходят к выводу: «...пошаговое программирование открывает для учащегося, с одной стороны, последовательность операций, приводящих <...> к знанию³ как цели образования, а с другой – радикально меняет в глазах учащихся процесс усвоения определенных учебной программой сведений, поскольку предполагает участие в их “создании”» [Щедрина и др. 2023, 107]. Наследие М. К. Петрова оказало существенное влияние на отечественную философию информации. Его работы содержат множество остроумных идей и метафор, ставших своего рода «крылатыми словами». Вместе с тем концепция «социального программирования» целиком и полностью принадлежит кибернетической парадигме, в

³ Знания авторы трактуют как «знаково-семиотический, исторический феномен» [Щедрина и др. 2023, 107]. Заметим, что терминологическое сочетание «знаково-семиотический» трудно считать удачным.

которой любые технологии приводят к запланированному результату. При таком типе воздействия с детерминированным результатом необходимо принимать специальную процедуру (а подобное «информированное согласие» отсутствует) для предупреждения каждого ученика (и его законного представителя) о том, что из него сделают. Наши же усилия⁴ исходят из уважения «автономности» студента и направлены на разъяснение ему веера вариантов создания себя. Эти усилия требуют освоения разных семиотических тактик, разработка которых остается актуальной задачей и даже в частных решениях сопряжена с «трудностями» преодоления «типичных погрешностей», поскольку требует нового качества «лингвопедагогического мастерства» [Аликина, Мальцев 2024, 128].

Требования к новому качеству педагогического мастерства и новому качеству любого сопровождения (методического, технического, организационного и т. д.) в большинстве исследований связывают с действительностью образования в цифровой среде. Но эти требования мало изменились со времени, которое предшествовало так называемой «цифровой эпохе». Показательным примером служит сопоставление исследований, касающихся требований к «идеальному конспекту» студента в эти разные времена.

1. В исследованиях, принадлежащих цифровому времени, альтернативой конспекту является «ментальная карта», поскольку традиционный конспект «всегда представляет собой линейную форму представления информации», а «современное поколение студентов воспринимают новый материал не как однородную структуру, но как разрозненные между собой отрывки, поэтому создание ментальных карт представляется удачным способом адаптации традиции к требованиям времени» [Шушунова 2019, 318]. Идею «ментальных карт» поддерживают на том основании, что они имеют «преимущества <...> перед линейным конспектированием» в возможности «свободной визуализации мыслительного процесса» [Хамраева, Митющенко 2019, 85]. Авторы утверждают, что «основой концепции ментальных карт стала теория Дэвида Осубела» [Хамраева, Митющенко 2019, 85], и предлагают «законы построения ментальных карт и их положения» [Хамраева, Митющенко 2019, 87] для освоения студентами. В 1960 году Дэвид Осубел (David Paul Ausubel) предложил метод «предварительных органайзеров» (advance organizers), но не в качестве формы студенческого конспек-

⁴ В наших методологических решениях понятие «оператор» является важным, но это понятие принадлежит не только к понятийному аппарату направлений, связанных с процедурами программирования.

та, а как форму, в которой студентам выдаются материалы, *предшествующие* лекции [Ausubel 1960]. Идея «предварительных органайзеров» в отечественной практике нашла реализацию в разработке «конспектов-организаторов» [Афанасьев и др. 2001], которые входили в *разрабатываемые коллективами преподавателей «учебно-исследовательские комплекты»* [Афанасьев и др. 2003а], в качестве «способа обучения и усвоения учебного материала» [Афанасьев и др. 2003б]. Эти конспекты-организаторы (или предварительные органайзеры, или ментальные карты) представляли собой типографским способом изданные приложения к учебным пособиям. Но в Российском государственном гуманитарном университете, где были разработаны эти конспекты-организаторы, не все учебные дисциплины были ими обеспечены и далеко не все студенты ими пользовались. Аналогично этому не все способы «разлиновки» тетради для конспектов, разрабатываемые на основе нейропедагогики [Первушина 2019], востребованы всеми когортами студентов. Но в любом случае такие виды конспектов являются итогами работы преподавателя, а не студента, и входят в материалы для самостоятельной работы студента, проводимой либо перед лекцией, либо после нее.

2. И во времена, когда между студентом и преподавателем, между студентом и студентом, между студентом и книгой еще не существовало посредничества экрана компьютера, то есть того основного посредника, который определяет сущность «цифровизации образования», предметом исследования становились конспекты лекций. Из всего пула таких исследований, а также обзоров подобных исследований, мы выбрали одну статью не только потому, что ее авторы подчеркивали «отсутствие исследований роли студентов в конспектировании лекций» [Badger et al. 2001, 408], но и по ряду других причин. Во-первых, в этой статье предметом изучения был «идеальный конспект», а поскольку нашим предметом был оптимальный конспект (не идеальный), то нам было необходимо найти (или не найти) разницу. Во-вторых, студенты были разделены на когорты по отношению к владению навыками «академического языка» [Badger et al. 2001, 406], то есть навыками декодировать и воспроизводить в своих записях язык «академии» – специальный язык университетского образования. Мы же разделение проводили по существованию у студента цели акцептировать (а не только рецептировать) содержание учебного материала. В-третьих, были выяснены техники ведения конспекта (аббревиатуры и сокращения, знаки «следовательно» и больше / меньше, различные спосо-

бы маркирования пунктов и цветовая символика, другие – всего 14 видов) и частота их применения студентами [Badger et al. 2001, 413]. В-четвертых, конспектирование было разделено на этапы: перед лекцией, во время лекции, после лекции. Итак, цитируемая статья представляет исследование «концептуализации» студентами конспекта, и понимание студентами, «что происходит, когда они делают конспекты на лекциях» [Badger et al. 2001, 407] привело к следующим результатам. Степень «идеальности» конспекта находится в зависимости от дискурсивной структуры лекции: лекции-монолога или лекции, допускающей обмен идеями [Badger et al. 2001, 407, 415]. Любопытно, что диктовку на лекции и / или тексты, транслируемые при помощи диапроектора и PowerPoint, студенты воспринимали как признак лекции-монолога, в которой усилена функция «передачи» содержания, им же отведена роль «получателя», а не интерпретатора содержания [Badger et al. 2001, 411, 415]. Надо заметить, что с позиции преподавателей «конспекты студентов – ухудшенная версия лекции» [Badger et al. 2001, 406], поэтому можно предположить, что «идеальный конспект» способен сделать только лектор. С позиций студентов, во многом совпадающих с позицией преподавателей, «идеальным конспектом» является тот, который «они одолжили бы у однокурсника после пропуска лекции» [Badger et al. 2001, 412]. Конспект таких лекций делают, «если лекция скучная», «чтобы уметь пережить лекцию», «из страха забыть» [Badger et al. 2001, 409–410]. Лекторы же не принимают во внимание первые две причины и полагают, что «цель ведения конспектов – вспомнить как можно больше из лекции» и «конспектирование облегчает процесс повторения» [Badger et al. 2001, 408]. Предметом конспектирования лекций-диалогов является фиксация взглядов лектора, приводимых им фактов и «объяснения того, что важно» [Badger et al. 2001, 410–411]. Студенты считают, что помощь в конспектировании оказывают раздаточные материалы, распространяемые до лекции, или указание на то, что будет самым важным на лекции [Badger et al. 2001, 413]. На вопрос: «Что происходит с конспектом после лекции?» – были даны ответы: конспект хранят, просматривают, перечитывают для выполнения заданий, перечитывают (не для выполнения заданий), перечитывают перед экзаменом, переписывают и, редко, сравнивают с конспектом однокурсника [Badger et al. 2001, 414].

Сравнение концептуализации конспекта во времена, когда новацией служило использование диапроектора и PowerPoint, и во времена обсуждения необходимых трансформаций, вызываемых

«цифровизацией образования», приводит нас к следующему выводу. Гораздо большее воздействие на концептуализацию конспекта оказывает визуализация того, как учится мозг. Открытие в 2005 году «зеркальных нейронов» инициировало формирование современной нейропедагогики, в которой наложен запрет на диктовку во время лекции, стенографирование лекции в конспекте и все виды зубрежки после лекции (обзор этих запретов дан в [Первушина 2019, Горбулева, Первушина 2020]). Это знание дает представление об оптимальном соотношении монолога лектора, в котором предлагается некая обобщающая схема последующих рассуждений, и диалога с аудиторией, в котором студентам предлагают высказать контраргументы и / или внести свои уточнения в интерпретацию основного предмета обсуждения. Главным в лекции является сосредоточенность на том, что и как студенты отразят в своем конспекте. А именно, какие уточнения будут внесены в лекционный конспект после лекции для выполнения заданий. При этом возлагать на студентов в синхронии лекции создание любой схемы ассоциаций либо немилосердно, либо бесполезно. Для иллюстрации можно привести пример со школьными контурными картами – одно дело дать задание отметить на контурной карте какие-либо объекты или взаимосвязи, а другое дело дать задание учащемуся создать саму контурную карту. Дать задание создать карту тому, кто не научен это делать. Такое задание может дать тот, кто сам не представляет все множество способов создания карт. Всем известны уникальные схематизации (например, семантический треугольник Фреге или пирамида Маслоу), обладающие всей емкостью визуального символа, требующего практически бесконечной вербализации. Эти концептуальные схемы есть продукт весомых и оригинальных теорий. В контексте нашего рассуждения эти концептуальные схематизации обладают максимальной эффективностью. В лекции, фрагмент конспекта которой мы приведем ниже, тоже есть концептуальная схема. Это схема «этический квадрат», ставшая одним из итогов докторской диссертации [Апресян⁵ 1993], и «интерпретация "этического квадрата", которой, по словам Р. Г. Апресяна он обязан Yutaka Yamamoto, содержащая «важное для нашего рассуждения понятие "цель"» [Мелик-Гайказян 2006, 64].

Пример конструирования студенческого конспекта лекции «Этика». Поясним, что, во-первых, в приводимых иллюстрациях

⁵ Апресян Р. Г. признан иностранным агентом Министерством юстиции Российской Федерации 09.12.2022.

текст, «написанный» черными чернилами, передает слова и рисунки лектора, а все, исполненное разными цветами, передает запись студента, которая есть итог выполнения заданий для самостоятельной работы. Во-вторых, студентам предложено свой конспект вести на «левой» странице разворота тетради, а «правую» страницу оставлять для своих записей, делаемых после лекции.

Содержание этики столь разнообразно, что в ее вопросах и вариантах ответов каждый может найти то, что он захочет. Вопросы и ответы этики наиболее близко подступают к вопросам и ответам, которые время от времени важны для каждого из нас в нашей повседневной жизни. Нашу жизнь составляет отношения с близкими людьми, которым мы и которые нам желают хорошего; мы учимся всю жизнь, и это обучение есть обучение правильному; нам приходится обращаться к врачам, и мы верим, что они, лечя нас, придерживаются принципа «делай благо». Вместе с тем мы переживаем ситуации, в которых хорошее, правильное и благое выходит за рамки того, что мы сами понимаем как хорошее, правильное и благое. Нам говорят: «...у нас же все было хорошо», – и у нас возникает ощущение, что мы к этому «хорошо» имели малое отношение. За пределами повседневности можно встретить впечатляющее утверждение: «Граница между добром и злом, которую проводит для себя человек, это и есть граница его свободы» [Никифоров 2001, 166]⁶. Если обдумать это утверждение, то слова «и есть граница его свободы» согласие вызывают. При этом все утверждение вызывает вопрос: почему эта граница совпадает с границей «между добром и злом»? Ведь границы свободы человека могут совпадать с границами между пользой и бесполезностью, между наслаждением и страданием, между любовью и ненавистью.

Наши ощущения, подозрения и сомнения устраняет одинаковая обоснованность ответов, которые предлагают теории классической этики в своих одновременных ответах сразу на два вопроса (ил. 3, 4).

Из каждой трактовки блага (ил. 3) следует трактовка нравственных пределов, в которых человек осуществляет свою повседневную жизнь и совершает моральный выбор своих действий из всех возможных вариантов (ил. 4).

Абстрактность понятий (ил. 3, 4) преодолевает три обстоятельства. Во-первых, именно эти трактовки теорий классической этики воплощены в основных типах семейного воспитания. Во-вторых, пределы действия этих идей морали стали «незримыми» границами, проходящими в самом «фундаменте» образования. В-третьих,

⁶ На обложке этой книги указано: «Взгляд на философию по эту сторону Атлантики».

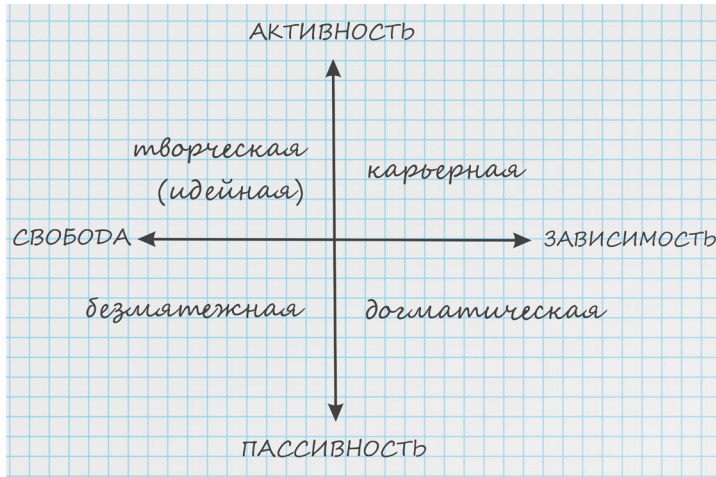
в этих границах заключены коммуникативные форматы, которые общество принимает в качестве допустимых в отношении людей, оказывающихся в уязвимом положении. Это третье обстоятельство входит в сферу прикладной этики. Примером служит биоэтика. С инициативами биоэтики мы сталкиваемся, в частности, когда в любом лечебном учреждении ставим (или не ставим) подпись в так называемом информированном согласии. Итак, эти, казалось бы, абстрактные понятия регулируют главные сферы нашей жизни и прокладывают путь от своих классических оснований к прикладной этике. Если их действия регулируют нашу жизнь, то хорошо бы представить их во всей наглядности. Таким наглядным примером служит модель образовательных сред (ил. 5).

Первый вопрос классической этики: что есть благо?	
БЛАГО	ИДЕИ МОРАЛИ
Добро	(АГАПИЗМ
Милосердная любовь	АЛЬТРУИЗМ)
Самосовершенствование	ПЕРФЕКЦИОНИЗМ
Наслаждение	ГЕДОНИЗМ
Польза	УТИЛИТАРИЗМ

Ил. 3. Варианты ответов теорий классической этики на первый ее вопрос

Второй вопрос классической этики: как должны вести себя люди, чтобы жить правильно (соответственно пониманию блага)?	
(благо ≡ милосердная любовь) Приверженец альтруизма содействует целям других , исходя из того, что каждый разумный человек считает благим	ЦЕЛЯМ ДРУГИХ ≡ В ИНТЕРЕСАХ ДРУГИХ КАЖДЫЙ ≡ ВСЕ → ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПОНИМАНИЯ БЛАГА ДРУГИМИ
(благо ≡ наслаждение) Приверженец гедонизма содействует своим целям , исходя из того, что он сам считает благим	В СВОИХ ЦЕЛЯХ ≡ ПРИОРИТЕТ Я ОН САМ ≡ СВОБОДА В ПОНИМАНИИ БЛАГА

Ил. 4. Варианты ответов теорий классической этики на второй ее вопрос. Здесь приведен только фрагмент полной записи

Ил. 5. Модель образовательных сред [Ясвин 2001, 41]

Названия образовательных сред (ил. 5) повторяют названия основных сред семейного воспитания, выделенных Янушем Корчаком на основе совершенного им обобщения своего уникального опыта. В свою очередь, эти среды соответствуют моделям биоэтики (разъяснение этого сопоставления, включающего распределение коммуникативных форматов и ролей, мы здесь не расшифровываем, чтобы не повторять содержание, приводимое в статье [Мелик-Гайказян 2018]). Обращает на себя внимание «устремление» осей на ил. 5. Это соответствует жизненным устремлениям человека, то есть целям, характеристика которых дана в ответах на второй вопрос классической этики (ил. 4). Сопоставление наглядной ориентации осей на ил. 5 и характеристики целей позволит прояснить для себя то, в чем конкретно выражают себя «зависимость» и «свобода», «активность» и «пассивность» (ил. 6).

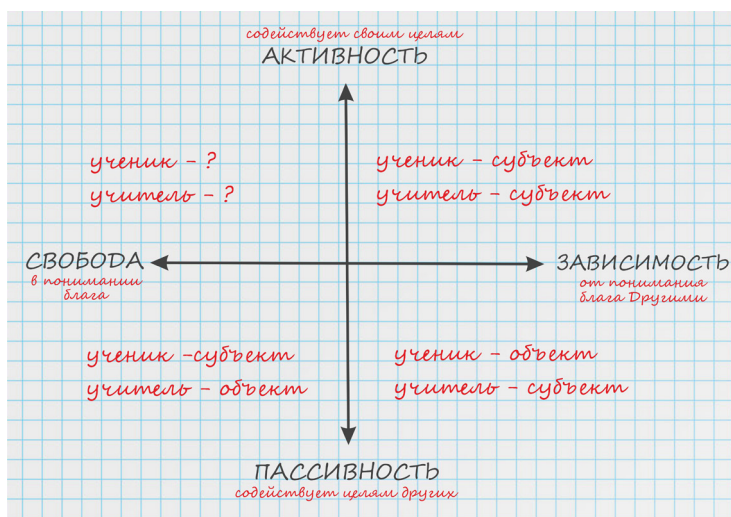
Из имеющегося опыта получения образования мы можем если не понять, то почувствовать разницу в действительности и реальности тех локусов жизни, которые регулируются вариантами ответов на вопросы классической этики. Еще более наглядным станет попытка обнаружить распределение коммуникативных ролей по этим локусам. Ролей тех, кто доминирует, и ролей тех, кто принимает это доминирование (ил. 7).

Выбирая идею морали, мы выбираем и нравственные пределы, в которых «разрешаем» себе действовать, и жизненные цели, которые будем достигать. Сложность состоит в совершении выбора, поскольку часто последствия этого выбора становятся необратимыми. Свободу выбора сопровождает ответственность за все, что за

ним последует. Эту сложность иллюстрирует пример волшебного инструмента в школе «Хогвартс»⁷.

Ил. 6. Пример дополнения модели образовательных сред характеристиками жизненных целей и трактовками блага, следующими из вариантов ответов на вопросы классической этики

Ил. 7. Пример самостоятельного выполнения задания в студенческом конспекте. Знаки «?» фиксируют предполагаемые трудности в нахождении решения, что призвано инициировать цель освоения дальнейших разделов курса «Философия»

⁷ Обращение к этому примеру обусловлено тем, что нынешнее поколение студентов объединено знанием содержания и сюжетных перипетий в книгах и фильмах о Гарри Поттере.

Этим инструментом, требующим «магии», является «Распределяющая Шляпа» – для определения тех склонностей и жизненных устремлений учеников, которые студенты еще не умеют распознать. Роль «Шляпы» может сыграть знание основных этических позиций, чтобы жизнь каждого из нас (по выводу Спинозы) не превращалась в «выкуп» за ложно понятую цель. Примером такого «выкупа» (или искупления) служат привидения Хогвартса. Они же с печальной иронией не только выражают возможные девиации в пределах действия конкретной идеи морали, но и маркируют последствия отступничества от этических принципов (ил. 4, 6). Выражают последствия замены необходимости прилагать усилия на использование силы, произвольной замены избранного служения целям других на приоритетное следование личным целям, «пунктирное» и / или ситуативное следование моральным принципам⁸.

Заключение. «Распределяющая Шляпа» могла бы стать решением поставленной нами задачи: обнаружить «семиотический оптимум» в иерархии целей основных субъектов образования. Роль чудесного инструмента способна сыграть оптимальная взаимосвязь действительных целей всех субъектов образования (студентов и их родителей, преподавателей и разработчиков программ подготовки, менеджеров учебного процесса и потенциальных работодателей). О существовании этой оптимальной взаимосвязи целей свидетельствует соотношение характеристик информации (ил. 1, 2), устанавливающее корреспонденции между характеристиками информации и формами знаков, между динамикой взаимосвязи этих характеристик и трансформацией знаков. Такие соотношения были реализованы в дискурсивной структуре лекции, то есть в конструкции, которая, как было представлено, включает два основных элемента. Во-первых, в содержании лекции отсутствует то, что студенты могут прочитать в методической и справочной литературе, которая им рекомендована. Отбор материала в содержание подчинен цели вовлечения студентов в обсуждение важной для них и частично знакомой им тематики. Фактически все содержание передает одна концептуальная схема (ил. 6), инициирующая совершение студентом того малого шага, который соответствует приращению ценности перед «насыщением» в ее зависимости от количества информации (ил. 1). Единственность концептуальной схемы соответ-

⁸ Одним из предлагаемых домашних заданий «по выбору» является объяснение причин, по которым соответствующие персонажи стали привидениями.

ствуется условию достижения максимальной эффективности в самой лекции (ил. 2). Во-вторых, «домашние задания» не возлагают на студента работу преподавателя – они им по силам. Более того, все усилия лектора сосредоточены на повышении вероятности самостоятельного выполнения студентом этих заданий. Сами задания «активируют» возвращение (в диахронии) к содержанию лекции. Таким образом, избранная нами тема лекции и дискурсивная структура лекции наиболее полно соответствуют исследовательской задаче выяснения потенциалов синтаксиса целей основных субъектов образования для конструирования оптимума при фиксации содержания лекции (трансляция в синхронии) и содержания самостоятельной работы студента (трансляция в диахронии). В частности, фиксации в студенческом конспекте. В таком конспекте, который способен стать учебником, создаваемым самим студентом и создаваемым им для себя, то есть в осознании пределов личностной автономности.

Благодарности. Считаем своим приятным долгом выразить признательность руководству ТГПУ за поддержку нашего проекта «Конструирование семиотического оптимума в образовательном пространстве подготовки будущих учителей», а также студентам за терпеливое участие в анкетировании, что позволило сформулировать ряд исследовательских вопросов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аликина, Мальцев 2024 – Аликина Е. В., Мальцев Д. В. Лингвопедагогический дизайн тестовых заданий открытого типа в условиях цифровизации // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 128–148. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-128-148
- Апресян 1993 – Апресян Р. Г.⁹ Идея морали и базовые нормативно-этические программы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Институт философии РАН, 1993.
- Афанасьев и др. 2001 – Афанасьев Ю. Н., Бельковец Л. П., Воронков Ю. С., Кувшинов С. В. Набор содержательных страниц для конспект-организатора учебных занятий. Пат. 49096 РФ, МКПО 7:19-04; заявлено 13.12.2000; опубл. 16.07.2001.
- Афанасьев и др. 2003а – Афанасьев Ю. Н., Бельковец Л. П., Воронков Ю. С., Кувшинов С. В. Учебно-исследовательский комплект. Пат. 33252 РФ, МПК 7 G 09 B 19/00, 5/06; заявлено 10.06.2003; опубл. 10.10.2003.

⁹ Апресян Р. Г. признан иностранным агентом Министерством юстиции Российской Федерации 09.12.2022.

- Афанасьев и др. 2003б – *Афанасьев Ю. Н., Бельковец Л. П., Воронков Ю. С., Кувшинов С. В.* Способ обучения и усвоения учебного материала и устройство для его осуществления. Пат. 2197748 РФ, МПК 7 G 09 B 5/14, 5/06, 19/00; заявлено 31.10.2000; опубли. 27.01.2003.
- Горбулева, Мелик-Гайказян 2024 – *Горбулева М. С., Мелик-Гайказян И. В.* Визуализация специфики философского мировоззрения: обнаружение семиотического оптимума в подборе иллюстративного материала для открытой лекции // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1, 143–166. DOI: 10.23951/2312-7899-2024-1-143-166
- Горбулева, Первушина 2020 – *Горбулева М. С., Первушина Н. А.* Биоэтическое измерение социального запроса на креативное образование // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 278–282.
- Данилаев, Маливанов 2024 – *Данилаев Д. П., Маливанов Н. Н.* Воспитание профессионально значимых качеств в системе инженерного образования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 87–105. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-87-105
- Ибрагимов, Калимуллина 2022 – *Ибрагимов Г. И., Калимуллина А. А.* Трансформация лекции в современной высшей школе России // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 7. С. 96–112.
- Котомина, Сажина, Вилкова 2024 – *Котомина О. В., Сажина А. И., Вилкова К. А.* Участие родителей в образовании студентов российских вузов // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 28–43. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-28-43
- Малошенок 2023 – *Малошенок Н. Г.* Действительно ли «ведущие» вузы лучшие во всем? Как статус и размер российских вузов взаимосвязан со студенческой вовлеченностью // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 48–64.
- Мелик-Гайказян 1998 – *Мелик-Гайказян И. В.* Информационные процессы и реальность. М.: Наука, Физматлит, 1998.
- Мелик-Гайказян 2006 – *Мелик-Гайказян И. В.* Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 57–75.
- Мелик-Гайказян 2018 – *Мелик-Гайказян И. В.* Диагностика моделей биоэтики // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 45. С. 75–82.
- Мещерякова, Крыштановская 2023 – *Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В.* Качество образования российской политической элиты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 138–156. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156

- Никифоров 2001 – Никифоров А. Л. Природа философии. Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Николис, Пригожин 1990 – Николис Г., Пригожин И. Р. Познание сложного. Введение. М.: Прогресс, 1990.
- Первушина 2019 – Первушина Н. А. Семиотическая диагностика учебных принадлежностей в эпоху нейропедагогики // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 4. С. 194–205. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-4-194-205
- Пригожин, Стенгерс 1986 – Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Хамраева, Митющенко 2019 – Хамраева Е. Ю., Митющенко Е. В. Преимущества ментальной карты и законы ее построения // Научные разработки: евразийский регион: материалы междунар. науч. конф. теоретических и прикладных разработок. М.: Инфинити, 2019. С. 85–87.
- Шушунова 2019 – Шушунова Т. Н. Ментальные карты как альтернатива студенческому конспекту // Моделирование и конструирование в образовательной среде: сб. материалов IV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ., методол. конф. М.: Моск. гос. обр. комплекс, 2019. С. 318–322.
- Щедрина и др. 2023 – Щедрина И. О., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Архив университетской науки как ядро исследовательского образования в России // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 107–119. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-107-119
- Ясвин 2001 – Ясвин В. А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
- Akram, Abidin, Lubis 2022 – Akram A. R., Abidin F. A., Lubis F. Y. Parental Autonomy Support and Psychological Well-Being in University Students During the COVID-19 Pandemic: The Role of Autonomy Satisfaction // The Open Psychology Journal. 2022. Vol. 15 (1). P. 1–8. DOI: 10.2174/18743501-v15-e2208100
- Ausubel 1960 – Ausubel D. P. The use of advance organizers in the learning and retention of meaningful verbal material. // Journal of Educational Psychology. 1960. Vol. 51. P. 267–272.
- Badger et al. 2001 – Badger R., White G., Sutherland P., Haggis T. Note perfect: an investigation of how students view taking notes in lectures // System. 2001. Vol. 29 (3). P. 405–417.

REFERENCES

- Afanas'ev, Yu. N., Bel'kovets, L. P., Voronkov, Yu. S., & Kuvshinov, S. V. (2001). *Nabor sodержatel'nykh stranits dlya konspekt-organizatora uchebnykh zanyatiy* [A set of content pages for the notes organizer of training sessions]. Patent 49096 RF, MKPO 7:19-04; Submitted on 13 December 2000; Published on 16 July 2001.
- Afanas'ev, Yu. N., Bel'kovets, L. P., Voronkov, Yu. S., & Kuvshinov, S. V. (2003a). *Uchebno-issledovatel'skiy komplekt* [Learning and research kit]. Patent 33252 RF, MPK 7 G 09 V 19/00, 5/06; Submitted on 10.06.2003; Published on 10.10.2003.
- Afanas'ev, Yu. N., Bel'kovets, L. P., Voronkov, Yu. S., & Kuvshinov, S. V. (2003b). *Sposob obucheniya i usvoeniya uchebnogo materiala i ustroystvo dlya ego osushchestvleniya* [A method of teaching and mastering educational material and a device for its implementation]. Patent 2197748 RF, MPK 7 G 09 V 5/14, 5/06, 19/00; Submitted on 31 October 2000; Published on 27 January 2003.
- Akram, A. R., Abidin, F. A., & Lubis, F. Y. (2022). Parental Autonomy Support and Psychological Well-Being in University Students During the COVID-19 Pandemic: The Role of Autonomy Satisfaction. *The Open Psychology Journal*, 15(1), 1–8. <https://doi.org/10.2174/18743501-v15-e2208100>
- Alikina, E. V., & Mal'tsev, D. V. (2024). Linguo-Pedagogical Design of Open Question Items in the Context of Digitalization. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33(1), 128–148. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-128-148>
- Apresyan¹⁰, R. G. (1993). *Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy* [The idea of morality and basic normative and ethical programs]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
- Ausubel, D. P. (1960). The use of advance organizers in the learning and retention of meaningful verbal material. *Journal of Educational Psychology*, 51, 267–272.
- Badger, R., White, G., Sutherland, P., & Haggis, T. (2001). Note perfect: an investigation of how students view taking notes in lectures. *System*, 29(3), 405–417.
- Danilaev, D. P., & Malivanov, N. N. (2024). Professionally Significant Qualities Upbringing at the Engineering Education System. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33(1), 87–105. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-87-105>

¹⁰ Ruben G. Apresyan was recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice of the Russian Federation on December 09, 2022.

- Gorbuleva, M. S., & Melik-Gaykazyan, I. V. (2024). Visualization of the specificity of the philosophical worldview: Detection of semiotic optimum in the selection of illustrative material for an open lecture. *ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 1, 143–166. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2024-1-143-166>
- Gorbuleva, M. S., & Pervushina, N. A. (2020). Bioethical measurement of social demand for creative education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 58, 278–282. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/26>
- Ibragimov, G. I., & Kalimullina, A. A. Lecture Transformation in Modern Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 31(7), 96–112. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-7-96-112>
- Khamraeva, E. Yu., & Mityushchenko, E. V. (2019). Advantages of a mental map and the laws of its construction. *Nauchnye razrabotki: evraziyskiy region* [Scientific developments: Eurasian region]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 85–87. (In Russian).
- Kotomina, O. V., Sazhina, A. I., & Vilkova, K. A. (2024). Parental Involvement in the Education of Russian University Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33(1), 28–43. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-28-43>
- Maloshonok, N. G. (2023). Deystvitel'no li “vedushchie” vuzy luchshie vo vsem? Kak status i razmer rossiyskikh vuzov vzaimosvyazan so studencheskoy вовлеченност'yu [Are “top” universities really the best at everything? How the status and size of Russian universities are related to student engagement]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32(12), 48–64.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (1998). *Informatsionnye protsessy i real'nost'* [Information processes and reality]. Nauka. Fizmatlit.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2006). Metodologiya modelirovaniya struktur elitnogo obrazovaniya [Methodology for modeling the structures of elite education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 11, 57–75.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2018). Diagnosis of bioethics models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 45, pp. 75–82. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/45/8>
- Meshcheryakova, N. N., & Kryshtanovskaya, O. V. (2023). The quality of education of the Russian political elite. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32(12), 138–156. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156>
- Nicolis, G., & Prigogine, I. B. (1990). *Exploring Complexity: An Introduction*. Progress. (In Russian).

- Nikiforov, A. L. (2001). *Priroda filosofii: Osnovy filosofii* [The nature of philosophy: Fundamentals of philosophy]. Ideya-Press.
- Pervushina, N. A. (2019). A semiotic diagnostics of study kits in the Era of neuropedagogy. *ППАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 4, 194–205. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-4-194-205>
- Prigogine, I. R., & Stengers, I. (1986). *Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*. Progress. (In Russian).
- Shchedrina, I. O., Pruzhinin, B. I., & Shchedrina, T. G. (2023). The Archive of University Science as the Core of Research Education in Russia: the Motivational Potential of Social Software. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32(12), 107–119. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-107-119>
- Shushunova, T. N. (2019). Mental maps as an alternative to student notes. *Modelirovanie i konstruirovanie v obrazovatel'noy srede* [Modeling and design in the educational environment]. Conference Proceedings. Moskovskiy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy kompleks. pp. 318–322. (In Russian).
- Yasvin, V. A. (2001). *Obrazovatel'naya sreda. Ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment. From modeling to design]. Smysl.

Материал поступил в редакцию 31.01.2024

ОЧИЩЕНИЕ ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

В настоящее время проводятся очередные преобразования нашей образовательной системы в контексте выхода из Болонского процесса. Целью этих преобразований провозглашается создание национальной системы образования на основе накопленного опыта и возврата к лучшим отечественным традициям. В то же время предлагаемые меры, касающиеся фактически лишь соотношения трех уровней высшего образования и не затрагивающие целый ряд болевых точек существующей системы, можно назвать «реформой» очень приблизительно. Это приводит нас к более широкой проблеме: многие ключевые слова, определяющие дискурс, в рамках которого обсуждается наше образование, являются неточными и двусмысленными. И это не только не позволяет достичь какого-то согласия, но в отдельных случаях оказывается просто вредным. В статье проводится анализ ряд важных слов и связанных с ними понятий в историческом контексте и в контексте идущих в настоящее время изменений в системе образования. Анализируются такие слова, как «реформа», «компетенция», «гуманитарная составляющая» и ряд других. При анализе учитывается опыт зарубежных стран. Показано, что неточное употребление данных слов ставит участников образовательного процесса в ситуацию, когда содержательный диалог практически невозможен. Предлагается произвести работу по очищению языка образовательного дискурса. Это можно сделать за счет точных определений используемых слов-терминов и аргументации, направленной на уточнение любых провозглашаемых целей и задач.

Ключевые слова: реформа, компетенция, образовательная услуга, фундаментальность, гуманитарная составляющая, аспирантура

LANGUAGE PURIFICATION AS A CONDITION OF TRANSFORMATION OF THE DOMESTIC EDUCATION SYSTEM

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics
and Management, Novosibirsk, Russia;

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
oleg.donskikh@gmail.com

Today, in the context of withdrawal from the Bologna process, further transformations of our educational system are being carried out. The purpose of these transformations is proclaimed to be the creation of a national education system based on the accumulated experience and return to the best domestic traditions. At the same time, the proposed measures, which actually concern only the ratio of the three levels of higher education and do not address a number of sore points of the existing system, can be called "reforms" very roughly. This leads us to a broader problem - a number of key words that define the discourse within which our education is discussed are imprecise and ambiguous. And this not only prevents any agreement, but in some cases also proves to be simply harmful. A number of important words and concepts related to them are analysed in the historical context and in the context of the ongoing changes in the education system. The materials are words and concepts behind them, the criterion of selection of which is the reflection of important features of the current education system. The words are reform, competence, humanitarian component and a number of others. A comparative analysis of these words is carried out, taking into account the experience of foreign countries. It is shown that the imprecise use of the given words does not allow setting the necessary tasks clearly and, in general, introduces serious confusion in the discourse related to education. Moreover, since the selected words turn out to be profoundly interrelated in this discourse, their uncertainty increases, and, ultimately, the participants of the educational process find themselves in a situation where meaningful dialog is practically impossible. As a result of the word-by-word analysis, it is easy to demonstrate that, without clarifying the meanings of the named words and the concepts they denote, meaningful discussion of educational problems does not yield the desired consequences. It is suggested to work on purifying the language of educational discourse. This can be done through precise definitions of the used words-terms and argumentation aimed at clarifying any proclaimed goals and objectives. Only then can we achieve at least a relative common understanding and appropriate effectiveness in working together to improve our education.

Keywords: reform, competence, educational service, fundamental, humanitarian component, graduate school

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-145-166

Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться... Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять.

Конфуций

В настоящее время происходит очередной этап реформирования образовательной системы. Мы говорим об уходе от Болонской системы и о создании национальной. При этом, несмотря на официальное вхождение в сентябре 2003 года в Болонский процесс, появление в Российской Федерации бакалавриата и магистратуры и т. д., в 2022 году оказалось, что мы там и не были. Остается вопрос: входили или нет? Министр образования и науки РФ объяснил, что, «строго говоря, мы в туда и не входили», потому что Болонский процесс не был закреплен как таковой юридически, т.е. Россия не брала на себя строго определенных обязательств. Сама Болонская система – это набор идей, отдельные из которых вошли в наше законодательство. Оно в течение 20 лет их в разной степени имплементировало. «В результате современный образ нашего высшего образования сформировался во многом под воздействием Болонской декларации»¹. Вообще говоря, понятно, что изменения в системе образования – процесс длительный и сложный, поэтому для того, чтобы полностью реализовать те принципы, которые заложены в Болонской декларации, требуется значительное время. Очевидно, что в течение 20 лет мы реформировали национальную систему образования, ориентируясь на европейские образцы. Это касалось как школьного образования, так и высшего. Результат всех этих преобразований оказался вполне отрицательным, иначе не нужно было бы проводить новую реформу, но уже на новом основании, опираясь на собственный опыт. Об этом, собственно, и сказал министр В. Н. Фальков, выступая в Государственной Думе 27 июня 2022 года, когда предложил перестать слепо копировать чужой опыт². В течение года была подготовлена новая система образования, опирающаяся на то лучшее, что было накоплено в отечественной традиции. С 1 сентября 2025 года произойдет переход

¹ Будут и бакалавриат, и магистратура». Министр Валерий Фальков раскрыл подробности отказа от Болонской системы // Коммерсантъ. 2022. 2 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5381815> (дата обращения: 12.09.2023).

² См.: Глава Минобрнауки России предложил выйти из парадигмы слепого копирования чужого опыта // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/53282> (дата обращения: 12.09.2023).

на новую систему, а сейчас в шести ведущих университетах страны в течение двух лет реализуется пилотный проект по отработке новых стандартов и программ.

В связи с охарактеризованной выше ситуацией представляется важным обсудить предмет с лингвистической точки зрения, включая такие слова, как «реформа», «новое», «отечественный опыт», «эксперимент» и некоторые другие, которые используются в разных контекстах с несовпадающими смыслами, отчего возникает туманная атмосфера недомолвок и неточностей. Цель написания настоящей статьи – анализ ряда понятий в контексте трансформации системы образования. Хотя бы для того, чтобы в 2025 году можно было четко сказать, перешли ли мы к новой отечественной системе образования или нет.

Материалом для анализа выступают такие слова и стоящие за ними понятия, как «реформа», «компетенция» и «компетентностный подход», «услуга», «фундаментальность», «гуманитарная составляющая», «аспирантура», критерием отбора которых является отражение важных черт нынешней системы образования.

Начнем со слова *реформа*. Что же все-таки понимается под этим словом? Понятно, что реформы могут быть разного уровня. Если мы говорим об образовательной реформе, то она должна включать в себя любые планируемые изменения в системе образования – от методик преподавания до административных процессов. Поскольку речь идет о планировании, то любая реформа подразумевает простую схему: 1) констатация существующего положения; 2) декларация четких и понятных целей; 3) предлагаемые (и проверяемые) меры по реализации заявленных целей; 4) точные сроки этой реализации; 5) оценка результатов. У нас же просто объявляются будущие результаты – как без представления материалов серьезного анализа нынешнего положения дел, так и без глубоко обоснованной оценки того, как это впишется в существующую образовательную систему. А что мы имеем на настоящий момент? Фактически речь идет о том, что в новой системе устанавливается несколько уровней обучения – базовое и специализированное (магистратура). Аспирантура, как и прежде, утверждается как уровень профессионального образования. Делаются вариативными сроки получения базового высшего образования – от 4 до 6 лет, магистратуры – от 1 до 3 лет, и это будет определяться направлением и профилем подготовки, а также получаемой специальностью. «Вузы до 30 июня 2023 года разработают и утвердят стандарты и требования по данным уровням образования, а также соответствующие обра-

зовательные программы»³. Данная программа явно не соответствует приведенному выше определению реформы. Здесь речь идет только о сроках обучения, но при этом говорится, что «формируется прообраз новой национальной системы высшего образования». Да, переход к новым, более гибким срокам обучения представляется разумным, но это лишь форма, тогда как необходимо подразумевать и содержание. Но далее следует, что уже до 30 июня вузы должны разработать и утвердить новые стандарты, хотя о каком-то новом содержании за полтора месяца говорить не приходится. То есть стандарты опять относятся лишь к форме.

Далее, если мы говорим об оригинальной национальной системе образования, хотелось бы понять, какое место занимает отечественная система среди других. В рейтинге стран мира по индексу уровня образования, составленном ООН, Россия на 2022 год занимает 29-е место, находясь между Японией и Испанией⁴, а по уровню расходов на образование (на 2018 год) – 84-е место, расположившись между Фиджи и Филиппинами⁵. В рейтинге PISA (Programme for International Student Assessment) по разным показателям Россия занимает 20–30-е места⁶. В рейтинге эффективности национальных систем образования – 34-е место⁷. По качеству начального образования (Quality of Primary Education) Россия оказалась на 50-м месте, ниже Индии, хотя и выше Сейшельских островов⁸. В качестве положительной статистики можно отметить, что отдельно по расходам на высшее образование Россия находится на вполне приличном уровне, сопоставимым с Италией, Испанией, Германией, Францией, Японией (0,9–1,2% ВВП), хотя стоит ниже США, Великобрита-

³ Президент России подписал указ о запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2023. 12 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/67889/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Education Index // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ Global Education Expenditure // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Programme for International Student Assessment. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Programme_for_International_Student_Assessment (accessed: 12.09.2023).

⁷ Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment> (дата обращения: 12.09.2023).

⁸ Рейтинг стран по качеству начального образования // Nonews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/quality-primary-education> (дата обращения: 12.09.2023).

нии, Канады, Швеции, Республики Корея (1,4–2,5% ВВП)⁹. В целом для страны, претендующей на лидирующие позиции в мировом сообществе, результаты весьма скромные. И, конечно, разрабатывая реформу национальной системы, необходимо учитывать опыт различных стран как в негативном, так и в позитивном ключе. И подобный анализ, по идее, должен быть как-то представлен, поскольку необходимо ясное понимание того, что оказалось позитивным и что негативным при вхождении в Болонский процесс (в который мы не входили, но в соответствии с которыми последние 20 лет развивалась наша система образования) и что мы хотим оставить (или вернуть), говоря о том лучшем, что накоплено нашей системой образования.

Наряду с этим вопросом необходимо, если мы действительно говорим о «реформе», ответить еще на целый ряд вопросов. Так, система образования составляет единое целое, включая начальное и среднее образование. При этом просто говорится о том, что сохраняется ЕГЭ. Хотелось бы понять, как нынешняя реформа повлияет на эту ситуацию. По крайней мере должен быть анализ того, почему необходимо сохранить ЕГЭ. Хотелось бы получить аргументированное обоснование этой позиции. Ведь совершенно не случайно этот экзамен подвергается такой критике. ЕГЭ занял совершенно немислимое место в общественном пространстве, поскольку стал критерием оценки не только учащегося, но и учителя, и школы, и региона. И здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой – смещением акцента с собственно обучения на формы контроля. Сохранится ли управление системой образования в том виде, в каком оно существует сейчас? А это напрямую затрагивает вопрос о положении учителя в школе и преподавателя в вузе. Изменит ли реформа эту ситуацию к лучшему или нет? Ведь уже дошло до того, что предлагается направлять в среднюю школу (для учеников с 5-го по 9-й класс) учителей без высшего образования¹⁰! Говорить о престиже учителя в этой ситуации, когда больше трети занятого в экономике населения имеют вузовские дипломы, не приходится¹¹. Понятно, что эта мера об-

⁹ Государства в образовании становится все больше // Коммерсантъ. 2022. 21 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5192784> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁰ Учителей разрешат недоучивать. В Министерстве просвещения предположили, что предметникам хватит среднего профобразования // Коммерсантъ. 2023. 20 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6054698> (дата обращения: 12.09.2023).

¹¹ По рейтингу Educational attainment of 25-64 year-olds (2021) Россия входит в пятерку стран с самым высоким процентом людей, имеющих высшее и среднее специальное образование. См.: Population with tertiary education // OECD data. URL: <https://data.oecd.org/eduatt/population-with-tertiary-education.htm#indicator-chart> (accessed: 15.09.2023).

суждается в связи с дефицитом учителей, но необходим глубокий анализ того, что этот дефицит вызвало и вызывает. Вообще об униженном положении обучающихся в системе образования необходим отдельный разговор, и серьезная реформа должна бы эту проблему также затронуть.

Без ответа остаются и другие вопросы, которые затрагивают болевые точки нашей системы образования. В частности, как можно говорить о будущем технологическом первенстве в стране с весьма низким уровнем начального образования? Получается, что дети из весьма посредственной начальной школы с 5-го по 9-й класс попадают к учителям без высшего образования. А это как раз те годы, когда закладываются общие основы умения учиться. И как соотносятся гуманитарная и естественнонаучная составляющие образования? А это соотношение напрямую связано с проблемой того, какую основную цель ставит система образования, и, соответственно, с проблемой фундаментальности. Либо мы говорим о формировании разносторонней личности, либо о формировании узкого специалиста, востребованного на рынке труда. И если мы ставим первую цель (разумеется, профессионализм будет востребован в любом случае), то отношение к гуманитарным дисциплинам должно быть существенно иным.

Очевидно, что те преобразования, которые названы «реформой», направленной на создание национальной системы образования, таковой не являются. В лучшем случае речь идет о некотором «совершенствовании» существующей системы, не затрагивающей ее коренных основ. При этом нет никаких сомнений, что действительная реформа крайне необходима, если думать о будущем страны.

Компетентностный подход и компетенции. Как отмечалось выше, к июню 2023 года должны были быть разработаны стандарты, которые регулируют содержание нашей образовательной системы. Возьмем стандарты высшей школы, которые менялись за последнее десятилетие трижды (что само по себе совершенно ненормально), при этом хотелось бы обратить внимание на тот аспект стандартов, который связан с пресловутым переходом от так называемого «знаниевого» подхода к «компетентностному».

В свое время целью перехода было развивающее обучение, ориентация на творчество и, соответственно, свободное развитие человека, обладающего высокими профессиональными качествами в ключе гуманистической педагогики. Ключевым словом, вокруг которого выстроены в соответствии с новой идеологией стандарты и которое, как заклинание, повторяется в тысячах статей и диссер-

таций по педагогике, стало слово «компетенция». Замена «знани-евого» подхода «компетентностным» была представлена как переход от обучения тому, «что делать», к «как делать», как движение от пассивного восприятия информации к активному формированию личности (достаточно упомянуть работы В. А. Трайнева, В. И. Байденко, В. К. Загвоздкина, И. А. Зимней, А. Г. Каспржака, Н. Н. Абакумовой и др.). Вокруг слова «компетенция» поднят колоссальный информационный шум, все образовательные стандарты были перестроены с использованием этого слова, и оно приобрело чуть ли не сакральный характер. Тем не менее, как ни странно, серьезного позитивного продвижения данный подход не дал. С. В. Бобрышов и Л. А. Саенко справедливо говорят о том, что в высшей школе вполне сохраняется «ЗУНовская» модель обучения. При этом ни о какой индивидуально-личностной направленности говорить не приходится, поскольку у студентов не формируются навыки, носящие надпрофессиональный характер. А собственно к компетенциям преподаватели относятся очень скептически. «Но проблема ли это самих компетенций? Конечно, нет. Это проблема понимания их смысловых и сущностно-содержательных основ, а также организации работы по их претворению в жизнь» [Бобрышов, Саенко 2016, 17].

Обсуждение данной проблемы привело к пониманию, что отношения между названными подходами гораздо сложнее, что нужно точнее понять их взаимоотношение и т. д. Совершенно ошибочно противопоставлять фундаментальность, связанную с глубоким освоением определенных областей знания, профессиональной направленности обучения. «Фундаментальное знание как отражение основ фундаментальной науки всегда было и останется тем основанием, на котором всегда можно возвести любое новое здание прикладного знания» [Жукоцкая, Чёрненькая 2017, 68]. Обнаружилось, что слово «компетенция» потеряло тот смысл, который в него вкладывали пионеры гуманистической педагогики. В наши РП и ФОСы заложено химерическое представление о компетенциях. Нормальное, принятое в мировой педагогической практике, ориентируется на простую проверку формирования определенных навыков либо на понятный и проверяемый набор умений в определенной профессиональной деятельности. Скажем, ребенок знает алфавит или умеет читать с определенной скоростью либо студент, обучающийся бухгалтерии, приобрел компетенцию – работать с использованием определенной компьютерной программы. Пример качественного использования компетентностного подхода можно

найти, скажем, в программе подготовки специалистов в области общественного здоровья, разработанной Советом по образованию и общественному здоровью (Вашингтон). Берется такая компетенция – уметь использовать статистические компьютерные программы для анализа данных по здоровью. Способ проверки достижения данной компетенции – провести регрессивный анализ, используя SAS (Statistical Analysis System)¹². Пример хорошо отработанного компетентностного подхода дают в своей книге Д. Финн III и М. Финн. Выбираются понятные и проверяемые ключевые показатели по ряду предметов, касающиеся уровня освоения отдельных дисциплин («Данные по уровням»), например уметь «находить процент от величины как процент на 100 (например, 30% от величины означает 30/100 от величины); решать задачи на нахождение целого, заданного частью и процентом» [Finn, Finn 2020, 26]. «Данные по уровням» разбиваются и дополняются «Данными по конкретным стандартам», которые могут характеризовать успехи отдельных студентов. Все это позволяет преподавателю четко видеть картину успеваемости и контролировать процесс обучения, культивируя в то же время автономию студентов. Так, учителя ориентируются на организацию самостоятельной работы учащихся, которым предлагается известная автономия и самоорганизация [Finn, Finn 2020, 121]. Хороший пример компетентностного подхода, при котором получение знаний дополнено конкретным списком умений и организовано так, что есть возможность их поступенчатой проверки, можно увидеть в учебнике по информационной безопасности. Здесь во второй части книги по всем разделам учебника умения сразу формулируются и как показатели, например: «Виды деятельности / индикаторы:

- Определить и описать различные операционные системы для мобильных устройств, используемых в бизнес-операциях.
- Объяснить особенности каждой операционной системы.
- Обсудить, почему организация может использовать одно устройство вместо другого.
- Обеспечить правильное цитирование любых внешних материалов» [Alsmadi et al. 2018, 304].

Однако в нашем педагогическом дискурсе в значении слова «компетенция» смешались оценка уровня социализации, стандартизация профессиональной подготовки и вообще любое умение разного рода и качества. В результате выстраивается странное

¹² Competencies and Learning Objectives Council on Education for Public Health. URL: http://ceph.org/assets/Competencies_TA.pdf (accessed: 16.09.2023).

представление о том, что компетенции могут формироваться поэлементно. Безусловно, отдельные умения последовательно соединяются, дополняя друг друга. Но в других случаях, как, например, с языком, это не получается, потому что язык осваивается сразу как система, и он представляет собой не сумму отдельных элементов, а их организованную целостность. Слово – это не сумма букв, и предложение – это не сумма частей речи. Поэтому же нельзя «поэлементно вырабатывать такие компетенции, как умение мыслить, исследовать, применять знания на практике. А именно такой подход заложен при составлении ФГОС, в которых предполагается, что отдельные компетенции формируются отдельными предметными дисциплинами» [Донских 2013, 39]. Невозможно и проверить, сформированность таким образом задаваемых компетенций. Как, скажем проверить, понимает ли человек «значение гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации» и тому подобных? Примеры легко умножить. Таким образом, обнаруживается путаница значений слова «компетенция» (аспекты и уровни социализации либо элементы общей и профессиональной подготовки), что приводит к тому, что в настоящее время рабочие программы, составленные в соответствии с ФГОСами, превратились в самодостаточные документы, которые практически не могут быть использованы преподавателями в процессе обучения, а необходимы лишь для формальных процедур аккредитации вузов. Неопределенность и смешение разных значений характеризуют прокламируемый переход от «знаниевой» парадигмы к «компетентностной».

Услуга. Следующее слово, которое в нашем образовательном дискурсе приобрело совершенно одиозный смысл, – «услуга». Высочайший стандарт служения (образовательной услуги) учителя в свое время задал Кришнамурти в своей книге «Обучение как услуга», где он пишет, что учителя и учеников объединяет божественная жизнь, и поэтому он дает им силу и вдохновение. Т.е. учитель передает ученикам «все самое высокое, что есть в нем самом, и он может быть совершенно уверен, что не найдет ни одного мальчика, который не откликнулся бы в какой-то степени в своем собственном высшем “Я”, каким бы незначительным ни был этот отклик для учителя» [Krishnamurti 2017, 19]. Идея услуги как служения разделяется и другими учеными и преподавателями. Детальный анализ понятия дает Брюс Макфарлен, который говорит о том, что это понятие не является чем-то единым, а существует много различных традиций, относящихся к разным народам и разным историческим

периодам. Здесь и служение Богу, и государству, и гражданам, можно служить знанию и интеллектуальной истине. И современная система высшего образования так или иначе относится ко всем этим традициям. Она претендует на подготовку “хороших граждан”, но определение «хорошего гражданина» вовсе не очевидно. В самом общем виде «это человек, обладающий необходимыми навыками для работы в современной экономике, интеллектуальной независимостью и уверенностью в себе, а также характером, взглядами и ценностями, позволяющими вносить позитивный вклад в жизнь общества» [Macfarlane 2007, 27]. Ни одно из этих значений не позволяет говорить об услуге в чисто рыночном смысле. Об образовании как миссии публичного служения говорят и другие авторы [Archer, Schuetze 2019; Papadimitriou, Boboc 2021; Kirsti et al 2023]. Конечно, финансовая сторона дела не может игнорироваться. И необходим анализ того, как стремление к получению прибыли, необходимое для выполнения миссии высшего образования, может вступать и вступает в противоречие с самой миссией, и этот вопрос не имеет простых решений [Weisbrod, Ballou, Asch 2008].

У нас же этот идеал услуги – высшего служения был перенесен в контекст обучения из экономики, и, когда он попал в Закон об образовании, то сразу резко снизил статус как учителя, так и преподавателя университета. За этим словом, безусловно, стояла беспримесно рыночная идеология. Замечательный пример соответствующего понимания можно найти в статье И. Б. Романовой, для которой образовательная услуга – это ««трудовая деятельность экономической единицы, направленная на удовлетворение потребности некоторого субъекта в образовании (т.е. в приобретении систематизированных знаний, умений и навыков), осуществляемая с предварительного согласия данного субъекта» [Романова 2005, 28]. Здесь уже учитель превращен в «экономическую единицу». В этом дискурсе учащиеся и студенты превращаются в «потребителей образовательной услуги», а студенты, в дополнение, еще и в «товар, востребованный на рынке труда». Таким образом, вводится терминология рабского общества. Соответственно, цель вуза – «обеспечить оптимальное насыщение рынка труда работниками нужной квалификации...» [Браверман 1997, 539]. Критикуя подобный подход, О. В. Сагинова подытожила его в формуле: «Вуз – «производитель товара в виде молодых специалистов» [Сагинова 2003, 50]. Когда слово «услуга» попало в нормативные и правовые документы, оно вызвало массу гневных откликов, которые были проигнорированы. К слову «услуга» добавили слово «качественный», и, со-

ответственно, целью деятельности преподавателя стало «оказание качественных образовательных услуг». Это имело ряд следствий. Так, наряду со снижением статуса одним из важнейших была потеря воспитательной составляющей. В течение 20 лет это слово заполняло информационное пространство, пока, наконец, не стало очевидным, что оно несет вовсе не нейтрально-научный (как если бы оно использовалось в чисто научном экономическом дискурсе), а крайне вредный смысл, и что образование – это нечто большее. В конце 2021 года термин «услуга» убрали из официальных документов, и министр просвещения сказал, что учитель, педагог не оказывает услугу, что это призвание, миссия, но не услуга¹³. Но вполне можно предположить, что нынешний недостаток учителей вызван в том числе и введением в оборот этого слова. Использование слова «потребитель» также требует внимания, поскольку превращает студента в пассивного участника образовательного процесса. На вопиющее противоречие между декларируемой экономико-ориентированным компетентностным подходом «активной позицией» обучающегося и превращением того же обучающегося в «потребителя» (будь он квалифицированный или нет) внимание не обращается. Это лишний раз подчеркивает необходимость прояснения слов и связанных с ними понятий.

Подводя определенный итог периоду господства слов «компетенция» и «услуга», В.Н. Стегний справедливо пишет, что «миссия образования – это не услуга, а формирование личности. Если оно формирует личность, то формирует и специалиста. Эффективность деятельности специалиста на 70–80% зависит от того, подготовлен ли он как личность. Эта взаимосвязь в инновационном, знаниевом обществе усиливается» [Стегний 2018, 17]. Таким образом, переплетение значений данных слов не только внесло в понимание обучения в целом и в сообщество, причастное к обсуждению данных проблем, двусмысленность и нечеткость (которые до сих пор представлены в обсуждениях), но и оказало негативное социальное влияние. Мы возвращаемся к дореформенному пониманию слова «услуга» как служения, но слово «компетенция» пока остается не проясненным и практически бессмысленным. Неслучайно у преподавателей, кроме раздражения, оно ничего не вызывает.

Гуманитарная составляющая образования. Выше, говоря о целях реформы, мы уже коснулись вопроса о «гуманитарной составляющей образования». Теперь стоит поговорить о смысле самого это-

¹³ «Образование – это не услуга», – министр просвещения // Накануне.ru. 2021. 30 авг. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/08/30/22617733/> (дата обращения: 15.09.2023).

го выражения. Фундаментальность требует серьезного пересмотра программ обучения на основе правильного баланса гуманитарных, математических, естественнонаучных и технических знаний. Но, как мы видим, русский язык уже не в приоритете для инженеров¹⁴, поэтому по крайней мере о гуманитарной их образованности можно забыть. Очень серьезной проблемой является тот факт, что школьники практически перестали читать классическую русскую литературу, перейдя на ознакомление с сокращенными до нескольких страничек пересказами классических произведений. Между тем великая русская литература не только воспитывает вкус к родному языку, но и формирует традиционные ценности. Исключительно важен и курс речевой культуры, умение писать сочинения, конспекты. К этому необходимо прибавить знание отечественной истории. И только тогда можно будет говорить о передаче культуры и, соответственно, ее ценностей от одного поколения к другому.

Однако назвать эти дисциплины (русский язык, литературу, историю) «гуманитарной составляющей» – не только очень узко, но и принципиально неправильно. Потому что данные дисциплины направлены на формирование гражданина, человека определенной национальной культуры. Безусловно, и другие дисциплины направлены на формирование определенных способностей, мировоззрения. Скажем, еще Ломоносов говорил о том, что математика нужна хотя бы потому, что она «ум в порядок приводит». Но без хорошего знания родного языка и основ национальной культуры человек не может считаться полноценным гражданином своей страны. Гуманитарные дисциплины составляли стержень гимназического образования в дореволюционной России, во многом заимствовавшей систему обучения в Германии. Если взять программу обучения, развиваемую директором одной из самых знаменитых гимназий России Л. И. Поливановым, то она давала классическое гуманитарное образование, которое дополнялось затем в университете. Человек приобщался к европейскому научному и культурному наследию. И одновременно он оставался хранителем национальных традиций, был настроен на созидательную профессиональную деятельность в России. «Такой человек должен уметь самостоятельно мыслить, рационально действовать, не теряя идеалистического настроения, веру в идеалы: словом, все, что красит жизнь и делает ее разумной» [Шарапова 2007]. Из гимназий был прямой путь в университеты, где социально-гуманитарные пробле-

¹⁴ Минобрнауки снизит акцент на русский язык при приеме в инженеры // РИА Новости. 2023. 3 февр. URL: <https://ria.ru/20230203/aktsent-1849617602.html> (дата обращения: 15.09.2023).

мы занимали важнейшее место. Так, известный русский историк А. А. Кизеветтер видел своеобразие Московского университета в объединении «требований науки с запросами общества, органическом сочетании преданности научной истине со служением социальному благу» [Кобыльсков 2020, 49].

В этих условиях гуманитарные знания занимали, без сомнения, центральное место. Упрощая ситуацию, можно сказать, что фактически уже в советское время, когда для того, чтобы обеспечить индустриальное развитие страны, создаются специализированные институты, количество гуманитарных дисциплин сокращается, замещаясь специальными. А уже когда на базе этих институтов возникло значительное число университетов, гуманитарные дисциплины превратились в одну – и далеко не самую важную – составляющую образования. При этом компетентностный подход добавил и свою ложку дегтя. В результате происходит процесс, который обозначается как смена «знаниевого» подхода «компетентностным». Соответственно, повышается роль курсов, направленных на практические умения и овладение технологиями, но при этом существенно снижается уровень общей культуры студентов. Те преподаватели, которые ориентированы на передачу чисто профессиональных навыков, уверены, что гуманитарные дисциплины, в частности, философию, социологию, культурологию, совершенно не нужны выпускникам технических вузов, более того, они мешают глубокому освоению специальных предметов. «Нам представляется, что реализация такого сценария будет иметь весьма негативные последствия не только для научно-технического прогресса, но и для социально-гуманитарного развития общества» [Тхакушинов и др. 2019, 183]. Эти же авторы справедливо пишут, что Болонский процесс пропагандирует мысль об образовании как товаре, как об услуге, и, соответственно, продавцы (Минобрнауки и учебных заведений) пытаются продать поменьше, но подороже, а покупатели пытаются купить больше, но подешевле. «В этой консьюмеристской модели взаимодействия утрачивается осознание культурной миссии образования, его духовная составляющая обесценивается, отношения участников образовательного процесса обезличиваются» [Тхакушинов и др. 2019, 183].

Таким образом, выражение «гуманитарная составляющая» оказывается прямым следствием дегуманизации образования. Во многом это происходит под давлением бизнеса и в других странах. Весьма характерную картину в этом отношении рисуют во введении к своему исследованию М. Берубе и Дж. Рут [Bérubé,

Ruth 2015]. В книге, посвященной ценности гуманитарного знания, Х. Смол пишет, что тема окружена туманом разных пониманий, существенно затрудняющим постановку проблемы, поскольку в условиях принятия практических решений хорошо бы понимать, что существует множество различных способов, с помощью которых гуманитарные науки могут быть признаны общественно значимыми. Желательно «осознавать различные смыслы термина “ценность”, различные контексты, в которых они используются, и совершенно разные виды вклада в общественное благо» [Small 2013, 2]. В книге анализируется пять аргументов в пользу изучения гуманитарных дисциплин: они обучают поискам смысла в различных культурных практиках, учат человека интерпретировать и оценивать их; гуманитарные науки полезны в их противостоянии давлению на общество со стороны экономических интересов; они вносят вклад в наше коллективное благополучие, давая жизни дополнительный материал для наслаждения; они необходимы для развития демократии; они обладают огромной внутренней ценностью сами по себе [Small 2013, 4–6]. Можно добавить к этому, что в современном быстро меняющемся обществе всестороннее развитие личности не менее, если не более, важно, чем профессиональная подготовка, уже хотя бы потому, что необходимо уметь учиться, осознавать свое место в обществе и т. д. Почему в сложной ситуации оказалось необходимым трансформировать курс истории и вводить курс «Основы российской государственности»? И если декларируется, что необходимо вернуться к фундаментальности образования, то обойтись без гуманитарных дисциплин в качестве системообразующих невозможно. Стоит заметить, что вопрос о ценностях, а именно их несут в первую очередь гуманитарные науки, возникает каждый раз, когда страна оказывается в сложной ситуации. Так, вопрос о британских ценностях был поднят в 2005 году из-за событий в Ольстере и позже усилился благодаря влиянию исламистов. Это показывают в своей книге Л. Ревелл и Х. Брайан [Revell, Brian 2018, 8–12].

В мировом контексте «гуманитарная составляющая» оказывается прямым следствием дегуманизации образования. Но к этому у нас добавилась идеология утилитаризма и потребительства, что сделало гуманитарные дисциплины добавкой к «нужным» дисциплинам. Это привело к тому, что ключевая задача образования – формирование граждански ответственной личности – ушла на задний план.

Фундаментальность. Есть еще один аспект, связанный с понятием фундаментальности: как же все-таки он понимается? Так, когда образование трансформировалось в соответствии с принципами

Болонского процесса, говорилось о том, что мы должны сохранить лучшее, что накоплено отечественной системой образования. Именно фундаментальность и является главной ее особенностью. В западном дискурсе проблема фундаментальности образования обсуждается совершенно иначе, в первую очередь речь идет об ориентации на фундаментальные естественнонаучные дисциплины. У нас же преимущественно говорится о фундаментальности в плане широты и глубины образования. Именно фундаментальность была подорвана прошедшими преобразованиями программ, и необходимость ее возвращения хорошо осознана. Например, ректор МГУ В.А. Садовничий говорит о необходимости объединения со средней школой и выбрать правильный вектор тех реформ, которые мы собираемся проводить. «Наша позиция состоит в том, что главным вектором образования необходимо сделать поддержку фундаментального образования»¹⁵. Но слово «фундаментальность» понимается существенно по-разному, и, соответственно, по-разному понимается вектор образования. Одни авторы понимают ее как более углубленную подготовку по заданному направлению – «образование вглубь». Другие – как разностороннее гуманитарное и естественно-научное образование на основе овладения фундаментальными знаниями – «образование вширь»¹⁶. Кроме того, под этим словом понимается подготовка специалиста на базе фундаментальных наук. Или мы имеем дело с таким определением как процесс взаимодействия человека с интеллектуальной средой, когда личность «воспринимает ее для обогащения собственного внутреннего мира и благодаря этому созревает для умножения потенциала самой среды»¹⁷. Если принять во внимание эту разнородность, то утверждение, что мы возвращаемся к фундаментальности образования, может означать весьма разные вещи.

Стоит заметить, что в целом ряде документов начиная с 2000 года («Национальная доктрина образования Российской Федерации» (2000), «Концепция модернизации российского образования на

¹⁵ Валерий Фальков: в основе любых изменений должна быть простая интегральная характеристика — качество образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2023. 19 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68132/> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁶ Основные направления и тенденции развития высшего образования / ModernStudy: Современная педагогика. URL: <http://www.modernstudy.ru/pdds-4203-16.html> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁷ Основные направления и тенденции развития высшего образования / ModernStudy: Современная педагогика. URL: <http://www.modernstudy.ru/pdds-4203-16.html> (дата обращения: 16.09.2023).

период до 2010 года» (2001), Федеральный закон «Об образовании» (2012)) в качестве ориентиров развития отечественного образования называются «гуманизация и гуманитаризация», «деидеологизация и демократизация», «доступность» и «светский характер», «фундаментальность», «конвергенция образования, интеграция национальных систем в мировую образовательную систему» [Миронов 2014, 184]. Но если двадцать лет система образования развивалась в этом направлении, то почему опять нужно говорить о возрождении гуманитаризации и фундаментальности? Либо это понималось как-то не так, либо не реализовывалось. Таким образом, фундаментальность в контексте дискурса о национальной системе образования, в отличие от западных систем, понимается как широкое общее образование, включающее гуманитарные дисциплины в качестве стержня. И поэтому если мы хотим, чтобы национальная система образования обладала этими качествами, декларацию о возвращении фундаментальности нужно четко прояснить.

Аспирантура. Еще одно слово с плавающим значением – «аспирантура». Несмотря на то, что институт аспирантуры был трансформирован под влиянием западных моделей, лингвистическое значение самого слова приобрело чисто отечественные коннотации. В 2012 году аспирантура становится «третьей ступенью образования». Возникло глубинное противоречие: аспиранту вместо положения научного сотрудника (каковым он по идее является, поскольку результатом его работы является научное исследование – диссертация) предлагается положение обучающегося, результатом пребывания которого в учебном заведении становится набор пройденных курсов и выпускная квалификационная работа. Это противоречие хорошо заметно из выступления главы Минобрнауки РФ Дмитрия Ливанова, который объявил, что аспирантура стала третьим этапом высшего образования. При этом он оговорился, что аспирантура необходима для формирования ученого¹⁸. Результат известен: 1) резко упал статус аспиранта. 2) Аспиранту резко сократили объем времени для занятий собственно наукой. Так, согласно пункту 21 ФЗ от 19 ноября 2013 года № 1259 был установлен объем программы за один учебный год, который для очной формы обучения составил 60 зачетных единиц (не включая факультативных дисциплин). Если исходить из того, что одна зачетная единица – это 36 академических часов, то общий объем программы – 2 160 академических часов, или почти 70 часов в неделю. При этом сроки

¹⁸ Ливанов: диссертация останется обязательной для аспирантов // РИА Новости. 2013. 20 дек. URL: <https://ria.ru/20131220/985464758.html> (дата обращения: 15.09.2023).

обучения в аспирантуре не изменились [См.: Донских 2023, 38–39]. Желание поступать в аспирантуру резко снизилось (в 2018 году общее количество аспирантов было на 42,3% меньше, чем в 2010) [Кашина 2020, 60]. И, конечно, от этого пострадал престиж науки: если получить рекомендацию в аспирантуру в советское время было высшей оценкой студента-выпускника, то в перестроечное время, в частности после превращения аспирантуры в «третью ступень», стремление в науку активно гаснет. Согласно социологическим опросам желание стать ученым было весьма невысоким. В частности, в 2016 году лишь 32% населения положительно отнеслись бы к тому, чтобы их ребенок сделал карьеру научного сотрудника. А, например, в США и Израиле «абсолютное большинство жителей поддержали бы своего ребенка в выборе научной карьеры» [Власова и др. 2018, 25]. Как и с «услугой», преобразование аспирантуры резко критиковалось многими учеными, но их мнение было так же точно проигнорировано. Через десять лет, когда даже административным кругам стало ясно, что с институтом аспирантуры неладно, ей возвращают прежний статус¹⁹. Численность поступающих в аспирантуру заметно возрастает. И вот нынешняя реформа опять выделяет аспирантуру «в отдельный уровень профессионального образования»²⁰.

В отношении института аспирантуры мы опять стоим перед вопросом: аспирантура – это в первую очередь наука или образование? Если первое, то, при любых оговорках, нужно бы говорить о «первой ступени научной деятельности», а при возвращении к «уровню образования» вполне может вернуться и соответствующее отношение.

Заключение

Итак, проведенный анализ показывает, что, обсуждая проблемы образования в контексте проводимой в настоящее время реформы, необходимо очень внимательно относиться к словам, которые при этом используются, начиная с самого слова «реформа». Опыт ис-

¹⁹ Аспирантура переходит в научный формат // Министерство науки в высшего образования РФ. 2022. 21 марта. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48657/> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁰ Президент России подписал указ о запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования // Министерство науки в высшего образования РФ. 2023. 12 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/67889/> (дата обращения: 15.09.2023).

пользования неправильных и неточных слов в истории трансформации нашей системы образования ведет к неясным формулировкам целей намечаемых изменений и, соответственно, к невозможности их качественно реализовать. Представляется, что уточнение понятий в рамках данного дискурса является одним из важнейших необходимых условий успешности предлагаемых мер.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бобрышов, Саенко 2016 – *Бобрышов С. В., Саенко Л. А.* Компетентностный и знаниевый подходы в профессиональном образовании: проблемные вопросы понимания и реалии применения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (109). С. 16–22.
- Браверман 1997 – *Браверман А. А.* Маркетинг в российской экономике переходного периода: методология и практика. М.: Экономика; КоМаркт Лтд., 1997.
- Власова и др. 2018 – *Власова В. В., Гохберг Л. М., Дьяченко Е. Л. и др.* Российская наука в цифрах. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018.
- Донских 2013 – *Донских О. А.* Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 36–45.
- Донских 2023 – *Донских О. А.* Нашему образованию нужен косметический ремонт или полная реконструкция? // ЭКО. 2023. № 5. С. 33–53. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-5-33-53
- Жукоцкая, Чёрненькая 2017 – *Жукоцкая А. В., Чёрненькая С. В.* Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство // Вестник МГПУ. Сер. Философские науки. 2017. № 3 (23). С. 64–71.
- Кашина 2020 – *Кашина М. А.* Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 8/9. С. 55–70. DOI: 10.31992/0869–3617–2020–29–8–9–55–70
- Кобыльсков 2020 – *Кобыльсков В. А.* Образовательные традиции в дореволюционной России в начале XX в. // Вестник СПбГИК. 2020. № 3 (44). С. 46–50.
- Миронов 2014 – *Миронов А. В.* Социальный феномен – образование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 1. С. 163–193.
- Романова 2005 – *Романова И. Б.* Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2005.

- Сагинова 2003 – Сагинова О. В. Маркетинг образовательных услуг // Маркетинг в России и за рубежом. 2003. № 5. С. 48–59.
- Стегний 2018 – Стегний В. Н. Содержание высшего образования в инновационно-информационном обществе // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2018. Т. 1. С. 13–18.
- Тхакушинов и др. 2019 – Тхакушинов А. К., Сиюхова А. М., Бибалова С. А., Триль Ю. Н. О роли гуманитарного цикла дисциплин в технологическом вузе в дискурсе социологии образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2 (41). С. 181–193. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-12019
- Шарапова 2007 – Шарапова Е. А. Л. И. Поливанов и его гимназия. URL: https://library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1191929830&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 15.09.2023).
- Alsmadi et al. 2018 – Alsmadi I., Burdwell R., Aleroud A., Wahbeh A., Al-Qudah M. A., Al-Omari A. Practical Information Security. A Competency-Based Education Course. Springer International Publishing AG, 2018.
- Archer, Schuetze 2019 – Preparing Students for Life and Work. Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Policies and Reforms Affecting Higher Education's Principal Mission / ed. by W. Archer, H. G. Schuetze. Brill Sense, 2019.
- Bérubé, Ruth 2015 – Bérubé M., Ruth J. The Humanities, Higher Education, and Academic Freedom. Three Necessary Arguments. Palgrave Macmillan, 2015.
- Finn, Finn 2020 – Finn D. E. III, Finn M. Scheduling for personalized competency-based education. Bloomington, IN: Marzano Resources, 2020.
- Kirsti et al 2023 – Cole K., Giordano J. B., Hassel H. A Faculty Guidebook for Effective Shared Governance and Service in Higher Education. Routledge, 2023.
- Krishnamurti 2017 – Krishnamurti J. Education as Service. Forgotten Books, 2017.
- Macfarlane 2007 – Macfarlane B. The Academic Citizen. The Virtue of Service in University Life. Routledge, 2007.
- Papadimitriou, Boboc 2021 – Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Global Perspectives / ed. by A. Papadimitriou, M. Boboc. Palgrave Macmillan, 2021.
- Revell, Brian 2018 – Revell L., Brian H. Fundamental British values in education. Radicalisation, National Identity and Britishness. Emerald Publishing, 2018.

- Small 2013 – *Small H.* The value of the humanities. Oxford University Press, 2013.
- Weisbrod, Ballou, Asch 2008 – *Weisbrod B. A., Ballou J. P., Asch E. D.* Mission and Money. Understanding the University. Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

- Alsmadi, I., Burdwell, R., Aleroud, A., et al. (2018). Practical Information Security. A Competency-Based Education Course. Springer International Publishing AG.
- Archer, W., & Schuetze, H. G. (Eds.). (2019). *Preparing Students for Life and Work. Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Policies and Reforms Affecting Higher Education's Principal Mission.* Brill Sense.
- Bérubé, M., & Ruth, J. (2015). *The Humanities, Higher Education, and Academic Freedom. Three Necessary Arguments.* Palgrave Macmillan.
- Bobryshov, S. V., & Saenko, L. A. (2016). Competence and Knowledge Approaches in Vocational Education: Problematic Issues of Understanding and Realities of Application. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5(109), 16–22. (In Russian).
- Braverman, A. A. (1997). Marketing v rossiyskoy ekonomike perekhodnogo perioda: metodologiya i praktika [Marketing in the Russian economy in transition: methodology and practice]. *Ekonomika*, TOO "KoMarkt Ltd."
- Cole, K., Giordano, J. B., & Hassel, H. (2023). *A Faculty Guidebook for Effective Shared Governance and Service in Higher Education.* Routledge.
- Donskikh, O. A. (2013). A competence-based approach case. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 5, 36–45. (In Russian).
- Donskikh, O. A. (2023). Does our education need a facelift or a complete overhaul? *EKO*, 5, 33–53. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-5-33-53>
- Finn, D. E. III, & Finn, M. (2020). *Scheduling for personalized competency-based education.* Marzano Resources.
- Kashina, M. A. (2020). Negative consequences of reforming Russian postgraduate education: analysis and ways of minimization. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 29(8/9), 55–70. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70>
- Kobyl'skov, V. A. (2020). Features and educational tradition in pre-revolutionary Russia of the 20th century. *Vestnik SPbGIK*, 3(44), 46–50. (In Russian). <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-46-50>

- Krishnamurti, J. (2017). *Education as Service*. Forgotten Books.
- Macfarlane, B. (2007). *The Academic Citizen. The Virtue of Service in University Life*. Routledge.
- Mironov, A. V. (2014). Sotsial'nyy fenomen – obrazovanie [Social phenomenon: education]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1, 163–193.
- Papadimitriou, A., & Boboc, M. (Eds.). (2021). *Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Global Perspectives*. Palgrave Macmillan.
- Revell, L., & Brian, H. (2018). *Fundamental British values in education. Radicalisation, National Identity and Britishness*. Emerald Publishing.
- Romanova I. B. (2005). *Upravlenie konkurentosposobnost'yu vysshego uchebnogo zavedeniya* [Managing the competitiveness of a higher education institution]. *Srednevolzhskiy nauchnyy tsentr*.
- Saginova, O. V. (2003). Marketing of educational services. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 5, 48–59. (In Russian).
- Sharapova, E. L. (2007, October 9). L. I. Polivanov i ego gimnaziya [L. I. Polivanov and his gymnasium]. https://library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1191929830&archive=&start_from=&ucat=&
- Small, H. (2013). *The value of the humanities*. Oxford University Press.
- Stegniy, V. N. (2018). Content of higher education in the innovation-information society. *Formirovaniye gumanitarnoy sredy v vuze, tekhnikume, shkole: innovatsionnyye obrazovatel'nyye tekhnologii. Kompetentnostnyy podkhod* [Formation of the humanitarian environment in universities, technical schools, schools: innovative educational technologies. A competence-based approach]. Conference Proceedings. Perm Polytechnic University. pp. 13–18. (In Russian).
- Tkhakushinov, A. K., Siyukhova, A. M., Bibalova, S. A., & Tril', Yu. N. (2019). On the role of the humanitarian cycle of disciplines in a technological university in the discourse of education sociology. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2(41), 181–193. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12019>
- Vlasova, V. V., Gohberg, L. M., D'yachenko, E. L., et al. (2018). *Rossiyskaya nauka v tsifrakh* [Russian Science in Figures]. HSE.
- Weisbrod, B. A., Ballou, J. P., & Asch, E. D. (2008). *Mission and Money. Understanding the University*. Cambridge University Press.
- Zhukotskaya, A. V., & Chyornen'kaya, S. V. (2017). Competence and knowledge approaches in education: struggle or unity. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, 3(23), 15–23. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 15.10.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.02.2024

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ АРГУМЕНТАЦИИ, ГЛУБОКОЕ РАЗНОГЛАСИЕ И РЕШЕНИЕ СПОРА (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУССИИ О ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ)

Е. Н. Лисанюк

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

e.lisanuk@spbu.ru

А. В. Шеваренкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия st064327@student.spbu.ru

Исследование поддержано РНФ, проект № 20-18-00158

«Формальная философия аргументации и комплексная методология
поиска и отбора решений спора».

Глубокое разногласие – это абнормальное расхождение во мнениях в споре. Рассмотрение подобного расхождения, развернувшегося в 2018 году в российских СМИ, при помощи методики, основанной на современных концепциях анализа аргументации, новой диалектике и логико-когнитивной теории аргументации, продемонстрировало потенциал цифровой визуализации, исключило интерпретацию решения как убедительного для сторон в содержательном смысле, но указало на компромиссный путь урегулирования разногласия как наиболее перспективный в условиях связи домогательств (харассмента) с дискриминацией, размытости социальных границ допустимости ухаживаний и отсутствия юридического определения домогательств как недопустимого поведения.

Ключевые слова: новая диалектика, логико-когнитивная теория аргументации, логика аргументации, оценка аргументов, критический вопрос, убеждение

VISUAL ARGUMENT MAPPING, DEEP DISAGREEMENT, AND DISPUTE RESOLUTION (A CASE-STUDY OF A HARASSMENT DISCUSSION)

Elena N. Lisanyuk

St Petersburg State University, Russian Federation
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

e.lisanuk@spbu.ru

Anastasia V. Shevarenkova

St Petersburg State University, Russian Federation
st064327@student.spbu.ru

The support from the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158: Formal Philosophy of Argumentation and Comprehensive Methodology of Search and Choice of Dispute Resolutions, is kindly recognized.

We aim at demonstrating the potential of digital visualization of argumentation in searching and defining dispute resolution, and studying argumentation in the discussion (launched by a harassment conflict in 2018) with the help of the conceptions of the new dialectics and the logical-cognitive theory of argumentation. The digital visualization is done using the OVA software. The conflict and the discussion revealed legal, moral, and social aspects of the harassment problem in Russia, which affected the dispute resolution. At the first stage of the discussion analysis, the visualization allows discovering and reconstructing the arguments in relation to the parties' divergence of opinions, and results in an argumentation map of the dispute, by means of which we establish the dispute outcomes at the second stage and determine the solution at the third stage. The advantage of the proposed method lies in the algorithm for determining the resolution of the dispute, to which digital visualization makes a significant contribution, acting as a convenient alternative of formalization. It allows identifying features of the argument, enhances the precision of argument evaluation by escaping from the risk of remaining indistinguishable in formulaic notation or flowcharts. The arguments resistant to the counterarguments form up the set of dispute outcomes, the subset of which convey the dispute resolution with respect to the type of dispute and the positions of the parties. The arguments are evaluated as sound or unsound by their replies to the critical questions formulated in relation to their structure, varying regarding the deductive, inductive, or plausible arguments. We reconstructed the discussion as two disputes about questions A: Did MP violate the norms of behavior by speaking or acting against the journalists? and B: Are actions like MP's behavior harassments? We grouped the opinions of the participants in the discussion into four points of view: A1 – he did not violate, A2 – he violated, B3 – they are not, B4 – they are; identified three arguments in defense of each of A1, B3, and B4, four arguments in defense of A2; and visualized the parties' positions and the outcomes of the disputes on three diagrams. The solution to the dispute A + B was the subset of four arguments that ensured the victory of A1 + B4: MP did not violate the norms of behavior for the lack of evidence of accusations, and this was not in his nature; harassments like MP's actions are unacceptable, and since signs of courtships can be interpreted in different ways, accusations of indecent behavior must be brought and investigated immediately. The inconsistency in the dispute resolution in favor of A1 + B4 (MP did not violate the norms of behavior + such actions are harassments), convincing for the parties in the technical sense

of the algorithm we employed, highlighted a deep disagreement between the parties about the admissibility of courtship. A deep disagreement is an abnormal divergence of opinions in a dispute, it ruled out the interpretation of the decision as convincing for the parties in a meaningful sense, but indicated a persuasive compromise way of resolving the disagreement.

Keywords: new dialectics, logical-cognitive theory of argumentation, argumentation logic, evaluation of arguments, critical question, persuasion

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-167-187

Цель авторов – продемонстрировать потенциал цифровой визуализации для картирования спора и определения его решения, а также для урегулирования глубокого разногласия. Примером дискуссии, где глубокое разногласие скрывается за тем, что мнения ее сторон по одним вопросам противоположны на фоне согласия сторон по другим вопросам, стало обсуждение конфликта по поводу домогательств на рабочем месте¹.

Развернувшаяся в СМИ дискуссия обнажила юридический, социальный и моральный аспекты проблемы домогательств. В российском законодательстве нет определений домогательства, а также харассмента – травли на рабочем месте необязательно с сексуальной целью, как недопустимых форм поведения, которые «должны быть отделены от других форм порицаемого поведения <...> и запрещены законом как харассмент» [Харитонов 2019, 57]. Социальная граница допустимости ухаживаний размыта, ее установлению мешают «элементы архаики, неотделенности семейного и сексуального в трудовых отношениях» [Стучевская 2008, 49]. Женщину морально унижает «непристойное предложение <...> в обмен на работу или другие льготы, <...> подчеркивая ее неравное положение с мужчиной» [Балабанов, Саралиева 2010, 8].

Методика анализа аргументации основана на концепции новой диалектики Д. Уолтона и логико-когнитивной теории аргументации Е. Н. Лисанюк и включает реконструкцию дискуссии, оценку аргументов и определение решения спора. Под аргументом мы

¹ Участники описываемых событий и дискуссии анонимизированы из соображений стиля, за исключением тех случаев, где анонимизация повлекла бы путаницу в указаниях на мнения сторон. Рассматриваемая ситуация (жалоба трех журналисток на поведение Депутата) представлена: Комиссия Госдумы по этике не усмотрела нарушения [Депутатом] поведенческих норм // Интерфакс. 2018. 21 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/604626>. Комиссия указала на признаки ангажированности обвинений журналисток, позже Депутат извинился и заявил, что не хотел обидеть журналисток и «границ не переходил» (Соколова К. «Харассмент — как вирус. И ситуация со мной — прививка от него» // СНОБ. 13.06.2018.

понимаем рассуждение, предлагаемое одной стороной в споре для достижения согласия другой стороны по поводу его заключения. Аргументы оцениваются при помощи критических вопросов, формулируемых относительно схемы аргументации каждого из них [Walton et al. 2008]. На логико-когнитивной теории аргументации основан алгоритм определения исходов спора как множеств аргументов, не отклоненных контраргументами, и решения спора – подмножества исходов, принадлежащих позиции той или иной стороны с учетом вида спора [Лисанюк 2015]².

Мы реконструировали рассматриваемую дискуссию о домогательствах как два спора по поводу вопросов А и Б, затронувших все три аспекта проблемы домогательств – юридический, социальный и моральный:

А. Нарушил ли Депутат нормы поведения высказываниями или действиями в отношении журналисток?

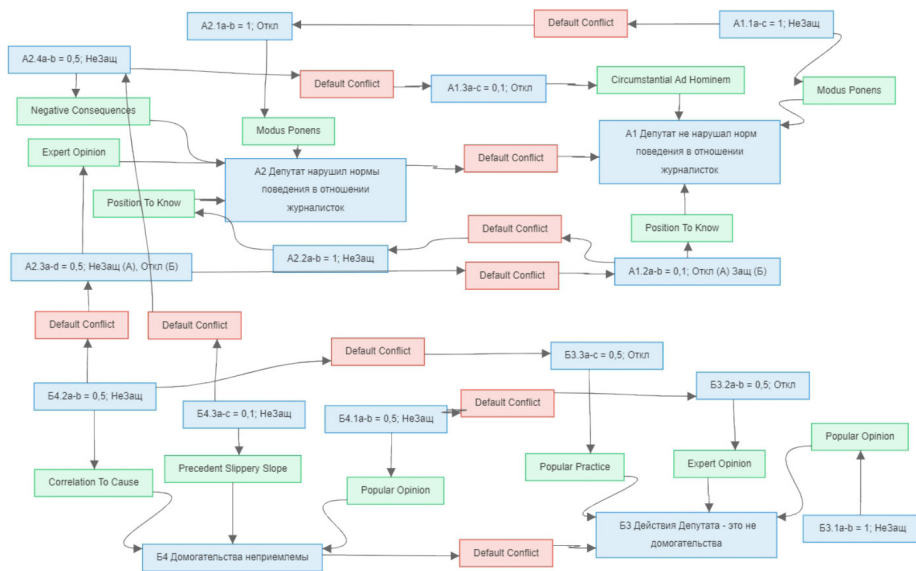
Б. Являются ли домогательством высказывания или действия вроде поведения Депутата?

Мнения участников дискуссии составили четыре точки зрения: А1 – не нарушал, А2 – нарушил, Б3 – не являются, Б4 – являются. В защиту А1, Б3 и Б4 было выдвинуто по три, а в поддержку А2 – четыре аргумента (ил. 1, 2). В споре А верх взяла точка зрения А2, затем отклоненная по итогам спора Б из-за аргументов в защиту Б4, нацеленных отклонить Б3 и опосредованно атаковавших А2 (ил. 3). Решением стало обеспечившее победу А1 + Б4 подмножество из четырех аргументов: А1.1 Депутат не нарушал нормы поведения за недоказанностью обвинений, и А1.2 это не в его характере; Б4.1 домогательства вроде действий Депутата неприемлемы, и Б4.3 обвинения в непристойном поведении необходимо предъявлять сразу, чтобы расследовать незамедлительно, а Б4.2 ухаживания можно расценивать по-разному.

Визуализация спора – неотъемлемая часть его реконструкции, помогающая установить содержание точек зрения, выявить аргументы, включая имплицитные, уточнить их схемы аргументации и определить вид спора. Ее итогом выступает аргументационная карта спора (схемы 1 и 2 на ил. 1 и 2 соответственно), дающая возможность определить решение спора путем оценки аргументов и подсчета исходов (схема 3 на ил. 3). Картирование аргументации широко используется в анализе аргументации (см., например: [Праккен 2018, Микиртумов 2018]).

² Подсчет исходов и решений выполняется на основе аргументационной карты спора, визуализирующей его посредством ПО OVA (<http://ova.arg-tech.org/>).

аргументов в ходе определения решения спора. В особенности это касается таких элементов строения аргументов, как демонстрация, т.е. связь посылок с заключением, – всегда имплицитный элемент строения каждого аргумента (отмечен ячейками зеленого цвета на схемах 1–3), и энтимематическое рассуждение, в котором одна или несколько посылок или заключение могут подразумеваться автором, не будучи высказаны явно.

Ил. 3. Схема 3. Картирование исходов Споров А и Б с оценкой аргументов

Благодаря визуализации посредством картирования открылась перспектива изучить общественную дискуссию целиком и детально при отсутствии отражающего ее единого текста. Из-за технических ограничений картирования при помощи традиционных блок-схем или формульной записи исследователи, как правило, имеют дело с отдельными аргументами, отрывками из транскриптов дискуссий или с предварительно подготовленными и сокращенными текстами, что рискует исказить результат. Визуализация посредством картирования позволяет существенно снизить влияние подобных технических ограничений на результат, благодаря чему мы смогли собрать и реконструировать мнения сторон, опубликованные в разных СМИ в течение нескольких месяцев 2018 года. Это позволило отбросить второстепенные ответвления дискуссии, установить ключевые точки зрения и аргументы сторон и сгруппировать вокруг них мнения десятков участников дискуссии, сократив количе-

ство персонажей нашего исследования до непосредственных участников конфликта по поводу домогательств и наиболее влиятельных персон общественной дискуссии. Кроме этого, визуализация позволила установить отношения поддержки и критики между аргументами сторон, сделав эксплицитными подразумеваемые, но явно не высказанные ими послышки или заключения.

Ответы на критические вопросы разделяют множество аргументов спора на сильно-состоятельные с условным числовым значением = 1, дающие на все критические вопросы ответы, совместимые с послышками и заключением, средне-состоятельные = 0,5 или слабо-состоятельные = 0,1, если ответам удается отклонить больше или меньше половины критических вопросов соответственно. На схеме 3 (ил. 3) состоятельность аргументов указана в ячейке послышки, объединяющей послышки каждого аргумента, развернуто представленного на схемах 1 и 2 (ил. 1, 2).

Подсчет исходов и определение решений споров базируются на формализме логики аргументации, согласно которому упорядочение множества аргументов спора осуществляется на ориентированном графе при помощи бинарного абстрактного отношения атаки *attack* [α , β] между аргументами, символизирующего критику, то есть отклонение аргумента β аргументом α , или контраргументацию *attack* [γ , α], отклоняющую аргумент α путем контратаки и тем самым возвращающую аргумент β как защищенный [Dung 1995]. Вместо графа и формализма мы положились на визуализацию споров через картирование, более удобную для содержательного анализа аргументации, но придерживались присущей логике аргументации терминологии атак, контратак и защит. Использование визуализации вместо формализации локализует интерпретацию исходов и решений спора, однако открывает перспективу формализованного анализа содержательной дискуссии. При помощи визуализации нам удалось обнаружить глубокое разногласие, скрывавшееся под рассогласованностью решений споров А + Б, что вряд ли было возможно сделать посредством формализации на графе.

Исходы спора устанавливаются в каждой паре аргументов, атакующих один другой. Аргумент отклонен (на ил. 3 обозначено как «Откл»), если он атакован равным или более состоятельным аргументом; не защищен (на ил. 3 обозначено как «НеЗащ»), если он атакован менее состоятельным аргументом или не атакован; защищен (на ил. 3 обозначено как «Защ»), если он был атакован аргументом, который был контратакован и отклонен. Позиция стороны с наибольшим

количеством не отклоненных, т.е. защищенных или незащищенных, аргументов считается наиболее убедительной. В споре А (ил. 1) наиболее убедительна А2, поддержанная незащищенными А2.2, А2.3 и А2.4, против незащищенного А1.1 в поддержку А1. В споре Б (ил. 2) наиболее убедительна Б4 с тремя незащищенными аргументами в свою поддержку против незащищенного Б3.1 в поддержку Б3.

Для определения решения спора в логико-когнитивной теории аргументации используется классификация споров по типу расхождения во мнениях, предложенная в формальной диалектике [Barth, Krabbe 1982] и принятая в современных диалектических концепциях аргументации [Еемерен, Гроотендорст 1994, 92–94]. Споры делятся на единичные и множественные по количеству предложений, составляющих содержание точек зрения сторон, и на несмешанные и смешанные – в зависимости от намерений сторон защищать свою точку зрения либо критиковать другие или делать и то и другое соответственно. Дискуссия по вопросу А – единичный смешанный спор, в котором авторы А1 стремятся доказать необоснованность А2. Для решения такого спора в пользу А2 достаточно, чтобы в множестве аргументов в ее поддержку нашелся хотя бы один защищенный аргумент, в противном случае в споре берет верх А1 оппонентов. По вопросу Б дискуссия вылилась в множественный смешанный спор, в котором каждая из сторон защищала свою точку зрения и опровергала противоположную. Для решения этого спора в пользу любой из сторон достаточно, чтобы в ее позиции количество не отклоненных аргументов превышало количество таких аргументов в противоположной позиции.

Единообразная оценка состоятельности дедуктивных, индуктивных и правдоподобных аргументов обеспечена специальным для каждого из них алгоритмом оценивания при помощи критических вопросов, что позволяет подсчитывать исходы спора с учетом качества аргументов. Правдоподобный аргумент – это рассуждение, дающее условно приемлемое заключение, выводимое из предположения об истинности какого-либо предложения при отсутствии данных об обратном, которое придется отбросить, если поступят новые данные о том, что предположение неверно. Правдоподобные аргументы часто считают ошибками аргументации, потому что их приемлемость является отменяемой относительно локальной оценки в споре, и аргумент, приемлемый в одном споре, может быть неприемлемым в другом споре, в отличие от дедуктивного и индуктивного аргументов, оценка корректности которых является глобальной и неотменяемой, так как зиждется на логической фор-

ме или вероятностной связи посылок и заключения, соответственно, и приемлемость аргумента не зависит от контекста спора, где его предъявили. Критические вопросы к дедуктивным аргументам проверяют их корректность и верифицируют посылки. Индуктивных аргументов в спорах А и Б обнаружено не было. Визуализация посредством цифрового картирования в OVA, в отличие от формализмов и графов логики аргументации, сделав эксплицитной демонстрацию и иные имплицитные элементы аргумента, внесла ключевой вклад в единообразную оценку состоятельности разных по демонстрации аргументов, чего трудно было бы достичь картированием при помощи формульной записи или блок-схем.

Глубокое разногласие — это абнормальное расхождение во мнениях. Оно указывает на бессилие дедуктивной или индуктивной аргументации в убеждении-доказательстве (conviction), исходящем из «допущения о том, что искреннее ясное мышление способно разрешить фундаментальные вопросы», чтобы преодолеть нормальное расхождение во мнениях — необходимое условие всякой дискуссии. В условиях глубокого разногласия стороны «могут соглашаться по всем историческим и статистическим вопросам, но все же расходиться во мнениях. Фактически, спор идет о *моральной позиции*» [Фогелин, 2021, 284]. При нормальном расхождении во мнениях стороны разделяют положения, образующие эпистемические, или процедурные, опоры для его преодоления, в отношении которых «сомнение исключено, <...> они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]» [Витгенштейн, 1994, 367], а глубокое разногласие есть отсутствие таких опор. Для его урегулирования требуется убеждение – уговаривание (persuasion), где главную роль играют правдоподобные аргументы, и непустое решение спора, если оно есть, предполагает компромисс [Лисанюк, Мазурова 2019] или отказ сторон от дальнейшей дискуссии по вопросу, обнаружившему глубокое разногласие [Feldman 2005].

В рассматриваемой здесь дискуссии о домогательствах глубокое разногласие касалось понимания сигналов о нежелательности знаков внимания: это часть культуры флирта, подразумевающего неявное согласие их адресатов на ухаживание – А1 и Б3, или они выражают явный отпор, превращающий ухаживания в домогательство – А2 и отчасти Б4?

В пользу первого с тезисом, что ухаживания мужчин за женщинами биологически обоснованы необходимостью продолжения рода и потому эволюционно предопределены, выступила профес-

сор СПбГУ Т. В. Черниговская³, доводы которой подразумевали отсутствие границы между ухаживаниями и домогательствами, см. Б3.2b и Б3.3a. В противовес этому выступили депутат VII созыва О. В. Пушкина⁴ и депутат VII и VIII созывов А. Б. Веллер⁵, негативно расценившие любые домогательства и настаивавшие на существовании границы между ухаживаниями и домогательствами, см. А2.3a и Б4.2a-b.

Позиция Б4 – домогательства недопустимы, и, чтобы их пресечь, в каждом случае требуется специально проводить границу между ними и знаками внимания, – высветила юридический и социальный аспекты проблемы домогательств и оказалась между полярными позициями сторон глубокого разногласия А1 + Б3 и А2. Сторонники проведения границы допустимости ухаживаний А2 и Б4 выступили солидарно в поддержку неприемлемости домогательств против сторонников А1, считающих домогательства ухаживаниями. Однако сторонники Б4 поддержали А1 в том, что не всегда эту границу можно установить, и поэтому рассматриваемая нами дискуссия о домогательствах – именно такой случай. Глубокое разногласие по вопросу границы допустимости ухаживаний удалось обнаружить благодаря визуализации путем картирования, когда на карту были нанесены посылки Б3.2b и Б3.3a и А2.3a и Б4.2a-b вместе с демонстрациями (схемами аргументации) аргументов, элементами которых они являются, что позволило установить отношения поддержки и критики между ними. В результате оказалось, что узловой аргумент Б4.2a-b настаивает на том, что различие в моральных установках людей есть причина того, что в одном и том же поведении одни могут видеть ухаживание, а другие – домогательство, стало быть, граница между ними есть, и знание о ней является распространенным, то есть известно многим, хотя и не всем. Б4.2a-b атакует и отклоняет не только отрицающие существование этой границы Б3.2b и (опосредованно) Б3.3a, но и А2.3a, утверждающий, что граница между ними существует и знание о ней является публичным, то есть его публичный характер общеизвестен в обществе. Это подсказывает, что в неизбежных дальней-

³ Её позиция, в частности, выражена: Черниговская Т., Шеварднадзе С. «Мир так устроен: барышня должна сопротивляться, а мужчина — проявлять настойчивость» // Spletnik. 08.03.2018.

⁴ В частности: «Оксана Пушкина предложила за домогательства лишать политиков должности» // РБК. 22.03.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/03/2018/5ab3e0009a79477dd47ae462>

⁵ Алексей Веллер. О сексуальном скандале вокруг коллеги по парламенту // СНОБ. 26.03.2018.

ших дискуссиях поляризация разногласия будет нарастать за счет тяготения сторонников позиции Б4 к одному из полюсов [Olsson, 2013] из-за психологического феномена групповой поляризации, а также когнитивной ошибки подтверждения [Канеман 2020, 436], пока не появится процедура урегулирования конфликтов по поводу домогательств в юридическом или моральном аспектах, позволяющая нивелировать социальный аспект этой проблемы.

Исходы и решения споров. В этом разделе мы оцениваем состоятельность аргументов при помощи критических вопросов, формулировки которых взяты из [Walton et al., 2008].

В защиту А1 было выдвинуто три аргумента: дедуктивный аргумент А1.1 об аудиозаписях и два правдоподобных аргумента – «отмнения сведущего» А1.2 и косвенный аргумент «к человеку» А1.3.

А1.1 – простая деструктивная дилемма:

- а) если *Депутат* нарушил нормы поведения в отношении журналисток, то он нарушил их высказываниями или действиями;
- б) неверно, что *Депутат* нарушил нормы поведения высказываниями или действиями;
- с) значит, неверно, что *Депутат* нарушил нормы поведения в отношении журналисток.

Посылка *a* обобщает вопросы, заданные журналисткам Комиссией по этике. Истинность *b* вытекает из консенсуса сторон, что «оригинальность высказываний Депутата у нас известна всем», по словам одного из членов Комиссии по этике. С этим согласилась одна из журналисток, выдвинувших обвинение, уточнив, что по этой причине журналистки старались не обращать внимание на своеобразную манеру поведения Депутата⁶. «Комиссия не правомочна давать экспертные оценки аудиозаписям»⁷, поэтому отсутствовала возможность аудиозаписью подтвердить действия, нарушающие нормы поведения. Общая оценка аргумента – 1, сильно-состоятельный.

А1.2 выдвинула Т. В. Плетнёва, депутат VII созыва, выступившая в роли сведущего – человека, в силу обстоятельств обладающего информацией:

- а) она хорошо знает коллегу Депутата много лет;
- б) она считает, что *Депутат* – «человек добрый и воспитанный, не мог так поступить»;

⁶ Соколова К. «Харассмент — как вирус. И ситуация со мной — прививка от него» // СНОБ. 13.06.2018.

⁷ Комиссия Госдумы по этике не усмотрела нарушения [Депутатом] поведенческих норм // Интерфакс. 2018. 21 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/604626>

с) *есть основание принять, что Депутат не мог так поступить.*

1. Обладает ли она достоверными сведениями, что Депутат не мог так поступить? Сомнительно.

2. Заслуживает ли она доверия как надежный источник сведений? Нет. Она не была свидетельницей происходящего и склонна виктимизировать журналисток. «Эти девочки-журналистки ходили бы поприличнее, одевались бы... не ходили с голыми пупками»⁸.

3. Утверждала ли она, что Депутат не мог так поступить? Да. «Он относился к женщинам с теплотой и никогда их не оскорблял»⁹.

Оценка аргумента – 0,1 слабо-состоятельный, так как ответы на критические вопросы 1, 2 несовместимы с а и b.

Правдоподобный косвенный аргумент к человеку А1.3 обобщает вывод, поддержанный Комиссией по этике о спланированной атаке на Депутата:

а) *журналистки обвиняют Депутата в непристойном поведении;*

б) *журналистки спланировали свои действия ради дискредитации Депутата и ГД;*

с) *обвинения журналисток в адрес Депутата в непристойном поведении предвзяты.*

1. Имеются ли среди утверждений журналисток несовместимые? Да. Комиссия нашла несовместимыми утверждения журналисток о непристойных действиях Депутата, имевших место несколько лет назад, с тем, что они продолжали работу в ГД и пожаловались на него только сейчас в связи с лоббированием неких политических интересов.

2. Удалось ли журналисткам объяснить эти несовместимые утверждения и отвести сомнения в своей надежности? Да. Журналистки пожаловались на Депутата каждая самостоятельно, они не могли действовать спланированно, так как до обвинений никогда не работали вместе.

3. Были ли лично журналистки предметом обсуждения? Нет, не были.

Общая оценка аргумента – 0,1 слабо-состоятельный из-за несовместимости ответов на вопросы 2 и 3 с b и c.

Корректность А2.1 обеспечена логической формой силлогизма:

а) *непристойные действия и предложение вступить в сексуальный контакт в обмен на содействие по работе – домогательства;*

⁸ «К женщинам он всегда относился с теплотой». Глава комитета Госдумы заступилась за <Депутата> // Esquire. URL: <https://www.pravilamag.ru/news/society-news/07-03-2018/45002-warm-slutsky/> (дата обращения: 06.12.2023).

⁹ Там же.

б) Депутат предлагал журналисткам вступить в сексуальный контакт в обмен на содействие по работе и совершал непристойные действия;

с) эти действия и предложения Депутата - домогательства.

Посылка *a* основана на определении термина «домогательство» [Харитонов, 2019]. Посылка *b* описывает жалобы журналисток на непристойные предложения Депутата в обмен на интервью по редакционному заданию. Сильно-состоятельный A2.1 = 1 был атакован A1.1 = 1 и отклонен.

Аргумент A2.2 объединяет свидетельства журналисток, встречавшихся по работе с Депутатом и выступающих в роли сведущих об этих событиях:

а) журналистки встречались с Депутатом по работе;

б) по их словам, Депутат совершал сексуальные домогательства;

с) есть основания считать, что Депутат совершал сексуальные домогательства.

1. Осведомлены ли журналистки о сексуальных домогательствах Депутата? Да, они встречались с этим Депутатом, состояли с ним в вертикальных отношениях, от него зависела успешность их работы.

2. Заслуживают ли доверия журналистки как надежный источник сведений? Да. Кроме Депутата они были единственными участниками инцидентов, жаловались на непристойности коллегам. Одна из журналисток сделала аудиозапись.

3. Утверждали ли журналистки, что Депутат их домогался? Да. Они описали подробности его непристойных предложений и действий.

Общая оценка аргумента – сильно-состоятельный 1, не защищен, атакован слабо-состоятельным A1.2, затем – защищен посредством контратаки A2.3 на A1.2, а по итогам спора Б – снова не защищен из-за атаки Б4.2 на A2.3.

Аргумент A2.3, выдвинутый О. В. Пушкиной, включает два рассуждения: *a*–с ссылается на распространенное мнение, по которому обнаружилось глубокое разногласие между A2 + Б4 и A1 + Б3; *c*–*f* ссылается на экспертное мнение самой О. В. Пушкиной:

а) граница между ухаживаниями и домогательствами всем известна;

б) если она всем известна, то известна и Депутату;

с) разумно считать, что Депутату известна граница между ухаживаниями и домогательствами;

д) О. В. Пушкина – эксперт по вопросам дискриминации женщин;

е) О. В. Пушкина считает, что Депутат вел себя непристойно;

ф) есть основания считать, что Депутат вел себя непристойно.

1. На чем основано утверждение, что все знают границу между ухаживанием и домогательством? На профессиональном опыте О. В. Пушкиной¹⁰.

2. Есть ли причины сомневаться, что все знают границу между ухаживанием и домогательством? Да. БЗ.1–3 указывают на глубокое разногласие по вопросу границ между ухаживанием и домогательством.

1. Насколько О. В. Пушкина надежна как эксперт? Весьма надежна. Она много лет работала с обращениями женщин по вопросу домогательств¹¹.

2. Является ли О. В. Пушкина экспертом по домогательствам? Да¹².

3. Из какого утверждения О. В. Пушкиной вытекает, что депутат вел себя непристойно? «Людей сдерживает страх в 99% случаев. Они молчат. Я <...> поняла, какие молодцы те девочки-журналистки, которые решили рассказать. Ведь у нас это считается неприличным. И вообще этого быть не может в нашем обществе»¹³.

4. Заслуживает ли О. В. Пушкина доверия лично как источник мнения? Да, у нее большой опыт в вопросах преодоления дискриминации женщин¹⁴.

5. Совместимо ли утверждение О. В. Пушкиной о непристойном поведении с утверждениями других экспертов? Нет, оно несовместимо с мнением эксперта Т. В. Черниговской в БЗ.1.

6. На каком свидетельстве основаны утверждения О. В. Пушкиной? На ее опыте оценки свидетельств пострадавших от домогательств.

Общая оценка аргумента – 0,5, средне-состоятельный. А2.3 отклоняет слабо-состоятельный А1.2, однако Б4.2 отклоняет А2.3, возвращая А1.2 как защищенный.

Аргумент А2.4 ссылается на негативные последствия – это возражения журналисток на А1.3¹⁵:

а) если бы мы, журналистки, сразу пожаловались на домогательства Депутата в суд или официальным лицам ГД, это привело бы к ухудшению нашей репутации, а не к справедливому рассмотрению дела;

б) нам не следовало жаловаться на домогательства Депутат в суд или официальным лицам ГД.

¹⁰ См., например: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пушкина,_Оксана_Викторовна#cite_note-21

¹¹ Нелюбин Н. «Депутат Оксана Пушкина: Нашим мужчинам легче с “рыбками”» // ФОНТАНКА.РУ. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/03/02/035/> (дата обращения: 06.12.2023).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ «Депутат Пушкина готовит поправки о сексуальных домогательствах на фоне скандала с депутатом Слуцким» // Коммерсантъ. 27.02.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3559345>

¹⁵ Самохина С. «За недостаточностью домогательств» // Коммерсантъ. 21.03.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579606>

1. На чем основано утверждение *а*? Одна из журналисток проконсультировалась с экспертами и обнаружила юридический и моральный аспект проблемы домогательств: отсутствие соответствующей нормы права и унижительность статуса жертвы домогательств в обществе.

2. Какова вероятность наступления отрицательных последствий? Высокая. Реакция главы Союза журналистов Москвы подтверждает этот прогноз¹⁶.

3. Имеются ли положительные последствия незамедлительной жалобы на поведение Депутата, которые стоит учесть? Да. В Комиссии по этике заявили, что вопрос мог бы быть рассмотрен без лишней публичности, без подозрений к мотивам заявительниц, если бы был подан в другое время.

Общая оценка аргумента – 0,5, средне-состоятельный, потому что он не дает совместимого с заключением ответа на вопрос 3. А2.4 отклоняет А1.3, затем контратакован Б4.3, что возвращает А1.3 как защищенный.

В защиту Б3 было выдвинуто три правдоподобных аргумента: Б3.1 и Б3.3 «от распространенного мнения» и Б3.2 «от мнения эксперта»:

а) *считается, что мужчина, оказывая женщине знаки внимания, не пытается ей навредить;*

б) *если оказывание знаков внимания мужчиной женщине не считается попыткой навредить женщине, то на это имеется основание;*

с) *есть основание считать, что Депутат, оказывавший журналисткам знаки внимания, не пытался им навредить.*

1. Каковы основания считать *а* распространенным мнением? Личные взгляды авторов аргумента, подтверждаемые результатами социологических опросов [Мы считаем 2019].

2. Есть ли причины сомневаться, что утверждение *а* – распространенное мнение? Нет. Тот факт, что *а* – распространенное мнение, подтверждают позиции О. В. Пушкиной¹⁷ и А. Б. Веллера, выступивших в защиту Б4.

Общая оценка аргумента – сильно-состоятельный 1.

Б3.2 вместе с Б3.3. выражают социальный аспект глубокого разногласия:

¹⁶ Глава Союза журналистов Москвы: Журналистки, которые пожаловались на домогательства депутата, «унизили профессию» // ФОНТАНКА.РУ. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/03/07/147/> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁷ В частности: «Оксана Пушкина предложила за домогательства лишать политиков должности» // РБК. 22.03.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/03/2018/5ab3eeee9a79477dd47ae462>

а) *Т. В. Черниговская – эксперт в области поведения людей;*
 б) *Т. В. Черниговская утверждает, что для мужчины ухаживать за женщиной, а для женщины оказывать этому сопротивление – нормальное поведение;*

с) *разумно считать, что ухаживания мужчин и сопротивление этому со стороны женщин – нормальное поведение.*

1. Насколько *Т. В. Черниговская* надежна как эксперт? *Весьма надежна.*

2. Является ли *Т. В. Черниговская* экспертом в области поведения людей? *Да.*

3. Из какого утверждения *Т. В. Черниговской* вытекает, что подобное поведение нормально для мужчин и женщин? «Все, что я знаю – антропологически, физиологически, психологически, лингвистически, когнитивно – про человека, говорит мне о том, что это [стирание границ между мужским и женским, в том числе отказ от “ухаживаний”] очень плохая дорога»¹⁸.

4. На чем основано утверждение *Т. В. Черниговской*? На ее пересказе результатов исследований («все, что я знаю»).

5. Заслуживает ли *Т. В. Черниговская* доверия лично как источник мнения? Не вполне. В цитируемых выступлениях она высказывает свое личное мнение (а не экспертное) и подчеркивает свое несогласие с иными позициями: «в сети меня обвиняют в сексизме»¹⁹.

6. Совместимо ли утверждение *Т. В. Черниговской* с мнением другими мнениями? Нет, оно несовместимо с мнением *О. В. Пушкиной* в А2.3.

Общая оценка аргумента – средне-состоятельный 0,5, в силу ответов на критические вопросы 4–6, несовместимых с *а*.

БЗ.3 обобщает мнения депутатов в публичной дискуссии:

а) *оказывать женщинам знаки внимания – это распространенное поведение в России;*

б) *если такое поведение распространено, то оно приемлемо;*

с) *разумно считать, что оказывать женщинам знаки внимания – приемлемое поведение.*

1. На чем основано утверждение *а*? На личных взглядах авторов аргумента.

2. Каковы основания считать описанное в *а* поведение приемлемым? Неизвестно. Соцопросов, подтверждающих его приемлемость, нами не было найдено.

¹⁸ Черниговская Т., Шеварднадзе С. «Мир так устроен: барышня должна сопротивляться, а мужчина – проявлять настойчивость» // Spletnik. 08.03.2018. URL: <https://spletnik.ru/buzz/interview1/81128-tatyana-chernigovskaya-interview.html>

¹⁹ Смолякова Д. Т. Черниговская: «У человека половина общих генов с дрожжами» // СПб Собака.ru 29.03.2018 URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/70447>

Общая оценка аргумента – средне-состоятельный 0,5.

В защиту точки зрения Б4 было выдвинуто три правдоподобных аргумента: Б4.1 «от распространенного мнения», Б4.2 «от взаимосвязи с причиной» и Б4.3 «скользящий склон» – подвид аргумента «к негативным последствиям».

Б4.1 атакует Б3.2 по социальному аспекту глубокого разногласия:

- а) *сексуальные домогательства считаются неприемлемыми;*
- б) *если сексуальные домогательства считаются неприемлемыми, то для этого имеются основания;*
- в) *разумно считать сексуальные домогательства неприемлемыми.*

1. На чем основано утверждение а? На личных взглядах и жизненном опыте автора аргумента А. Б. Веллера: «любые проявления сексуальных домогательств — это плохо... большинство в нашем обществе разделяет эту нехитрую моральную установку»²⁰, что подтверждают результаты соцопросов [Островская, Мирясова 2021].

2. Есть ли причины сомневаться в а? Да. Проблему домогательств на работе считают важной 20% россиян, а 63% полагают, что женщина может «напрашиваться» на домогательства своим внешним видом, 36% выступают за обсуждение случаев домогательств, 40% – против [Мы считаем 2019].

Общая оценка аргумента – средне-состоятельный 0,5.

Б4.2, узловой аргумент, характеризующий Б4 как промежуточную в глубоком разногласии, атакует Б3.3 и опосредованно А2.3:

- а) *моральные установки у разных людей разные, поэтому одно и то же действие разные люди могут расценить по-разному;*
- б) *различие в моральных установках – причина того, что одно и то же действие понимают как ухаживание и домогательство.*

1. Существует ли взаимосвязь между различием в моральных установках людей и их оценками действий других? Да, по мнению А. Б. Веллера.

2. Есть ли основания считать, что указанная взаимосвязь не является совпадением? Да. Журналистки и депутаты признали манеры Депутата своеобразными, но его поведение в рассматриваемой ситуации журналистки сочли непристойным, а Комиссия по этике – нет.

3. Существует ли какое-то третье явление, которое является причиной различий в моральных установках людей и в оценках ими действий других? Да, это может быть ангажированность журналисток в рассматриваемой ситуации.

Общая оценка аргумента – средне-состоятельный 0,5.

²⁰ Алексей Веллер. О сексуальном скандале вокруг коллеги по парламенту // СНОБ. 26.03.2018.

Б4.3 подкрепляет промежуточную позицию Б4 в глубоком разногласии:

а) *если конфликты с домогательствами сразу не уладить, затем пытаться уладить задним числом, это будет иметь наихудшие последствия;*

б) *если не уладить конфликты с домогательствами сразу, задним числом их невозможно будет уладить из-за различий моральных взглядов, что влечет риск провокаций или скандалов;*

с) *провокации и скандалы из-за конфликтов с домогательствами – наихудшие последствия.*

1. Какие промежуточные звенья цепи событий, ведущие к с, указаны явно? Явно выделено четыре звена: с0 – конфликт с домогательствами сразу не улажен; с1 – невозможно уладить такой конфликт задним числом; с2 – различие моральных взглядов препятствует улаживанию таких конфликтом задним числом; с3 – провокации и скандалы.

2. Каких промежуточных звеньев недостает в цепи событий с0, ..., с3 для обоснованности перехода от с0 к с3? По меньшей мере двух. Не хватает причин, почему невозможно урегулировать конфликт задним числом, а с2 не представляется достаточной для этого причиной. Не хватает признаков поступков, указывающих на домогательства в социальном и юридическом аспектах.

3. Есть ли слабые звенья в цепи с0, ..., с3? Да. Это с1, где не приводится примеров каких-либо попыток улаживания подобных конфликтов, удачных или нет; и с2, где различие в моральных взглядах может и препятствовать, и способствовать урегулированию подобных конфликтов, а для их улаживания важнее изучить факты, нежели моральные предпочтения сторон.

Общая оценка аргумента Б4.3. – слабо-состоятельный 0,1.

Заключение

Мы проанализировали аргументацию в дискуссии по чувствительному для общества вопросу домогательств при помощи методики, основанной на «новой диалектике» Д. Уолтона и логико-когнитивной теории аргументации Е. Н. Лисанюк. Реконструкция дискуссии посредством цифровой визуализации и картирования двух споров А и Б позволила определить итоговое решение и обнаружить глубокое разногласие по поводу границы между ухаживанием и домогательством. Полученное таким путем итоговое решение споров А и Б образовано неотклоненными в спорах аргументами А1 + Б4 и состоит в том, что обвинения Депутата в непристойном поведении

журналисткам доказать не удалось, что согласуется с вердиктом Комиссии по этике ГД, но подобные действия являются домогательствами и неприемлемы, что не согласуется ни с вердиктом, ни с полученным нами решением спора Б. Рассогласованность итогового решения споров А и Б – симптом выявленного в ходе исследования глубокого разногласия по вопросу границ допустимости ухаживаний, который явно в дискуссии не обсуждался, однако полярные позиции сторон в этом вопросе оказались корнем всей дискуссии. Ключевой вклад в обнаружение глубокого разногласия внесло использование цифровой визуализации дискуссии через картирование споров вместо принятой в логике аргументации формализации на графе. Его обнаружение подсказывает, что в силу когнитивных и психологических причин поляризация мнений о домогательствах будет нарастать в условиях отсутствия юридического определения домогательства и размытости социальной границы допустимости ухаживаний.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Балабанов, Саралиева 2010 – Балабанов С. С., Саралиева З. Х. Сексуальные домогательства на работе в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 7–12.
- Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 321–405.
- Еемерен, Гроотендорст 1994 – Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. СПб.: Нотабене, 1994.
- Канеман 2020 – Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ, 2020.
- Лисанюк 2015 – Лисанюк Е. Н. *Аргументация и убеждение*. СПб.: Наука, 2015.
- Лисанюк, Мазурова 2019 – Лисанюк Е. Н., Мазурова М. Р. Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 1. С. 81–100.
- Микиртумов 2018 – Микиртумов И. Б. Дело Маркина: легитимация правового института и аргументация его решений // Аргументация в праве и морали / ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 429–456.
- Мы считаем 2019 – Проект «Мы считаем» // Михайлов и партнёры. Аналитика. 2019. URL: <https://m-p-a.ru/genderinequality.html>
- Островская, Мирясова 2021 – Островская Ю., Мирясова О. Проблема харассмента в высшей школе // Фонд имени Фридриха Эберта. Россия. URL: <https://www.fes-russia.org/meroprijatija/publikacija-problema->

- kharassmenta-v-vysshei-shkole/?fbclid=IwAR2h7eVFE4KGIk89_LGjTSnh-gnYXWP4G6NLYzNltBWH-PfwyTymv71Vl8
- Праккен 2018 – Праккен Г. Формализация споров о законодательных инициативах в виде практического рассуждения // Аргументация в праве и морали / ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 466–488.
- Стучевская 2008 – Стучевская О. Харассмент и российские женщины // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 40–52.
- Фогелин 2021 – Фогелин Р. Логика глубокого разногласия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 275–285.
- Харитонов 2019 – Харитонов М. М. Понятие сексуального домогательства (харассмента) и механизмы противодействия ему в трудовом праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 52–75.
- Barth, Krabbe 1982 – Barth E. M., Krabbe E. C. W. *From Axiom to Dialogue*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982.
- Dung 1995 – Dung P. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games // *Artificial Intelligence*. 1995. Vol. 77. P. 321–357.
- Feldman 2005 – Feldman R. Deep Disagreement, Rational Resolutions, and Critical Thinking // *Informal Logic*. 2005. Vol. 25 (1). P. 13–23.
- Olsson 2013 – Olsson E. J. A Bayesian Simulation Model of Group Deliberation and Polarization // *Bayesian Argumentation* / F. Zenker (ed.). Springer, 2013. P. 113–133.
- Walton et al. 2008 – Walton D., Reed Ch., Macagno F. *Argumentation schemes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

- Balabanov, S. S., & Saraliev, Z. Kh. (2010). Sexual harassment at work in Russia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki*, 1(17), 7–12. (In Russian).
- Barth, E. M., & Krabbe, E. C. W. (1982). *From Axiom to Dialogue*. Walter de Gruyter.
- Dung, P. (1995). On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games. *Artificial Intelligence*, 77, 321–357.
- Eemeren, F. Van, & Grootendorst, R. (1994). *Speech acts in argumentative discussions*. Notabene. (In Russian).

- Feldman, R. (2005). Deep Disagreement, Rational Resolutions, and Critical Thinking. *Informal Logic*, 25(1), 13–23.
- Fogelin, R. (2021). The logic of deep disagreement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 64, 275–285. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/64/27>
- Kahneman, D. (2020). *Thinking, fast and slow*. AST. (In Russian).
- Kharitonov, M. M. (2019). The concept of sexual harassment and mechanisms to counter it in Russian labor law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 3, 52–75. (In Russian).
- Lisanyuk, E. N. (2015). *Argumentation and persuasion*. Nauka. (In Russian).
- Lisanyuk, E. N., & Mazurova, M. R. (2019). Argumentation, disagreement between equals and the birth of truth in a dispute. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, 56(1), 81–100. (In Russian).
- Mikhailov and Partners. Analytics. (2019). *Project “We Count”*. <https://m-p-a.ru/genderinequality.html> (In Russian).
- Mikirtumov, I. B. (2018). Markin’s case: legitimation of a legal institution and the argumentation of its decisions. In E. N. Lisanyuk (Ed.), *Argumentation in Law and Morality* (pp. 429–456). Aleph-Press.
- Olsson, E. J. (2013). A Bayesian Simulation Model of Group Deliberation and Polarization. In F. Zenker (Ed.), *Bayesian Argumentation* (pp. 113–133). Springer.
- Ostrovskaya, Yu., & Miryasova, O. (2021). *The problem of harassment in higher education*. Friedrich Ebert Foundation. Russia. https://www.fes-russia.org/meroprijatija/publikacija-problema-kharassmenta-v-vysshei-shkole/?fbclid=IwAR2h7eVFEd4KGIk89_LGjTSnh-gnYXWP4G6NLYzNltBWH-PfwyTymv71Vl8 (In Russian).
- Prakken, G. (2018). Formalization of disputes about legislative initiatives in the form of practical reasoning. In E. N. Lisanyuk (Ed.), *Argumentation in Law and Morality* (pp. 466–488). Aleph-Press. (In Russian).
- Stuchevskaya, O. (2008). Harassment and Russian women. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 4(96), 40–52. (In Russian).
- Walton, D., Reed, Ch., & Macagno, F. (2008). *Argumentation schemes*. Cambridge University Press.
- Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works* (Part 1, pp. 321–405). Gnosis. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 18.06.2021

Материал поступил в редакцию после рецензирования 06.12.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Сергей
Игоревич	Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова.
Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия.
Доктор политических наук, доцент кафедры
российской политики факультета политологии.
E-mail: Belov2006s@yandex.ru
Битюцкая Екатерина
Владиславовна	Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова.
Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент
кафедры общей психологии факультета
психологии.
E-mail: bityutskaya_ew@mail.ru
Боброва Ангелина
Сергеевна	Российский государственный гуманитарный
университет.
Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия.
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики.
Ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Россия.
Кандидат философских наук, доцент.
E-mail: angelina.bobrova@gmail.com
Володенков Сергей
Владимирович	Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова.
Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия.
Доктор политических наук, доцент, профессор
кафедры государственной политики факультета
политологии.
E-mail: s.v.cyber@gmail.com
Горбулёва Мария
Сергеевна	Томский государственный педагогический
университет.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
Кандидат философских наук, старший научный
сотрудник и доцент кафедры истории и
философии науки.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: praxema@tspu.edu.ru

- Донских Олег
Альбертович
Новосибирский государственный университет
экономики и управления.
Ул. Каменская, д. 56, Новосибирск, 630099, Россия.
Новосибирский государственный технический
университет.
Пр. Маркса, д. 20, Новосибирск, 630073, Россия.
Доктор философских наук, профессор, PhD
(Monash, Australia).
E-mail: oleg.donskikh@gmail.com
- Думнова Эльнара
Михайловна
Новосибирский государственный университет
экономики и управления.
Ул. Каменская, д. 56, Новосибирск, 630099, Россия.
Доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и гуманитарных наук.
E-mail: dumnova79@yandex.ru
- Карлявина Екатерина
Викторовна
Российский университет транспорта (МИИТ).
Минаевский пер., 2, Москва, 127055, Россия.
Старший преподаватель кафедры
международных отношений и геополитики
транспорта.
E-mail: katerinakarlj@yandex.ru
- Лисанюк Елена
Николаевна
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Университетская набережная, д. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия.
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики.
Ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Россия.
Доктор философских наук, доцент, профессор.
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru
- Мелик-Гайказян
Ирина
Вигеновна
Томский государственный педагогический
университет.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
Доктор философских наук, профессор, зав.
кафедрой истории и философии науки.
E-mail: melikiv@tspu.edu.ru
- Первушина Нина
Андреевна
Томский государственный педагогический
университет.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
Научный сотрудник кафедры истории и
философии науки.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: pervushina.na@tspu.edu.ru

- Спешилова Елизавета Ивановна Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
Ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
Великий Новгород, 173003, Россия.
Научный сотрудник НОЦ «Гуманитарная урбанистика».
E-mail: e.speshilova@yandex.ru
- Федорченко Сергей Николаевич Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия.
Доктор политических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии.
E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru
- Шеваренкова Анастасия Владимировна Санкт-Петербургский государственный университет.
Университетская набережная, д. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия.
Магистрант.
E-mail: st064327@student.spbu.ru

AUTHORS

Sergey I. Belov	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: Belov2006s@yandex.ru
Ekaterina V. Bityutskaya	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: bityutskaya_ew@mail.ru
Angelina S. Bobrova	Russian State University for the Humanities Moscow, Russian Federation. HSE University, Moscow, Russian Federation. E-mail: angelina.bobrova@gmail.com
Sergey V. Volodenkov	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: s.v.cyber@gmail.com
Oleg A. Donskikh	Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: oleg.donskikh@gmail.com
Elnara M. Dumnova	Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: dumnova79@yandex.ru
Sergey N. Fedorchenko	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru
Maria S. Gorbuleva	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: praxema@tspu.edu.ru
Ekaterina V. Karlyavina	Russian University of Transport MIIT, Moscow, Russian Federation. E-mail: katerinakarlj@yandex.ru

Elena N. Lisanyuk	St. Petersburg State University, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. E-mail: e.lisanuk@spbu.ru
Irina V. Melik- Gaykazyan	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: melikiv@tspu.edu.ru
Nina A. Pervushina	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: pervushina.na@tspu.edu.ru
Anastasia V. Shevarenkova	St. Petersburg State University, Russian Federation. E-mail: st064327@student.spbu.ru
Elizaveta I. Speshilova	Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russian Federation. E-mail: e.speshilova@yandex.ru

